

ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ

Общественная правозащитная организация, Санкт-Петербург
при поддержке Фонда Конрада Аденауэра

КОНФЕРЕНЦИЯ

Современные проблемы обеспечения доступа к архивным документам и их использования

9 - 10 декабря 2000 года

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Санкт-Петербург
2001

© Общественная правозащитная организация “Гражданский контроль”

При использовании материалов сборника в публикациях ссылка на первоисточник обязательна

Общественная правозащитная организация “Гражданский контроль”, Санкт-Петербург
191186, Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, д.5, тел. (+ 7 812) 325 8915/16, факс (+ 7 812) 3258915

E-mail: citwatch@mail.wplus.net , [http: //www.wplus.net/pp/citwatch](http://www.wplus.net/pp/citwatch)

Стенографы –Агапова З.В., Борисова Е.А., Воронина И.Г., Шейбухова Т.Б.

Тираж – 400 экземпляров

С О Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Список участников конференции</i>	5
Б.П.ПУСТЫНЦЕВ <i>Вступительное слово</i>	7
<i>Доклады</i>	
И.СЕКЕЙ <i>Новая европейская политика в отношении архивов и ситуация с архивами в новых демократических странах</i>	8
В.Д.КОЗЛОВ <i>Российское архивное законодательство и доступ к информации: проблемы и перспективы</i>	13
Д.И.РАСКИН <i>Интернет и проблемы доступа к архивным материалам</i>	15
И.А.КУРНИКОВА <i>Правовые основы доступа к архивным данным</i>	19
А.В.ЕЛПАТЬЕВСКИЙ <i>Проблемы доступа к архивам: мнимая секретность и неясности в определении понятия «частная жизнь»</i>	26
В.Д.ЕСАКОВ <i>Об опыте подготовки изданий постановлений Политбюро ЦК по истории Академии наук</i>	31
Т.Ф.ПАВЛОВА. <i>Современное состояние рассекречивания документов в государственных ведомственных архивах</i>	35
И.П. КИСЕЛЕВ <i>Современные справочно-информационные издания в традиционной и электронной формах как средство расширения доступа к архивным документам</i>	40
Т.М.ГОРЯЕВА <i>Архивный мир: мифы и реальность</i>	44
А.В.БЛЮМ <i>Проблемы доступности для независимых исследователей документов по неофициальной советской цензуре</i>	49
Г.Г.ЛИСИЦИНА <i>Об Архивном тренинговом центре</i>	54
Л.И.СПИРИДОНОВА <i>О Российском государственном архиве ВМФ</i>	57
П.И. НЕТУПСКИЙ <i>Правовая и экономическая информация: проблемы архивизации</i>	61

Ю.А.ВИНОГРАДО

64

О праве на доступ к информации

Дискуссия

70

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

Венгрия

1. **Иван Секей**, "Архивы Открытого Общества в Центральном Европейском Университете", советник, Будапешт

Германия

2. **Габриеле Бауманн**, руководитель представительства Фонда Конрада Аденауэра

Польша

3. **Пацио Дорота**, Фонд Центра КАРТА, координатор, Варшава

Россия, Москва

4. **Горяева Татьяна Михайловна**, зам. директора Российского государственного архива литературы и искусства
5. **Елпатьевский Андрей Валерианович**, Всероссийский НИИ документоведения и архивного дела, старший научный сотрудник
6. **Елпатьевская Екатерина Андреевна**, Московский институт повышения квалификации работников образования, Медиацентр
7. **Есаков Владимир Дмитриевич**, Институт российской истории РАН, ведущий научный сотрудник, доктор ист. наук
8. **Киселев Игорь Николаевич**, начальник отдела организации научно-исследовательской работы и автоматизированных технологий Росархива
9. **Козлов Владимир Петрович**, руководитель Федеральной Архивной Службы России
10. **Курникова Ирина Анатольевна**, Всероссийский НИИ документоведения и архивного дела, ведущий научный сотрудник, кандидат ист. наук
11. **Любимов Алексей Павлович**, начальник отдела учета и систематизации законодательства Правового управления Аппарата Государственной Думы РФ
12. **Охотин Никита Глебович**, Институт "Открытое общество", Фонд "Содействие", старший координатор программы "Культура"
13. **Павлова Татьяна Федоровна**, начальник управления использования архивных документов Росархива
14. **Щитова Наталья Геннадьевна**, Ассоциация аудиторов

Санкт-Петербург

15. **Бабурин Игорь Петрович**, директор Центрального государственного архива историко-политических документов
16. **Блюм Арлен Викторович**, доктор фил. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств
17. **Болотский Владимир Евгеньевич**, Российское генеалогическое общество
18. **Бранский Александр Евгеньевич**, "Гражданский контроль", исполнительный директор
19. **Буравченко Нина Александровна**, Архивное Управление Санкт-Петербурга и области, главный специалист
20. **Вдовин Юрий Иннокентьевич**, зам. председателя организации "Гражданский контроль"
21. **Виноградов Юрий Абрамович**, историк-архивист РАН, Санкт-Петербургский Союз Ученых, рабочая группа "Романовы после 1918 г."
22. **Воронков Виктор Михайлович**, Центр независимых социологических исследований, директор

23. *Гассельблат Герман Витальевич*, вице-президент Уральского генеалогического общества, член Совета Русского генеалогического общества
24. *Дорофеев Юрий Андреевич*, ИТАР-ТАСС
25. *Зернова Татьяна Александровна*, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, директор
26. *Иофе Вениамин Викторович*, председатель научно-исследовательского центра "Мемориал"
27. *Лебина Наталья Борисовна*, доктор ист. наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран СПб Университета экономики и финансов
28. *Лисицина Галина Георгиевна*, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Архивный тренинговый центр
29. *Лисовская Галина Ивановна*, Центральный государственный архив историко-политических документов
30. *Малевинская Марина Евгеньевна*, Российский государственный архив ВМФ
31. *Мишанов Валентин Григорьевич*, директор Российского государственного архива ВМФ
32. *Могилевский Роман Семенович*, Исследовательская фирма "Гэллоп", Генеральный директор
33. *Муждаба Валерий Мустафьевич*, "Гражданский контроль, эксперт
34. *Нетунский Павел Иосифович*, редактор отдела "Право" газеты "Деловая Панорама"
35. *Панеях Виктор Моисеевич*, Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН, зав. отделом
36. *Петров Павел Владимирович*, Российский государственный архив ВМФ, начальник отдела
37. *Пустынцев Борис Павлович*, председатель организации "Гражданский контроль"
38. *Разумовская Мария Львовна*, "Гражданский контроль", координатор
39. *Раскин Давид Иосифович*, начальник отдела Российского государственного исторического архива, сопредседатель Санкт-Петербургского Союза Ученых, член Совета Санкт-Петербургского Научного Общества историков и архивистов
40. *Резникова Ирина Анатольевна*, НИЦ "Мемориал", зам. директора
41. *Сажин Валерий Николаевич*, Союз писателей Санкт-Петербурга
42. *Симкина Татьяна Борисовна*, Российский государственный архив ВМФ, информатизация архива
43. *Слободова Анна Наумовна*, представительство Фонда Конрада Аденауэра в Санкт-Петербурге
44. *Соколов Александр Ростиславович*, Российский государственный исторический архив, директор
45. *Сошин Владимир Викторович*, Русское генеалогическое общество
46. *Спиридонова Людмила Ивановна*, начальник отдела информационного обеспечения Российского государственного архива ВМФ
47. *Титова Ирина Викторовна*, корреспондент газеты "The St. Petersburg Times"
48. *Черепенина Надежда Юрьевна*, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, зав. отделом публикаций
49. *Шульгина Нина Ивановна*, зав. архивохранилищем Центрального государственного архива историко-политических документов

Заседание 9 декабря 2000 года

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Мы очень рады видеть вас. Спасибо всем, кто пришел к нам сегодня. Я вижу здесь многих, кто присутствовал на нашем обсуждении подобной темы два года назад, но здесь есть и новые лица. Позвольте представиться. Меня зовут Борис Павлович Пустынцев. Я являюсь председателем правозащитной организации «Гражданский контроль». Попытаюсь объяснить, почему мы сочли необходимым возобновить обсуждение этой темы. Возможно, я излишне полемически обострю ситуацию с точки зрения некоторых, но я говорю от имени гражданского общества, простите за нескромность.

С нашей точки зрения, существует очень большой дисбаланс между развитием нашего общества вообще и архивной службы в частности. Несмотря на всю неустойчивость – и политическую, и социальную, мы сегодня живем в другой стране, мы сегодня живем в условиях конституционной демократии. И целый ряд общественных институтов более или менее соответствует этой ситуации.

В то же время, с нашей точки зрения, состояние архивной службы во многом осталось прежним. Конечно же, это уже другая архивная служба, конечно же, наши архивы сегодня доступны как, может быть, никогда в России, за исключением короткого периода до 1917-го года. Но многие принципы, на которых она строится, остались теми же – принципами тоталитарного государства. Очень хорошо, на мой взгляд, сказал недавно академик Александр Николаевич Яковлев в своем интервью о том, что все тайны в любом государстве (он имел в виду государство с разным политическим устройством) – это выдумка чиновников, она служит чиновнику, от нее кормятся тысячи и тысячи людей.

В нашей стране, например, действительно, десятки тысяч людей придумывали себе работу, имитировали активную деятельность. Что такое, например, секретная информация по теме «Оперативное руководство созревaniem ржи»? Повторяю, с точки зрения гражданского общества подобное отношение к архивным документам, сверхъестественная секретность – это орудие управления тоталитарным государством; недаром в 1938-м году вся система архивов была включена в состав НКВД. Чем больше секретов, тем меньше демократии. В подобных условиях с документами можно делать все, что угодно: их можно прятать от общества, фальсифицировать, уничтожать, – что и происходило на протяжении 70 лет, но след от этого тянется до сих пор.

Существует определенная инерция событий, она создает специфические условия существования нашей архивной службы. Таких условий нет ни в одной демократической стране. Например, ни в одной развитой стране невозможно представить себе засекречивание бюджетной строчки о СМИ. Результаты обсуждения в Думе пойдут в архивы, и в лучшем случае через 30 лет мы их, может быть, узнаем. На самом деле в правовых государствах любые закрытые слушания происходят только по крайне ограниченному списку тем: это проблемы сугубо оборонные, военные, это дипломатические переговоры и т.д. Темы эти можно пересчитать по пальцам.

Бессмертна формула Джорджа Оруэла, который написал в 1946-м году в романе «1984 год»: «Тот, кто владеет прошлым, владеет будущим»; но она, по-моему, справедлива до сих пор. В чём её смысл? – В контроле тоталитарного государства над архивными документами. Был, конечно, и еще один смысл, он не потерял своей актуальности до сих пор: чиновник сегодня рассматривает любую информацию, находящуюся в его распоряжении, как свою личную собственность и поступает с ней так, как ему угодно. И подобное положение, конечно, наносит огромный вред.

Без детального знания прошлого невозможно, например, составить ни одной значимой образовательной программы. Я уж не говорю о таких вещах, как упущенная выгода для многих предприятий. Архивисты развитых стран никак не могут взять в толк, что, например, у нас подразумевается под понятием «конфиденциальная информация». Очень расплывчатое понятие, которое дает массу возможностей для произвола. Или почему, например, у нас не внедряется такая практика цивилизованных государств как частичное рассекречивание документов, – я имею в виду, что нет четкого законодательства на эту тему. И, конечно же, чиновничий интерес еще подогревается уникальным положением, которого нет в других странах: это надбавка за работу с секретными материалами. Вот пока эта надбавка сохраняется, состояние архивов, с нашей точки зрения, с точки зрения гражданского общества будет продолжать оставаться катастрофическим для демократического государства. В этом зале присутствуют специалисты. Возможно, некоторые из них опровергнут эту точку зрения. Мы будем только рады.

Позвольте познакомить вас с порядком работы. В первый день мы заслушаем доклады, а второй день мы предлагаем провести в режиме круглого стола, в режиме дискуссии. Те из вас, кто считает, что какую-то тему необходимо обсудить, напишите ее, пожалуйста, на этом листе ватмана. Если темы будут повторяться, то мы обсудим их завтра в порядке приоритетности: наиболее важные – сначала, остальные – потом.

По всем вопросам, которые у вас возникают, по всем проблемам обращайтесь, пожалуйста, к сотрудникам «Гражданского контроля». Здесь сидит Валерий Мустафьевич, Юрий Иннокентьевич, Евгения Юрьевна. Они помогут вам эти вопросы решить.

А сейчас позвольте предоставить слово господину Ивану Секею, советнику Архивов Открытого общества в Центральном Европейском университете Будапешта.

ИВАН СЕКЕЙ

Дамы и господа!

Уважаемые коллеги!

Мне очень приятно оказаться здесь еще раз и иметь возможность обсудить различные вопросы, в частности новую европейскую политику в отношении доступа к информации, с моими российскими коллегами. Я являюсь представителем международной организации Архивы Открытого общества, а также еще одной международной организации – Совета Европы. Я – венгр, и моя страна принадлежит к новым демократиям так же, как Россия.

Я хотел бы поговорить о международной европейской политике в отношении доступа к архивам, а также о ситуации в новых демократических странах. Поэтому я выбрал для своего выступления известный экономический лозунг: «Мыслить глобально и локально». И сегодня моя задача – убедить вас мыслить глобально, поскольку я дам вам дополнительную информацию о новой европейской политике, а ваша цель, – цель моих российских коллег – поразмыслить над тем, что можно сделать в ваших условиях для более свободного доступа к российским архивам.

Почему я сейчас остановился на этом вопросе? У вас здесь есть копия (на русском языке) новой Рекомендации Совета Европы. Вы знаете, что принятие этой Рекомендации является важным событием в истории архивов в целом. Это Рекомендация Совета Европы № 2000/13. Она была принята 13 июля 2000 года на 717-м заседании заместителей премьер-министров европейских стран. И хотя здесь много мистических цифр, но это заседание –

очень важное, поскольку на нем был выработан единственный международный документ, регулирующий доступ к архивам. У вас есть как раз его копия.

Скажу два слова о Совете Европы, потому что многие мои коллеги в Венгрии и других странах очень часто путают различные европейские институты: допустим, Европейский Союз и Совет Европы. Вы знаете, что Европейский Союз – это, конечно, не Совет Европы. Вот здесь аббревиатура Совета Европы выше. Есть и еще другая европейская организация, которая называется Европейский парламент, а также есть еще Европейский Союз. Конечно, это очень схоже с Советом Европы, но это две разные организации.

Я вам постараюсь объяснить попроще. Совет Европы занимается правами и культурой, а Европейский Союз занимается финансами и политикой. И наши страны, Венгрия и Россия, являются членами Совета Европы, но не членами Европейского Союза. Поэтому Рекомендация Совета Европы может изменить нашу жизнь; по крайней мере, от нас ожидают, что мы будем следовать этой рекомендации. Совет Европы использует два основных инструмента в своей работе: во-первых, это конвенции и, во-вторых, это ряд выработанных им рекомендаций. Конвенции являются юридически обязательными для исполнения всеми странами, которые подписывают их и ратифицируют. Рекомендации выполнять не обязательно, но желательно: предполагается, что все страны – члены Совета Европы будут им следовать. Допустим, есть Конвенция о защите данных, и к ней прилагается целый ряд рекомендаций по защите данных в различных сферах. Венгрия подписала конвенцию еще в 1993 году, ратифицировала ее в 1997 году. Итак, был промежуток в четыре года между этими датами. Это было связано с тем, что мы стремились выполнить все рекомендации еще до момента, когда мы сможем ратифицировать конвенцию. Рекомендации касаются таких сфер, как защита данных полиции, Интернета и так далее. Рекомендации вырабатываются Советом Министров Совета Европы.

Теперь я хочу сказать пару слов об истории конкретно этой Рекомендации. Ее разрабатывала не какая-то группа бюрократов, у этой Рекомендации своя долгая история. Всё началось с серии двухсторонних круглых столов. Первый такой круглый стол проводился в 1995 году между Венгрией и Францией, я в нем участвовал. Второй круглый стол проводился в Польше, затем в Берне, Швейцария, и, наконец, в Кобленце, Германия; это было в 1995-1996 годах. В 1997 году состоялась встреча всех экспертов по этой проблеме в Страсбурге. Мне повезло, я участвовал на этом заседании. На нем была выработана предварительная редакция этой конвенции. Затем состоялся ряд международных конференций, в которых принимали участие специалисты по архивному делу из разных стран; они обсуждали эту предварительную редакцию. В частности, это европейская встреча на высшем уровне по архивному делу в 1998 году в Берне, затем конференция «История и память» в Бухаресте – у меня имеется целый список этих конференций. Например, в Эдинбурге было проведено ежегодное заседание архивистов, на котором они одобрили эту редакцию. Такая же встреча была в Дубровнике, и так далее.

В июле этого года Рекомендация, наконец, была принята комитетом министров. А в сентябре этого года в Севилье состоялся конгресс архивистов, который собирается раз в 4 года, и Рекомендация была официально утверждена. Я хочу сказать, что эта Рекомендация основана на консенсусе, на совпадении оценок архивистов всего мира. Текст Рекомендации был одобрен членами венгерской, российской и других делегаций, которые согласились принять этот текст. Поэтому-то предварительная работа была очень долгой и заняла несколько лет.

Теперь несколько слов о структуре этой Рекомендации. Она может показаться странной всем, кто не знаком с тем, как составляются рекомендации. Во-первых, имеется преамбула, в которой перечисляются причины, по которым была принята рекомендация. Я кое-что зачитаю отсюда, буквально последние пять или шесть положений.

«Принимая во внимание растущий интерес публики к истории, организационным реформам, происходящим в настоящее время в новых демократиях, исключительный масштаб

изменений, которые имеют место при создании документов, а также считая, что страна не может стать по-настоящему демократической, пока каждый из ее жителей не имеет возможности объективного познания эпизодов своей истории, понимая желание историков изучать, а гражданского общества лучше понимать сложность исторического процесса в целом и в XX веке в частности, и, наконец, осознавая, что лучшее понимание недавней истории Европы могло бы способствовать предотвращению конфликтов». Это очень важное обоснование данной Рекомендации.

И, наконец, текст самой Рекомендации очень небольшой, в нем только два предложения. Это, во-первых, предложение принять законы в соответствии с этими принципами, и распространить эти принципы среди населения страны.

Затем следует Приложение. И вся суть Рекомендации, собственно, в этом Приложении. Я не буду долго на этом останавливаться. Разрешите мне просто выделить ряд самых важных моментов в этой Рекомендации. Я скажу вам, где они находятся, чтобы вы смогли их прочитать. Первое положение, как вы видите из определения, состоит в том, что эта Рекомендация касается только документов, уже отправленных в архивы, а не документов, которые всё еще находятся в тех ведомствах, которые их издают. Второй момент – соответствие, соразмерность. Недостаточно лишь издать законы, недостаточно лишь принять новые правила. Необходимо привести в соответствие все эти правила, потому что иначе будет неразбериха, появится множество регулирующих документов, и архивистам будет очень трудно решать в каждом конкретном случае, какой из этих документов принимать за основу. И следующее замечание, пожалуй, самое важное: доступ – это основополагающее право, и бремя доказательства, почему этот документ нужен и важен, лежит на государственных архивах.

Еще одно важное замечание – доступ должен быть бесплатным, то есть за него нельзя брать деньги. Это общее правило. Но я знаю, что в некоторых странах, в частности в Российской Федерации, у архивов мало средств, им трудно существовать, поэтому им приходится взимать деньги за доступ. Но, в принципе, доступ должен быть бесплатным, несмотря на то, что существуют исключения. Например, взимание денег за копирование и так далее.

Следующее замечание – доступ должен быть мгновенным, несмотря на то, что тут могут возникнуть разные сложности. Тем не менее, доступ должен быть мгновенным, если это возможно, если вы можете это у себя внедрить.

Теперь, статьи 7.1 и 7.2 – это исключения. Борис Пустынцев уже упомянул ряд исключений. Исключения должны быть очень четко оговорены и должны соответствовать стандартам демократического общества; их должно быть как можно меньше.

Есть еще одно дополнительное правило в этой Рекомендации – не должно быть секретных документов, которые секретны бессрочно. В соответствии с этой Рекомендацией бессрочная секретность не должна применяться.

И теперь очень коротко еще об одном замечании – в отношении различных условий доступа. Речь может идти о технической сфере деятельности. Если у вас есть регулирующие запретительные документы, вам, тем не менее, необходимо уведомить общественность о том, что имеется определенный перечень секретных документов с тем, чтобы она знала о его наличии, – несмотря на то, что в настоящее время общественность не может с этими документами ознакомиться.

Следующая статья. Должна быть очень четко прописанная процедура запроса документов, даже если они частично засекречены.

Следующая статья касается частичного рассекречивания. Я понимаю, что это очень тонкий вопрос, потому что, если вы предоставляете возможность доступа к частично засекреченному документу, вам необходимо изъять из него те части, которые являются секретными. Я понимаю, что это довольно трудно. Есть ряд методик, но, тем не менее, они не очень часто практикуются как в моей стране, так и в других странах.

Теперь – об отказах. Отказы должны быть обязательно в письменной форме. Они не должны даваться устно, и должна быть четко установленная процедура апелляции, административного судопроизводства по отношению к подобным отказам.

И, наконец, о применении этой Рекомендации. Я вам рассказал уже об её предыстории. Теперь о том, что и как будет происходить с Рекомендацией дальше. Жизнь Рекомендации, если так можно выразиться, уже началась. Существует ряд мер по мониторингу ситуации, который начал Совет Европы. Первым шагом в этом направлении было проведение исследования. В 16 стран, включая Российскую Федерацию, разослали солидные вопросники. Результаты исследования ответов на эти вопросы будут изложены в специальном отчете, и после этого будет организован международный комитет в рамках Совета Европы, который будет проводить мониторинг того, как применяется Рекомендация.

Кое-кто в Совете Европы часто задает вопрос: только ли молодым демократическим странам направлена эта Рекомендация? Конечно, нет. Потому что даже если взять, к примеру, Западную Европу, дело обстоит не очень хорошо и там, потому что, скажем, в Италии существует определенная неразбериха в законодательстве, регулирующем доступ к архивам. То же самое можно обнаружить и в Великобритании. Поэтому нет полного соответствия с этой Рекомендацией даже в развитых странах, хотя они также должны ее придерживаться.

Теперь разрешите мне упомянуть те страны, которые были включены в это исследование. В Западной Европе это – Австрия, Франция, Германия, Италия и Великобритания. В Восточной Европе – Россия, Эстония, Польша, Словакия, Венгрия. Всего, как я говорил, примерно 16 стран. Мы уже получили обратно около двух третей заполненных вопросников, всё еще ждем вопросник из России и некоторых других стран. У нас, тем не менее, есть определенный объем неофициальной информации о каждой стране, в том числе и в архивах Открытого общества. То, что я сейчас вам показываю, это изложение университетского курса. Я знаю, что этот документ есть у «Гражданского контроля». Этот курс читается в Открытом университете. Каждое лето мы организуем около 20 подобных курсов. Этот курс посвящен архивному делу. Этим летом курс как раз был посвящен доступу к информации в архивах. Слушателей курсов, которые приезжают из различных европейских стран, мы всегда просим привезти отчеты о состоянии дел (по теме курса) в своей стране. Эти данные также содержатся в этой книжке. Но они не являются официальной информацией, потому что Совет Европы подготавливает свои документы только на основе официальной информации. Тем не менее, из этой неофициальной информации мы можем кое-что узнать о практических аспектах состояния дел в разных странах.

Теперь очень коротко я остановлюсь на предварительных результатах этого исследования. Поразительно, но в каждой стране этого региона существует закон о секретности. Он, конечно, зависит от уровня развития демократии в данной стране, в том числе и, если так можно выразиться, культуры секретности. Мы должны сами себе в этом признаться. Аналогичные законы существуют также в западных странах, и всё в данном случае зависит от уровня открытости. Закон о свободе информации есть в Болгарии, Словакии и Венгрии. В России его нет. В Венгрии и Словакии есть законы о защите данных. Я так понимаю, что они есть также в других странах, судя по результатам данного исследования. Не существует законов о свободе информации в Германии и Австрии, но у них нет также и закона о секретности. А в Великобритании нет закона о свободе информации, но есть очень жесткий закон о секретности. При этом можем ли мы сказать, что Великобритания не является демократией? Конечно, нет. Тем не менее, там полного соответствия со всеми принципами данной Рекомендации, в частности, не наблюдается. В некоторых странах есть также очень специфический закон, – закон о перлюстрации; в России его нет. А вот в Венгрии, Словакии, Болгарии он имеется.

Теперь несколько слов о сроках, на которые документ засекречивается, закрывается. Как я понимаю, у вас нет ни подобного понятия, ни закона. В Чехословакии, например, обычный стандартный срок секретности составляет 30 лет. Он был снижен с 50 до 30 и в бу-

дущем будет, вероятно, снижен до 20. У нас в Венгрии очень странное правило: для документов, которые были выпущены до изменения политической системы, – срок закрытости 15 лет, а для документов, которые были выпущены после – 30 лет. Это то, что я называю информационной компенсацией прошлого: с теми документами можно будет ознакомиться раньше, чем с документами недавнего прошлого. Максимальная продолжительность секретности в России, если я правильно понимаю, составляет 30 лет. В Болгарии нет временных ограничений секретности. Там есть, конечно, другие гарантии рассекречивания, но официальных сроков, после которых происходит рассекречивание, нет. В Чехословакии период засекречивания составляет всего 10 лет, но, тем не менее, документ может быть заново засекречен.

Также имеются различные правила обжалования отказа в доступе к архивным документам. Допустим, у вас есть административная процедура, судебная процедура. В Венгрии нет административной процедуры. Вы можете подать в суд, вы можете пойти к уполномоченному. Есть две страны, где регулярно публикуется информация о секретных документах: Венгрия и Болгария. Поэтому нельзя сказать, что у нас одинаковые правила. Нам всем предстоит еще много сделать, чтобы привести в соответствие существующую практику с положениями и принципами Рекомендации.

В заключение разрешите мне сформулировать ряд общих положений, которые, как мне кажется, могут быть применимы ко всей международной ситуации. Законы о свободе информации, законодательство об архивах разных стран сейчас становятся единообразными. Кроме того, национальные законы и нормативные акты также должны быть приведены в соответствие с международными правилами обмена и хранения документов. В новых демократиях наблюдается новая волна законотворчества. Первая волна прошла в этих странах сразу после изменения политической системы, теперь снова наблюдается активизация в сфере законотворчества, относящегося к защите информации. И, как мы знаем, в России также готовится ряд важных законов, касающихся защиты данных и права доступа к информации. И, наконец, в определенных законодательных документах стран, ставших на путь демократического развития, очень хорошо формулируются западные стандарты, но на практике мы видим несоответствие этим стандартам.

И, наконец, я хочу сказать, что эта Рекомендация не является юридически обязательной к применению. Ожидается, что страны Совета Европы будут ее выполнять. Также важно отметить, что нам необходимо выработать какие-то общие правила. Наши юридические традиции, правовые традиции очень разнятся. Можно обвинять Запад в том, что там не понимают проблем, возникающих в центральных и восточноевропейских странах. Иногда это действительно так. Но, когда я говорю, что мы должны мыслить и действовать локально, в соответствии с местными особенностями, это вовсе не значит, что мы не должны следовать общим принципам. Существует ряд общих принципов, они изложены в этой Рекомендации, и их, конечно, нужно применять. Я буду внимательно слушать доклады моих коллег, потому что я действительно хочу узнать о вашем опыте в этой области, и как это соотносится с новой политикой Совета Европы в отношении архивов.

Спасибо большое.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Спасибо, Иван. Я понимаю, что к господину Секею наверняка есть вопросы; большая просьба их записывать. У нас будет время и сегодня в конце дня, и завтра для того, чтобы их задать и получить ответы.

Позвольте предоставить слово Козлову Владимиру Петровичу, руководителю Федеральной Архивной службы России. Прошу вас, Владимир Петрович.

В.П.КОЗЛОВ

Спасибо. Вы знаете, я скажу, возможно, не то, о чем хотел сказать, потому что нахожусь под очень сильным впечатлением от книги, которая еще не дошла до Петербурга. Книга Александра Николаевича Яковлева, называется «Омут памяти». Она вышла буквально на днях, я её получил, а 13 числа будет ее презентация в Москве. Книга очень спорная, и по многим вопросам с автором можно подискутировать. Но меня поразила одна глава, в которой Александр Николаевич подводит внешнеполитические итоги. И там, в этой главе, содержится горький упрек западным демократиям за то, что они не смогли принять и разделить те искренние, как пишет Александр Николаевич, принципы международных отношений, которые были провозглашены во время перестройки. Я вам советую обязательно купить эту книгу и прочитать эту главу; это очень горькие слова человека, который полностью разделяет ответственность за всё то, что произошло с нашей страной.

К чему я это говорю? К тому, что мне на протяжении последних десяти лет, первых, пришлось непосредственно принимать участие, в открытии архивов. Состоялось оно или не состоялось – это вопрос спорный. Но за эти годы мне пришлось разрабатывать соответствующую документацию, нормативные документы, в том числе и закон об архивах, об архивном фонде, участвовать в разработке закона о государственной тайне, и принимать участие в двух достаточно престижных, на мой взгляд, международных научных архивных проектах.

Первый проект назывался (могу ошибиться) «Архивы репрессивных органов». В этом проекте принимали участие около 20 стран. В разных странах проходили заседания. И сейчас этот проект можно считать формально реализованным. Он разрабатывался под эгидой ЮНЕСКО, и был опубликован на английском языке. Фонд Сороса собирался помочь с публикацией этого проекта на русском языке, но пока у нас ничего не получается. Так вот, хотя в этом проекте принимало участие около 20 стран, в результате был дан анализ состояния архивов репрессивных органов, если я не ошибаюсь, только на материалах пяти стран, в том числе России.

Почему так произошло? Почему вдруг на каком-то этапе многие страны, в том числе Франция (а почему-то считалось, что было бы очень важно посмотреть архивы, относящиеся ко времени колонизации Францией Алжира, ее политики в этой стране) и западные демократии вдруг отказались участвовать в проекте? Ответить на этот вопрос я, к сожалению, не могу, я просто могу констатировать этот факт.

Второй проект, о котором сегодня говорил уважаемый коллега, – это создание европейского стандарта доступа. Я принимал участие в этом проекте как один из его авторов практически с начала и до предпоследнего варианта разработки этого документа. Вот эта книга – материалы конференции, которую организовала Федеральная архивная служба в 1997 году; эти материалы целиком посвящены как раз обсуждению некоего промежуточного варианта европейского стандарта доступа к архивам.

У меня сохранились все варианты. К сожалению, я не смог их сопоставить, просто времени не было. Но я твердо убежден (и мне горько это осознавать), что постепенно, от первого варианта документа к последнему варианту шло, по существу, выхолащивание тех прекрасных мыслей и прекрасных идей, которые были заложены в первом варианте этого документа. Повторяю, я принимал участие в разработке именно первого и, естественно, последующих вариантов, включая предпоследний.

Да, очень горько констатировать, но это очевидный факт. Вот он, предпоследний вариант, который мы обсуждали, он опубликован здесь. Я сравнил его с теперешним вариантом. На первый взгляд, принципиальных изменений нет; и все-таки такие изменения существуют. Эти изменения привели к тому, что проект становился всё более и более консервативным, а его содержание – по смыслу более неопределенным.

Например, в проекте, который обсуждался в 1997 году, была такая формула: «Настоящие рекомендации, таким образом, относятся ко всем документам, – как к текущим доку-

ментам, так и к тем, которые хранятся только для целей исторических исследований». В окончательно принятом тексте всё, что я вам прочитал, снято, зато оставлено продолжение проекта: «Если иное не оговаривается, настоящая рекомендация касается только государственных архивных материалов». Вот вам уже первое ограничение этого европейского стандарта доступа; а вначале это касалось всех архивов, в том числе и негосударственных. Теперь же это касается только государственных архивов.

Есть и другие, – по крайней мере, четыре очень существенных, принципиальных различия. Например, в проекте было сказано: «Доступ к государственным архивам является частью прав гражданина, а в широком смысле соблюдаемых в мире демократических ценностей, частью прав человека». Что осталось? «Доступ к государственным архивам и материалам является правом». Всего лишь правом. Каким правом? Правом, которое, видимо, регулируется каким-то законодательством. Каким, я не знаю.

И еще один конкретный пример для того, чтобы перейти непосредственно к теме моего доклада. Три года назад я опубликовал в журнале «Новая и новейшая история» довольно большую статью о так называемом «письме Зиновьева». Письмо Зиновьева – это фальшивка, которая была придумана в 20-е годы для того, чтобы не допустить заключение торгового соглашения между Советским Союзом и Великобританией. Доказывая, что письмо является фальсификацией, я рассматривал причины ее появления и сделал заключение (не очень доказательное, прямо скажу) о том, что это письмо было сфабриковано британскими спецслужбами. Английский парламент специально рассматривал эту статью и поручил директору Архива Министерства иностранных дел Англии подготовить специальную книгу. Директор приезжала ко мне, работала в наших архивах, брала у меня интервью, самым тщательным образом изучила наши архивы, и в прошлом году книга, специально посвященная этому письму, была опубликована на английском языке. Автор книги – госпожа Беннет – сообщает о том, что она использовала закрытые документы английских спецслужб и Министерства иностранных дел. Давая общие ссылки на эти материалы, она пытается доказать, что английские спецслужбы не имели никакого отношения к фальсификации письма Зиновьева.

Я вполне допускаю, что так и есть, но я хотел бы видеть конкретные доказательства в виде конкретных документов. Таких документов, увы, представлено не было, за исключением одного, который имел бы очень большое значение, если бы был опубликован в виде факсимиле. Но он не опубликован в виде факсимиле, а опубликован в виде типографского набора текста.

И, наконец, последний пример. Меня все время удивляет, почему в государственном Национальном архиве Великобритании до сих пор находятся на секретном хранении документы, связанные с интендантской службой английского флота времен Крымской войны. Я задаю своей коллеге, директору архива, этот вопрос уже на протяжении пяти или семи лет: она мне в ответ только ухмыляется. Настоящего ответа на этот вопрос я не знаю до сих пор.

Конечно, я могу дать объяснение всем тем фактам, о которых я говорил, как и многим другим фактам, о которых знаю. Объяснение скорее философского характера, потому что государство есть государство, оно живет в мире, и у этого государства специфические механизмы функционирования. Но я не хочу сейчас вдаваться в это. Я просто хочу сказать, что если сравнить теперешнее российское законодательство с европейскими рекомендациями о стандарте доступа, то можно сказать, что формально (и неформально) внешне они очень и очень близки. И неправда, что в российских архивах якобы существует плата за доступ. Нет такого. А если есть, то это является грубейшим нарушением нашего российского законодательства об архивах и других нормативных документов. Есть плата за копирование, есть плата за предоставление информации и так далее. Поэтому все те упреки, которые приходилось иногда слышать по этому поводу, они, конечно, несправедливы.

Так вот, главный вывод, который можно сделать, таков: конечно, нормативные положения, существующие в российском законодательстве о доступе к архивам, очень близки по смыслу и, я бы даже сказал, совпадают с тем стандартом доступа, о котором мы сегодня го-

ворим. В чем, на мой взгляд, суть проблемы? Суть проблемы заключается в том, что в нашем обществе существуют определенные политические движения и тенденции (они существуют и в других государствах), которые нацелены на то, чтобы как-то ограничить доступ к российским архивам. Но эти тенденции не являются определяющими, по крайней мере, на протяжении последних десяти лет.

Вся проблема заключается в механизме реализации тех норм, которые существуют. Приведу хотя бы один пример. В законе о государственной тайне есть норма, в соответствии с которой рассекречивание документов организаций, не имеющих правопреемников, является прерогативой специального органа, существующего в нашей стране: Государственной технической комиссии или Межведомственной комиссии по защите государственной тайны. Всё. Казалось бы, вот эта норма, вполне естественная, должна быть реализована, например, в отношении документов КПСС, потому что КПСС не имеет формально правопреемника; но эта норма не реализуется. Мы бьемся уже три года над тем, чтобы эта норма была реализована.

Почему эта норма не реализуется? Потому что Государственная техническая комиссия хочет под это дело получить штаты – 10 человек. А где взять эти 10 человек? Вот, полагаю, и ищут этих 10 человек уже три года. Точно так же существует другой пример – фонды советской военной администрации в Германии. Ценнейшие фонды, показывающие послевоенную политику СССР в отношении целого региона теперешней Германии. Они были закрыты, находились на секретном хранении вплоть до прошлого года, до тех пор, пока под давлением и Росархива, и научной общественности Президент не дал поручение решить эту проблему. Проблема была решена. На основании поручения Президента была создана специальная комиссия, ваш покорный слуга ее возглавил, и в течение этого года мы рассекретили около 70 тысяч дел, которые хранятся в этих фондах.

Главное – механизм рассекречивания. Это первое. И второе – наша бедность, потому что проблема рассекречивания еще связана и с материальной стороной. От этого никуда не денешься: нужно копировать все эти материалы, переправлять специальной почтой, организовывать работу экспертов и так далее. Всё это требует огромных финансовых затрат.

Для чего я всё это говорю? Слава Богу, что здесь, в Петербурге, мы сегодня рассуждаем на такую очень важную и болезненную для нашего общества, и не только для нашего общества, тему. Вы знаете, проблема доступа к информации применительно к России – это не только проблема рассекречивания, проблема наличия или отсутствия тех или иных правовых норм, но это еще и другая проблема, более широкая, более глобальная. Вот сегодня ко мне подошел директор одного нашего архива, его тоже волнует проблема доступа к информации, потому что пожарная охрана закрыла архив, а закрыла потому, что там нет пожарной сигнализации. Вот это наша реальная жизнь и от ее проблем тоже никуда не денешься.

Спасибо.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Большое спасибо, Владимир Петрович.

Слово предоставляется Давиду Иосифовичу Раскину, начальнику отдела Российского государственного исторического архива, сопредседателю Санкт-Петербургского Союза ученых. Прошу вас.

Д.И.РАСКИН

Проблема доступа к архивным документам не сводится к рассекречиванию фондов. В данной аудитории нет необходимости доказывать, что реализация конституционного права доступа к архивным материалам обусловлена не только наличием или отсутствием формальных препятствий для записи исследователей в читальный зал или для их работы с теми или иными фондами. Абсолютно доступный архив, материалы которого не описаны, – это не архив, а склад. Использовать материалы такого архива невозможно.

Но понятие доступности архивных материалов претерпевало и продолжает претерпевать эволюцию. Не только 100-150 лет назад, но и еще на памяти моего поколения в архивах преобладал определенный тип архивиста, которому соответствовал и определенный тип исследователя. Этот архивист великолепно знал каждый документ, который он хранил, и относился с некоторым пренебрежением к задачам учета, описания документов и тем более выпуска справочно-информационных изданий. Он считал необходимым для себя умение найти любой документ по любой заранее заданной теме и – когда считал это нужным – предоставить его исследователю. При таком подходе нередко имел место произвол хранителя архивной информации, но можно привести и примеры проявления специфической хранительской этики. Так, например, автор «Истории еврейского народа в России» Ю.И. Гессен специально отмечал в предисловии к своей книге, что управляющий Архива Государственного совета князь С.А. Панчулидзе, бывший принципиальным противником евреев, предоставлял ему документы подчиненного ему архива как материал для аргументов в споре. При этом он говорил, что шпаги у дуэлянтов должны быть одинаковой длины.

Существованию такого типа архивиста немало способствовала пофондовая структура архивов, когда один и тот же сотрудник архива занимался и обеспечением сохранности, и описанием, и использованием, и публикацией документов. Эти сотрудники работали, как правило, со своей группой фондов десятки лет, так что знали действительно наизусть чуть ли не каждое дело в своем хранилище. Именно это обстоятельство позволило, например, во время Блокады, когда все описи были эвакуированы, а большая часть документов оставалась в Ленинграде, осуществлять правительственные запросы на них. Оставшиеся в блокадном Ленинграде опытные сотрудники находили нужные документы прямо на полках, по памяти.

Подобному типу архивиста соответствовал и определенный тип исследователя. Такой исследователь работал в архиве обычно много лет, поддерживал личные отношения с наиболее опытными и квалифицированными архивистами и во многом полагался на их помощь. Сам процесс архивных изысканий для этих исследователей предусматривал, прежде всего, установление контактов с архивистами и предполагал неторопливость и своего рода детективное начало, причем особое значение придавалось фактору «удачи» в поисках. Поиски документов несли в себе своеобразное эстетическое начало и становились предметом специального описания. Им посвящены яркие страницы книг, особенно по истории литературы и общественной мысли.

Происшедшие в конце 50-х гг. перемены в организации работы архивов, связанные с переходом к функциональной структуре, а также появление системы архивных справочников привели к постепенному исчезновению прежнего типа архивиста. Появилось и новое поколение исследователей. На смену преобладавшим «человеческому фактору» и «удаче» в архивных изысканиях, пришли более или менее объективные законы и методы архивной эвристики, опирающиеся на унифицированную систему научно-справочного аппарата (путеводитель, реестр описей, описи, каталог). А с конца 70-х гг. наряду с традиционным НСА в архивах начали предприниматься попытки создания электронных справочников.

Сейчас локальные базы данных имеются во многих архивах. Благодаря грантам Института «Открытое общество» большинство, в том числе местных архивов, были обеспечены компьютерной техникой и достаточно широко развернули работу по созданию баз данных (электронных каталогов). Эта работа определила новый этап в развитии отечественных архивов.

Сегодня во всем мире наблюдается тенденция к постепенному слиянию традиционного научно-справочного аппарата с электронным его вариантом, а со временем – преобладанию последнего. Эта тенденция приобрела необратимый характер.

Но в настоящее время на повестке дня стоит качественно новый сдвиг в работе и архивистов, и исследователей. Человечество вступило в эпоху Интернета; значение этой новой эпохи нами еще не до конца осознано. Но уже всем ясно, что речь идет не только о новых

технологиях, столько о принципиально новом образе жизни. И архивам не удастся остаться в стороне от реалий третьего тысячелетия.

Появился новый тип пользователя. Для этого пользователя доступ к архивной информации означает возможность удаленного доступа к электронным ресурсам архивов. Более того, – доступ к информации о составе и содержании архивов понимается этим пользователем именно как возможность получить такую информацию с теми же удобствами и с такой же (беспрецедентной для прежних архивов) скоростью, с какой он получает через Интернет любую другую информацию. Например, информацию о расписании авиарейсов, курсе акций или о составе и содержании крупнейших библиотек мира. Процесс поиска информации для этого нового поколения исследователей – лишь неизбежный технический момент, а процедуры такого поиска – общие для всех информационных процессов и не связаны со специфическим характером архивов. Поиск информации в безбрежном океане Интернета становится особым искусством, которым нынешние школьники владеют чаще всего лучше, чем поколение, представителем которого является автор настоящего доклада. Этот поиск обладает и своей эстетикой (в том числе на уровне компьютерного дизайна), и своими стереотипами.

Можно сколько угодно спорить о том, что таким образом культивируется потребительское отношение к источнику (и это будет в значительной степени справедливо). Можно говорить о том, что при этом уходит прелесть неторопливого и вдумчивого архивного поиска, на котором воспитывались поколения историков, что устранение личностного момента в архивных изысканиях приведет к дегуманизации архивного дела как части гуманитарного знания и т.д., и т.п. Но в любом случае господствующую тенденцию эволюции общества нам не изменить, технический прогресс не остановить и даже на психологию будущих поколений пользователей ретроспективной документной информации существенно не повлиять. Приходится делать соответствующие выводы. Уже сегодня при обеспечении доступа к архивным документам необходимо предусматривать доступ к информации об этих документах через Интернет.

Но интеграции имеющихся информационных ресурсов архивов в Интернет сегодня препятствует ряд обстоятельств.

Если обратиться к справочной информации о наиболее используемых зарубежных базах данных, то чаще всего можно найти указания на соответствующий адрес в Интернете. В России картина совершенно иная. До недавнего времени даже Росархив проявлял осторожность и не торопился с созданием своего сайта. То же самое можно сказать и о крупнейших федеральных архивах. И дело здесь не только в технических аспектах.

Условия получения грантов на создание информационных систем как международных фондов, так и отечественных – РГНФ и РФФИ – предусматривают не только свободный доступ к этим системам, но и (судя, например, по форме отчета РГНФ и РФФИ) возможность удаленного доступа к ним. Но это требование приходит в противоречие и с техническими возможностями, и с экономическими условиями существования архивов.

В настоящее время бюджетное финансирование государственных архивов в Российской Федерации ориентировано на минимальный уровень выживания архивов. При этом предусматривается, что любое развитие архивов сверх этого минимального уровня должно осуществляться за счет внебюджетных средств. Иными словами, за счет заработков самих архивов. А один из главных способов такого заработка – информационные услуги. В случае всеобщей компьютеризации архивов и обеспечения свободного удаленного доступа к информации о документах архивов этот способ естественно отпадает. Архивы могут пойти (и идут) на создание локальных баз данных, пользование которыми возможно через читальный зал архива; при этом пользование базами данных не включено в тот минимум услуг, которые, по действующему законодательству, должны оказываться пользователям бесплатно. Но они проявляют естественную в их нынешнем положении осторожность при выходе в Интернет. Разумеется, противоречие такого рода устранимо, например, путем создания коммерческих серверов, но в настоящее время не вся отечественная инфраструктура готова к этому.

Если где-нибудь в США любая покупка (вплоть до книги или даже пачки сигарет) в считанные секунды делается через Интернет (и чаще всего на более выгодных условиях, чем традиционным путем), то в России пока до этого еще далеко.

Но интегрированию архивной информации в Интернет препятствуют причины не только экономического характера.

В настоящее время в российских архивах базы данных создают все, кому не лень, и – кто во что горазд. В одних случаях используется стандартное программное обеспечение «Office-97» (возможно, где-то – даже и «Office-2000»). Кто-то использует «СУБД ISIS»; другие изобретают нечто собственное. У кого-то это получается лучше, у кого-то – хуже. Но чаще всего создаваемые БД не ориентированы на Интернет. Как представляется, проблемы интеграции в Интернет существуют и для программы «Фонд», предлагаемой Росархивом для автоматизированного учета и поиска на уровне фонда.

Кроме того, отдельные локальные базы данных, хотя бы и с удаленным доступом, дают информацию лишь об отдельных фрагментах Архивного фонда РФ – либо об отдельных тематических комплексах, либо об отдельных архивных фондах и коллекциях. Совершенно очевидно, что необходимо определенное структурирование этой информации: сведения на уровне архива – сведения на уровне фонда – сведения о наличии отдельных баз данных (эта информация могла бы предоставляться на уровне Росархива) и лишь затем сведения о документах (получаемые из баз данных непосредственно от архивов, имеющих эти базы данных). Здесь необходим ряд теоретических, методических и организационных решений. Возможно, что предложенная нами схема окажется и несостоятельной, но какая-то определенность все-таки необходима.

К сожалению, опыт Российского государственного архива, который я имею честь здесь представлять, пока еще невелик. Выхода в Интернет у нас тоже пока еще нет. Тем не менее, уже в сегодняшней работе мы попытались в известной мере учесть наметившиеся тенденции в развитии информационных технологий.

В рамках двух проектов, поддержанных РГНФ и РФФИ, на сравнительно узкой тематической базе (документы высших государственных учреждений Российской империи по истории законодательства и документы высших и центральных учреждений по истории науки), мы попытались реализовать некоторые принципы. Эти принципы, возможно, представляют интерес не только для данных проектов и не только для нашего архива.

При создании баз данных были использованы свободно распространяемые через Интернет программные продукты. Для серверной части системы были выбраны операционная система Linux и поисковая система Index. Для хранения структурной части данных решено использовать систему Postgres.

Обе базы данных изначально ориентированы как на использование в локальном режиме, через читальный зал архива, так и через Интернет.

Такой подход позволяет базам данных успешно функционировать в Интернете и не потребует от пользователя каких-либо дополнительных усилий по освоению методики поиска. Привычный интерфейс в сочетании с поисковыми средствами, интегрированными в Интернет, обеспечивает быстрый и легкий доступ к информации об архивных документах.

Таким образом, в РГИА осознана и уже реализуется (хотя пока и в небольшом масштабе) задача создания современных средств информации, которые должны обеспечить доступ к архивным документам на уровне требований XXI века.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Большое спасибо, Давид Иосифович.

Позвольте предоставить слово Курниковой Ирине Анатольевне, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела.

И.А.КУРНИКОВА

Добрый день! Тема моего выступления – «Доступ к персональным данным». Сегодня мы получили Рекомендацию Совета Европы, и здесь есть такая строчка: «Страна не может стать по-настоящему демократической, пока каждый из её жителей не имеет возможности объективного познания эпизодов своей истории». Я бы добавила: «и защиты чести и достоинства своей частной жизни».

Вот почему-то так получается, что когда мы говорим о проблеме рассекречивания, которая существует в нашей стране, в сторону уходит детальная проработка проблемы доступа к персональным данным. Об этом очень многие говорят. Но, тем не менее, я рискну сказать, что проблема эта не получила своего решения до сих пор, причем не получила ни законодательного, ни нормативного решения. И что всего удивительнее, я не встречала на страницах нашей архивной периодики дискуссий по этому вопросу. Причем надо сказать, что проблема доступа к архивным данным – это не проблема доступа к архивным документам, как говорится в названии нашей сегодняшней конференции. Она намного шире, потому что можно ведь получить доступ к архивным данным, не получив доступа к архивным документам. Одно другому не мешает. Ведь когда мы получаем архивные справки, мы же получаем доступ к архивной информации. А зачастую возможности доступа к архивной информации намного шире, чем возможности доступа к архивным документам.

В связи с этим мне хочется вот о чем сказать. Что такое проблема доступа к персональным данным? Она состоит из множества вопросов. Я хочу назвать некоторые из них и попробовать проследить вместе с вами, насколько эти вопросы получили свое решение. Чем еще важна постановка этой проблемы сейчас? Те, кто следят за архивной периодикой, читали, наверное, о результатах парламентских слушаний. И в рекомендациях, которые были предложены в итоге, проходит мысль о несоответствии федеральной законодательной базы нормативной базе как муниципальных образований, так и нормативной базе самой отрасли. Эта проблема существует и сейчас. И до тех пор, пока мы не выработаем какого-то единого представления всей архивной общественности о том, что же это такое на самом деле, до тех пор невозможно будет решить этот вопрос. А уже тем более нельзя решать вопрос о том, что собой представляет доступ, если мы до сих пор не знаем, что такое персональные данные.

Вот набор вопросов, которые я сама для себя составила, и буду очень благодарна, если кто-то его дополнит.

Можно, например, назвать такие проблемы: разные понятия доступа к информации, к документам (я об этом говорила). Теперь сам термин. Вы посмотрите нашу законодательную и нормативную базу. Там встречаются понятия: частная жизнь, семейная жизнь, личные и семейные тайны, персональные данные, информация персонального характера.

Еще более сложный вопрос – это наполнение понятия «персональные данные»; что же означает это понятие на самом деле?

Следующий вопрос – о закрытых и открытых массивах персональных данных и их наполнении, потому что в разных законодательных актах и в нормативной базе они трактуются по-разному.

Далее. Что такое «открытые виды документов», потому что поднимается и такой вопрос: существуют ли вообще открытые виды документов, то есть какие-то изначальные виды документов, которые априори являются открытыми, какая бы персональная информация в них не содержалась?

Возьмем такой вопрос: «информация, идентифицирующая человека». Вот эта формулировка встречается практически во всех определениях в законодательных и нормативных актах. А что это такое? Каково наполнение этой информации, идентифицирующей человека, и всегда ли оно одинаково? Это тоже очень важный вопрос, который вообще не обсуждается.

Теперь о формулировке: «если эта информация не может нанести вред». А что такое вред, каково понятие вреда, каково понятие чести, достоинства и так далее? Они всегда одинаковы или они меняются?

Еще один вопрос – о термине «третьи лица». Как понимать сам термин, каково его наполнение, ведь он тоже встречается и в нормативных, и в законодательных документах. И сколько я ни говорила об этом, я встречала абсолютно разное понимание понятия «третьи лица».

С моей точки зрения есть еще один важный вопрос, который необходимо обсудить. Речь идет о сроке секретного хранения. У нас есть только один официальный срок – 75 лет с момента создания документа. Всегда ли он хорош? Всегда ли он достаточен или, может быть, он в некоторых случаях избыточен? Кроме того, такое положение позволяет многим, в том числе журналистам, упрекать архивную отрасль в излишней закрытости; и в чем-то они правы. Но иногда этот срок просто недостаточен, и об этом надо говорить, тем более что в международной практике приняты различные сроки хранения, скажем так, тематических групп персональных данных. Ведь есть даже срок хранения продолжительностью до 150 лет. Существуют какие-то персональные данные, которые закрыты навсегда и никогда не будут открыты – вне зависимости от продолжительности жизни их обладателя или даже его ближайших потомков.

Еще одна важная тема, которая у нас остается до сих пор не проработанной, это проблема так называемого «привилегированного» доступа. Кому, когда, почему разрешили? На каком основании? Необходимо, чтобы это было четко прописано, ясно и понятно абсолютно всем, и тогда не будет возникать вопросов, почему одному разрешили, а другому – нет.

И еще очень один важный вопрос – об ответственности архивиста. Вообще существует она или нет? Может ли законодательство полностью снять с архивиста ответственность именно за дачу разрешения на привилегированный доступ, потому что после 75 лет – там всё понятно, никаких проблем с доступом нет.

Вопросов очень много, и когда я готовилась к этому выступлению, я собрала много выписок для того, чтобы не быть голословной. Я думаю, что на всех вопросах я подробно останавливаться не буду, потому что это займет очень много времени, но на основных – остановлюсь именно для того, чтобы не быть голословной.

Самое главное – это термины и определения. Почему самое главное? До тех пор, пока мы не поймем, что это такое, и не сверим наше понимание их с тем же международным опытом трактовки, о котором мы говорили, мы не сдвинемся с места. Почему это еще так важно сейчас? Мы говорим о создании единого информационного пространства; но ведь оно имеет разные уровни. Это пространство на уровне России, это пространство на уровне стран – членов СНГ, это пространство на уровне Совета Европы. Причем, что касается стран – членов СНГ, на этом уровне уже создан модельный закон. Мы сегодня получили рекомендации, они, правда, очень короткие, и как бы дают возможность маневрировать в этом пространстве. Что касается модельного закона о персональных данных для стран СНГ, он более конкретен, более проработан. С ним в чем-то можно соглашаться или не соглашаться, но он существует. Создавая это единое информационное пространство для стран – членов СНГ, мы волей-неволей вынуждены с этим считаться.

Обратимся к формулировкам. Начнем с Конституции. Причем надо сразу отметить (я, может быть, повторюсь), поражает вот что: абсолютное отсутствие преемственности, я бы так сказала, некоторых положений, которые следуют из закона в закон, зачастую или нарушая какие-то предыдущие положения, или внося какую-то неразбериху, когда трудно сказать, какой закон является правильным: более ранний или более поздний? Вот посмотрите Конституцию: «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». С первого взгляда вроде бы понятно. Хотя, если честно сказать, не очень.

Существует комментарий к Конституции, большущая книжка, она подготовлена и выпущена Институтом права. Что они подразумевают, как они комментируют вот такое наполнение: «Закрепленное за гражданином право на неприкосновенность жилища, беспрепятственное общение с помощью различных средств коммуникации, распоряжение семей-

ным бюджетом, личная и частная собственность, денежные вклады, тайна которых гарантируется, а также медицинская тайна, тайна судебной защиты, тайна нотариальных действий, тайна предварительного следствия, тайна почтово-телеграфной корреспонденции, тайна некоторых актов гражданского состояния, тайна усыновления, коммерческую тайну. И дальше там указывается, что проявлениями частной жизни является образ мыслей, политическое и социальное мировоззрение, увлечения, привязанности, симпатии, антипатии и творчество. Всё ясно.

Основы нашего архивного законодательства в основном повторяют эту формулировку, но уже в наших основах проходит совсем другой термин, там речь идет о личной жизни граждан. Сразу встает вопрос: частная и личная жизнь – это одно и то же или нет? Нигде об этом не сказано. Таким образом, наполнение: здоровье, семейные и интимные отношения, имущественное положение – видите, насколько это уже, чем дано в Конституции.

Следующий закон – это Закон об информации, информатизации и защите информации. Чем интересен этот закон? Это, пожалуй, один из первых законов, где дана так называемая терминологическая база – термин и четкое определение. Вот определение, которое дано в законе: «Информация о гражданах (персональные данные), сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность». Впервые появляется этот термин «персональные данные». Очень важное положение, на которое часто не обращают внимания. Набор любой информации, если он позволяет идентифицировать человека, является персональными данными. Это самое главное. Причем в очень многих законодательных актах, особенно в нормативной литературе, почему-то это опускают или просто не обращают на это внимания. Ведь в документе может содержаться какая угодно интимная информация или все, что угодно. Но если по этому документу невозможно определить, к кому такая информация относится, она никому не может причинить вреда. Она может быть опубликована, и никто от этого не пострадает.

Но еще интереснее, что в выходящем после этого указе Президента о конфиденциальной информации есть такой раздел: «Информация о частной жизни». Вот определение: «сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность», а в скобках идет – «персональные данные». Значит по этому определению персональные данные – это уже, чем частная жизнь. Что касается предыдущего закона, совершенно очевидно, что там трактовка намного шире. Частная жизнь – это только часть персональных данных. Но и то, и другое имеет законодательную силу.

Я говорила о создании модельного закона, который недавно вышел. По этому модельному закону дана такая формулировка персональных данных: «Информация, зафиксированная на материальном носителе о конкретном человеке, которая отождествлена или может быть отождествлена с ним. К персональным данным относятся биографические и опознавательные данные, личные характеристики, сведения о семейном и социальном положении, образовании, профессии, служебном и финансовом положении, состоянии здоровья и прочее». Сразу встает вопрос: а может ли в формулировке закона быть употребляться «и прочее»? А что входит в понятие «прочее»? Каждый может в силу своего интеллекта, умственных способностей, фантазии как угодно наполнить это положение.

Когда я говорю о законодательной базе, надо сказать, что самого-то федерального закона о персональных данных у нас до сих пор нет. Есть несколько редакций, но они немногим отличаются друг от друга. И можно предположить, что термин, который будет применен в федеральном законе (говорят, что этот закон уже почти на подходе), – «персональные данные». Его наполнение очень схоже с модельным законом. Я не даром говорила, что модельный закон все-таки ляжет в основу.

Но что интересно? В тексте закона появился новый нюанс, очень важный для нас, архивистов. Вот послушайте: «персональные данные – это зафиксированная на материальном носителе информация о конкретном человеке, отождествленная с конкретным человеком или которая может быть отождествлена с конкретным человеком, позволяющая идентифициро-

вать этого человека прямо или косвенно». Это очень важно, потому что когда мы говорим о наборе информации, которая позволяет идентифицировать человека, об этом тоже нельзя забывать.

И вот какие тематические группы этот набор включает: биографические данные, опознавательные данные, личные характеристики, сведения о семейном положении, сведения о социальном положении, сведения о навыках, образовании, профессии, служебном положении, состоянии здоровья, финансовом положении и прочее. Чем еще любопытна эта формулировка? Возвращаясь к тем рекомендациям, которые нам сегодня дали. Посмотрите, как там проходит это понятие. Термин «персональные данные» означает любую идентифицирующую персону информацию, касающуюся аспектов частной жизни лица.

Тогда возникает такой вопрос. Речь здесь идет о термине «персональные данные», а не о частной жизни. Служебное положение – это что? Это разве не персональные данные? – Персональные. Тогда по этой дефиниции они сюда не относятся. Тогда, кстати, встает другой вопрос – о соответствии того же западноевропейского законодательства. Ну, тут скорее не европейское законодательство, а, скажем так, смесь европейского и американского законодательств. Насколько я знаю из зарубежной периодики, многие архивисты сходятся на том, что самое полное определение, какое только есть о персональных данных в зарубежном законодательстве, это канадское определение. Оно самое подробное, потому что, как правило, в законодательстве западных стран формулировка очень узкая: «информация о жизни человека, позволяющая идентифицировать», – и не более того. Что собой представляет канадская дефиниция? Я вам ее зачитаю, хотя она очень длинная. Это очень важно. Почему? Потому что она идет вразрез с теми рекомендациями, которые нам сегодня раздали. Итак, в соответствии с канадским определением, персональные данные – это «информация, касающаяся расовой, национальной, этнической принадлежности, цвета кожи, религии, возраста, семейного положения». Притом по этому закону персональная информация – это конфиденциальная информация. А что такое конфиденциальная информация? Это информация ограниченного доступа. Кстати, наше законодательство не противоречит канадскому. Если взять закон о защите информации, там совершенно четко указано, что персональные данные, то есть информация, позволяющая идентифицировать человека, это конфиденциальная информация. Сравните с канадским законодательством. Наше законодательство полностью ему соответствует.

Следующая группа – информация, касающаяся образования, состояния здоровья, криминального прошлого либо мест работы, или информация, касающаяся финансовых операций, в которые вовлечен индивидуум. «Любой идентифицирующий номер, символ или любая другая деталь, принадлежащая индивидууму: адрес, отпечатки пальцев и группа крови, взгляды индивидуумов кроме тех, которые касаются другого индивидуума или просьбы о привилегии, посланная в правительственные учреждения индивидуумом корреспонденция, которая безусловно и без всякого сомнения касается частной жизни или носит конфиденциальный характер, взгляды и мнения другого индивидуума относительно первого, имя индивидуума, когда оно появляется вместе с другой персональной информацией, касающейся индивидуума, или когда открытие имени само по себе может раскрыть информацию об индивидууме, информация об индивидууме, в которой был и есть (что очень важно), государственный чиновник или служащий государственного учреждения, который имеет отношение к должности и функциям индивидуума, факт того, что индивидуум является или являлся чиновником или служащим государственного учреждения, титул, звание, служебный адрес, телефон, должность, оклад, ответственность, имя индивидуума на подготовленном им документе в связи с выполнением им его должностных обязанностей».

Я не буду дальше зачитывать, потому что там еще подробнее и еще детальнее. Вот это всё и есть персональные данные. Поэтому когда речь идет о подготовке каких-то международных рекомендаций, наверное, самое важное – все-таки определить, что же такое персональные данные, потому что без этого не понятно остальное. К примеру, лежит передо мной

какой-нибудь документ, и кто-то его у меня запрашивает. Я должна решить, могу я его выдать или не могу. Если я признаю, что такая-то и такая-то информация – персональные данные и 75 летний срок еще не истек, по закону я не могу этот документ выдать.

Не буду развивать эту мысль дальше, только, может быть, очень кратко скажу вот о чем: почему все это так важно? Эта рекомендация основана на международном опыте. А мы сейчас говорим о создании единого информационного пространства. Наверное, многие знают или, по крайней мере, слышали об известном французском архивисте Дюшене. Он в своей работе приводит классификацию информации. Чем важна эта классификация? Дюшен собрал опыт многих стран, включая африканские, американские и западноевропейские страны. Он называет такие виды информации (при этом он пытается выявить тематические группы): документы, содержащие информацию о рождении, браке, разводе и смерти, медицинская документация, документы о благосостоянии и доходах, судебные документы, документы о профессиональной деятельности, документы о политических, философских, религиозных взглядах. А также документы (очень интересная группа), содержащие информацию, полученную на основе обеспечения обещания сохранить ее тайну, документы полиции. И последняя группа (тоже очень интересная) – документы, затрагивающие семейную честь. Представляете, насколько это широкое понятие. Причем для разных стран понятие семейной чести тоже разное, и это надо учитывать.

Кстати, эти рекомендации, которые мы сегодня получили, они уже. Действительно, выступал сегодня руководитель государственной архивной службы, который говорил о том, что они уже того, что было раньше. А вот в том проекте, который рассматривался в Москве в 1997 году, совершенно четко сказано, что при создании национального законодательства необходимо учитывать особенности культуры, истории страны. Понятие «национальная честь», предположим, для гражданина латиноамериканской страны или тех же Соединенных Штатов Америки – это разные вещи, потому что у них разное представление о том, что такое семья, род и так далее, и тому подобное. И трепетное отношение латиноамериканцев к своему роду – это не крайний индивидуализм в Соединенных Штатах. Это одна проблема, проблема вообще самого понятия и его наполнения.

Следующая проблема, о которой мы с вами говорили, это закрытые и открытые массивы персональных данных. Возьмем эти последние законы, которые в основном касаются персональных данных: это проект модельного закона (потому что остальные законодательные и нормативные акты упоминают об этом настолько вскользь, что трудно ими пользоваться), и проект закона о персональных данных, о котором я говорила. Вот посмотрите, в нем тоже дано совершенно четкое определение. В модельном законе сказано: «Режим конфиденциальности персональных данных по закону снимается в случаях обезличивания требований субъекта в отношении своих персональных данных и при включении персональных данных в общедоступные базы». Вот как бы три условия, когда режим конфиденциальности может быть снят.

Причем любопытно, как формируются эти так называемые «общедоступные» базы данных. Вообще в доступные базы данных с письменного согласия субъекта могут включаться следующие персональные данные: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес, номер контактного телефона, сведения о профессии и иные сведения, предоставленные субъектом или полученные из закрытых источников. Но дальше, – еще интереснее: «В том случае, если персональные данные получены держателем из открытых источников или иных общедоступных баз персональных данных, держатель информирует субъекта о содержании его персональных данных и субъект имеет право изъять эти персональные данные». То есть субъект имеет право потребовать, чтобы эти персональные данные были изъяты из открытых баз данных, и его требование должно быть удовлетворено на основании нашей Конституции 1993 года.

И уж совсем интересно следующее: «Субъект персональных данных самостоятельно решает вопрос о предоставлении кому-либо своих персональных данных, за исключением

случаев...». Это ограничение прав субъекта касается только вещей, связанных с информацией, если она является государственной тайной; внесение изменений блокируется только в том случае, если они получены в результате оперативно-розыскной деятельности и так далее. Вот это только те ограничения прав самого субъекта, которые предписывает ему законодательство в отношении его персональных данных.

Проект федерального закона практически повторяет это положение. Единственное различие в том, что третьим условием в нем является снятие грифа конфиденциальности. Также называют обезличивание, желание субъекта и 75 летний срок секретности.

Чем еще эти документы сложны для нас? Они практически все касаются архивной информации без учета периода архивного хранения, то есть того, что напрямую касается нас. Поэтому в них так называемый «досрочный» доступ вообще нигде не прописан. Всем ясно, что он существует как бы негласно. Но в чем он заключается, кому, как и почему предназначен, – в законодательных документах это не проработано нигде.

Следующий вопрос, о котором я говорила, это открытые виды документов. В нашей архивной нормативной базе заявлены некоторые виды документов, которые словно бы открыты, поскольку человек, составляющий эти документы, сам идет на это. Очень характерный пример – автобиография. Если человек составляет автобиографию, он рассчитывает на то, что эта информация будет общедоступной. Но разве это так? Когда я составляю автобиографию, разве я рассчитываю на то, что она будет опубликована в какой-нибудь газете? Нет, конечно. Я прихожу в отдел кадров конкретного учреждения, пишу конкретный документ. Да, я сама пишу обо всем, что в нем будет указано, но я совершенно не рассчитываю, что любой другой сотрудник отдела будет об этом знать.

Я провела такой эксперимент: пришла в наш отдел кадров и попросила, чтобы мне дали автобиографию из личного дела моей приятельницы. На меня вытаращили глаза. Я говорю: ну как же так, разве это не открытый вид документа? Выходит, что нет. Значит, мы не можем вносить это в нормативную базу. Есть и такой выход, как, например, сделали в ЦХСД. В свое время, когда они составляли регламент, они написали о некоторых открытых видах документов, а дальше они указывали: «если эти документы не содержат сведения, составляющие государственную или личную тайну». Но проблема в том, что нигде нет дефиниции личной тайны. Мы опять возвращаемся к тому, с чего начали – к определению понятия личной тайны. Значит до тех пор, пока совершенно четко и ясно это определение не будет прописано, мы нарушаем законодательство.

Информация, идентифицирующая человека, тоже весьма интересна. Практически во всех формулировках информация может идентифицировать человека. И в нашей нормативной архивной базе указано, что именно входит в набор информации, которая может идентифицировать человека: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения. Но разве только этот набор позволяет идентифицировать человека? ВНИИДАД – маленький институт. Если есть информация о том, что И.А.Курникова – ведущий научный сотрудник ВНИИДАД, то, по моему, ничего не стоит меня идентифицировать и найти все остальные данные. Возможен абсолютно другой набор информации: могут быть указаны годы моей работы и фамилия – этого вполне достаточно. То есть мы не можем говорить конкретно о наборе информации, или тогда мы должны расписывать варианты.

А разве нельзя (при большом желании) идентифицировать человека по фамилии, имени, отчеству его жены или детей, или еще по каким-то данным? Но мы говорим сейчас не о том, чем чревата эта идентификация. Мы говорим о правовых основах. В законе все должно быть абсолютно четко и ясно прописано. Возможно, тогда это не должно быть оговорено, потому что набор этой информации может быть настолько многообразен, что не имеет смысла его прописывать, потому что, сказав «А», мы сразу подставляем себя под удар. Примеров, доказывающих это, у нас сколько угодно.

Вы все хорошо представляете себе: чтобы найти человека в большом городе, таком как Москва, нужен большой набор информации. А в маленьком городке или каком-то селе

вообще достаточно знать, наверное, имя и фамилию (или еще какую-то информацию о человеке), – и всё. Так что это тоже тема для дискуссий, для обсуждения.

Остановимся на такой формулировке: «если эта информация может нанести вред». Я специально порыскала по словарям Даля и Ожегова в поисках объяснения, что такое вред. Например, любопытно, что такое вред по Далю. «Последствия всякого повреждения, порчи, убытка вещественного и нравственного, всякое нарушение прав личности или собственности, законное и незаконное». А теперь я беру нормативный документ архивной отрасли, и там указываются изначально открытые массивы информации. В частности, возьмем такую тему: «Партизанское движение». Почему обычно было принято, что эта информация открытая? Потому что этим людям нечего стесняться и нечего опасаться нанесения им какого-то ущерба – в отличие от людей, сотрудничавших с фашистами во время оккупации. Та информация закрыта именно для того, чтобы оберегать не столько коллаборационистов (даже если они уже умерли), сколько их родственников и близких. А информация о партизанских движениях, о так называемых «летучих отрядах» или о подполье открыта. Не правда ли, любопытно? Свежий пример на эту тему – то, что происходит в Прибалтике, совсем рядом.

Возникает вопрос: когда архивист прописывает открытые виды, вернее, комплексы, может быть, не имеет смысла тогда их прописывать? Это касается и информации, идентифицирующей человека. Получается, что конкретные исторические условия определенного государства или какая-то ситуация настолько меняются в зависимости от взглядов или мнений отдельных лиц, что, наверно, тогда не имеет смысла настолько детально заниматься этими вопросами.

Самый последний вопрос, который тоже очень важен. Я даже не буду говорить о доступе, поскольку он, еще раз повторяю, не прописан. Несколько слов о проблеме «третьих лиц». В очень многих законодательных и нормативных актах проходят «третьи лица». Что это такое, как правило? Подразумевается основное лицо документа. Например, документ касается меня или это моя автобиография, или еще что-то. Я, скажем так, «основной субъект информации», тем более что этот термин сейчас появился. Информация о моих детях, маме, муже – это и есть так называемые «третьи лица». А если это не автобиография, а, например, какой-то служебный документ или тот же протокол следствия, информация о человеке, составившем этот документ, это третье лицо или нет? Это нигде не прописано. А ведь по новому законодательству совершенно четко указано, что субъект информации – это то лицо, о котором есть соответствующие персональные данные. По нашей формулировке это третье лицо. Значит, мы должны учитывать и его интересы, и те же 75 лет хранить документ. Выходит, это тоже проблема для дискуссии.

Но на самом-то деле еще интереснее то, что в последнем проекте законодательства третье лицо – это вообще другое лицо, это даже не так называемые «субъекты информации». В проекте федерального закона есть понятие «третье лицо». Посмотрите, что это такое: «это любое физическое или юридическое лицо, орган государственной власти или местного самоуправления, кроме субъекта персональных данных, держателя, обладателя массива персональных данных, уполномоченного по правам субъекта персональных данных при Президенте и лиц, которые уполномочены обрабатывать данные с прямой санкции держателя массива персональных данных». Таким образом, получается, что сейчас вообще нельзя употреблять этот термин, а ведь он проходит в нормативной базе и даже в проектах нормативной базы архивной отрасли.

Вот это только маленький круг вопросов, я даже не смогла обо всем сказать. Я еще раз приглашаю всех выступить в дискуссии, потому что пока не будут оговорены все эти вопросы, до тех пор не будет грамотной нормативной базы, и не будет грамотной законодательной базы. Потому что никто, кроме архивистов, не может дать грамотные рекомендации нашим законодателям, а законы и нормативные акты – это, собственно говоря, то, на чем держится архивная отрасль. Спасибо.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Большое спасибо, Ирина Анатольевна, за чрезвычайно интересный доклад.

Уважаемые дамы и господа, мы выбились из графика. У нас до обеда планировалось еще одно выступление. Но так как мы получили сообщение, что один из петербургских докладчиков заболел и, вероятно, одним докладом будет меньше. Разрешите предоставить слово Елпатьевскому Андрею Валерьяновичу, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела.

А.В.ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

Уважаемый господин председатель!

Уважаемые коллеги!

Поскольку я впервые здесь, разрешите сказать несколько слов о себе. Я работал в системе Главного архивного управления с 1956 по 1991 годы, последние пять лет – в должности заместителя начальника главка, и курировал вопросы использования архивных документов. Последние 10 лет я в качестве любителя-исследователя занимаюсь изучением истории испанской эмиграции в СССР и вообще испаноязычными источниками о России в 20-м веке. То, что я скажу, является исключительно выражением моей личной точки зрения и никоим образом не представляет точку зрения какого-либо государственного или общественного учреждения, в том числе ВНИИ документоведения и архивного дела, в котором я сейчас работаю.

Я хочу начать с того, что в советское время допуск к архивам мог бы быть проиллюстрирован таким примером, который в свое время рассказывали мне мои товарищи по работе. Дело происходило примерно в конце 50-х – начале 60-х годов. Со Старой площади звонили в отдел использования Главного архивного управления и сообщили, что от них придет такой-то, будет просить такие-то документы, их ему не выдавать. Если он будет звонить из управления к ним на Старую площадь, а те будут по телефону давать указание руководителю отдела выдать ему эти документы, то все равно документы этому человеку не выдавать ни в коем случае. Вот такие случаи имели место, но будем надеяться, что они больше никогда не повторятся.

Хочется подчеркнуть, что закрытость архивов являлась традиционной для российского архивного дела и вовсе не была установлена большевиками. Я немного занимался изучением истории архивного дела и могу сказать, что как в царское время было трудно получить доступ к целому комплексу и вообще к большей части архивов истории нашего Отечества, так и в советское время.

И дело здесь даже не в передаче архивов в ведение МВД. И до передачи в МВД были соответствующие трудности, и позже, как это можно судить по целому ряду фактов. Более того, архивисты в советское время традиционно осуществляли не свойственную архивистам цензорскую функцию, – прежде всего как идеологическая цензура. Более того, нам предписывалось вопреки всем официальным законодательно установленным нормам выявлять документы так называемого «ограниченного доступа», не имевших никаких грифов, но так или иначе содержащих нежелательную для власти информацию. Они не рекомендовались к выдаче, были категорически запрещены к печати.

На мой взгляд, очень и очень много было сделано с конца 80-х годов и в прошедшее десятилетие по рассекречиванию документов. И думается, можно твердо сказать, что открытие архивов, в целом, состоялось за истекшее время. Но, конечно, сделано далеко не всё.

Теперь мне хочется перейти к вопросу о секретности так называемой «мнимой» и секретности подлинной. Как и все другие государства, наше государство хранит в своих архивах определенную часть документов, содержащих государственную тайну. Это всем понятно, и должно восприниматься как должное. Но практически каждый архивист может подтвердить, что в наших архивах сейчас хранится достаточно большое количество документов, которые имеют грифы «секретно» и «совершенно секретно», но уже не содержат никакой государ-

ственной тайны. То, что сохраняется, к сожалению, та процедура рассекречивания, которая существовала еще в советское время, на мой взгляд, ведет архивы в тупик, поскольку серьезные ведомства, серьезные люди просто не имеют ни возможностей, ни желания, ни других побудительных причин для того, чтобы заниматься рассекречиванием архивов.

В свое время, примерно в 1989-1990 гг., когда существовал сильный прессинг в отношении архивов со стороны СМИ, в одной из центральных газет была опубликована заметка о том, что вот, дескать, документы такого-то военного корабля, касающиеся действий этого корабля во время войны в архиве Советской Армии все рассекречены; а вот «плохие люди» в Ленинградском архиве Военно-Морского флота не хотят рассекречивать полностью документы самого корабля. Тогда еще директором был Иван Николаевич Соловьев. В очередной свой приезд я его спросил, читал ли он заметку? Он ответил, что читал. Я спросил, так в чем же дело-то? Он сказал, что они вызвали соответствующего специалиста из округа, тот посмотрел, часть документов по вооружению рассекретил, но что касалось системы связи, он сказал, что я не специалист, обращайтесь в Москву. Они написали в Москву, а им ответили, что глупостями такими те заниматься не имеют возможности. Естественно, в архиве нет таких специалистов, которые могли бы действительно компетентно решить такие сугубо специальные вопросы. Действительно, есть ряд документов, относительно которых необходимо заключение специалистов по соответствующим отраслям или по соответствующим предметам. Но в то же время, есть целый ряд документов, относительно которых любому разумному человеку ясно, что эти документы государственной тайны не содержат.

Думается, что основным критерием при рассекречивании должно быть наличие (или отсутствие) тех сведений, содержащихся в архивных документах, которые в соответствии с существующим перечнем отнесены к содержащим государственную тайну. Далеко не все государственные тайны Советского Союза составляют государственную тайну и для Российской Федерации. Примеров можно привести много, я приведу лишь один-единственный.

В 1966 году большой группе испанских эмигрантов были вручены награды Советского Союза – в основном за участие в Великой Отечественной войне. Об этом факте очень многие испанцы писали в своих мемуарах, опубликованных на испанском языке, некоторые были переведены и на русский язык. В этих мемуарах они писали, что их собрали в Кремлевском дворце, где им в торжественной обстановке вручили награды. Я, естественно, заинтересовался этими мемуарами, мне хотелось выявить весь круг этих людей. В полной подборке Ведомостей Верховного Совета я, естественно, никакого упоминания не нашел. Я обратился в архив. Там мне любезно ответили, что такой указ имеется, назвали даже дату этого указа. Он был принят значительно раньше, чем середина 1966 года. Но сказали, что эти указы до сих пор, к сожалению, на секретном хранении, и выдать их мне они не могут. В чем здесь заключается государственная тайна для сегодняшней нашей страны, я не знаю. Я не думаю, чтобы кто-нибудь мог действительно с полным обоснованием сказать, что эти документы сейчас содержат государственную тайну. Еще пример. Известная Каридад Дель Рио, мать Рамона Меркадера, убийцы Троцкого, была награждена орденом Ленина за организацию этого дела. Очевидно, этот указ так же является секретным. Это из той же, как говорится, области.

Я убежден, что хранение в архивах в качестве секретных, содержащих государственную тайну документов, но на самом деле этой тайны не содержащих – не плюс, а минус для информационной безопасности государства, так как способствует тому, что само понятие государственной тайны при этом размывается, становится нечетким. Одно дело, когда человек хранит (даже за дополнительную, может быть, зарплату) действительную тайну или когда он ясно понимает, что хранит якобы государственную тайну; психологическое отношение к этому факту уже становится другим.

Я убежден в том, что архивам должно быть предоставлено право рассекречивания подобного рода документов самостоятельно. При этом, конечно, за работниками архивов

должна сохраняться обязанность в необходимых случаях консультироваться с соответствующими ведомствами.

Второй случай ограничения допуска к архивным документам, на котором мне хотелось бы остановиться, касается информации о так называемой частной жизни лица. Об этом уже госпожа И.А. Курникова много говорила. Я бы хотел в определенной степени продолжить эту тему и немного поспорить по поводу некоторых положений, которые были ею высказаны.

Понятие «частная жизнь» в советском обществе вообще не было принято и не имело распространения по причине ее полного фактического отрицания, которое существовало в недавнем прошлом. Сейчас наблюдается определенная тенденция рассматривать в качестве конфиденциальной, относящейся к частной жизни любую информацию, любые сведения о личности, которые подпадают под понятие так называемых персональных данных. Мне бы хотелось подчеркнуть, что определение персональных данных, которое предлагается в розданной вчера Рекомендации № R (2000) 13, представляется наиболее удачным. Я бы лично его поддержал, связывая это понятие только с понятием частной жизни, которое также нуждается в более четком определении.

Но если мы рассматриваем понятие персональных данных так, как оно сейчас понимается большинством архивистов, то мы неминуемо должны будем прийти к очень печальному или, может быть, очень простому и облегчающему нашу работу выводу: за последние 75 лет документы из архивов вообще не должны выдаваться. Потому что любая, просто подлинная подпись человека, даже без указания его должности, даже не на бланке, все равно в определенных ситуациях может быть полностью признана как данные, идентифицирующие человека.

Возьмем конкретный простой пример. Белый лист бумаги без какого-либо грифа; бумага, правда, хорошая. На ней обращение: «Уважаемый Василий Васильевич!» (имеется в виду Кузнецов, секретарь ВЦСПС), и далее излагается просьба. Под текстом – просто подпись без указания должности – Г.Димитров. Для меня, например, это абсолютно идентифицирующийся с конкретной личностью документ из фонда Секретариата ВЦСПС, содержащий персональные данные. То есть, нет сомнения, что подпись под документом действительно принадлежит главе Коминтерна, это ясно из содержания документа и того окружения, которое этот документ имеет в архивном комплексе. Это окружение ясно свидетельствует о том, что этот документ подписал Димитров, и это, конечно, определенные данные, которые четко идентифицируют только с ним и на их основании можно делать определенные выводы о его личности. На мой взгляд, никакого отношения к его частной жизни эти сведения, относящиеся к информации о том, как складывались судьбы нескольких испанских детей, естественно не имеют, и иметь не могут.

К сожалению, уже появились публикации документов, претендующие на научность, где фамилии видимо из страха заменяются инициалами. Об этом в одном из номеров «Отечественных архивов» было напечатано письмо С.Д.Мякушева. К сожалению, сейчас происходит частичный возврат архивам цензорских функций.

Я хочу остановиться на практике выдачи пользователям некоторых дел с закладками против определенных листов; на закладках надпись: «без права копирования». Думается, что эту практику не стоит отвергать, она имеет определенные плюсы, ибо дает возможность исследователю получать хоть какие-то документы. Но она имеет и минусы. Я с этим столкнулся, работая в бывшем Центральном партийном архиве. Мне выдали большое дело, в нем оказалось несколько таких закладок. Один из заложенных листов меня заинтересовал. Там речь шла о поведении сестры и племянниц одного видного испанского деятеля компартии, члена политбюро КПИ. Они обвинялись в том, что допускали высказывания антисоветского характера, в связи с чем их возвращение в Москву и Московскую область считалось нежелательным; предлагалось найти им какое-то другое место проживания. Дело происходило во время войны, в 1944 году, они находились тогда в эвакуации в Ташкенте. Рядом, правда, аналогич-

ного содержания документы этой закладки не содержали. Письмо от Испанской компартии в ЦК ВКП (б) было заложено, а письмо из ЦК в МОПР того же содержания этой закладки не имело. Меня это удивило. Я сделал необходимые выписки, но все-таки решил обратиться к сотрудникам архива за разъяснениями. Меня спросили, разве я не заметил, что там одна из женщин обвиняется в легкомысленном поведении? Я на это действительно не обратили внимания. Значит, уже имеет место определенная цензура.

Не знаю, может быть, это и хорошо, но мне такое отношение представляется опасным. Кроме честного следования определенным инструкциям, выполнение этих инструкций может потенциально содержать возможности вообще, как говорится, «не пущать». В этом таится опасность своего рода коммерциализации, когда «нельзя, но очень хочется», то, при определенных условиях, можно своего добиться.

Как мне видится решение этой проблемы? Представляется, что, бесспорно, допуск к **официальной**, подчеркиваю – **официальной** документации, хранящейся в архивах, должен быть ограничен 75 годами, как это требует закон и как это следует из соответствующей статьи Конституции. Речь идет о тех документных системах, которые регулируют взаимоотношения человека, личности с одной стороны, и государства и общества – с другой, и которые содержат (или могут содержать) те или иные элементы, касающиеся частной жизни гражданина. Это, в основном, будет соответствовать тому определению персональных данных, увязанному с частной жизнью, которое дается в Рекомендации. Прежде всего, это, конечно, личные дела как относящиеся к периоду прохождения гражданской и военной службы, так и к списочному составу государственного или общественного учреждения, то есть дела учащихся, дела лиц, содержащихся в домах престарелых, дела заключенных и так далее. Сюда, также, относится и официальная медицинская документация, то есть составленные в медицинских учреждениях истории болезней, медицинские карты и так далее; судебные дела, нотариальные документы, так называемые «персональные дела» коммунистов, комсомольцев, а иногда и просто членов профсоюза по рассмотрению их проступков морально-этического и иного характера, и некоторые другие документы. Перечень их относительно невелик, он достаточно легко устанавливается. И за сохранность содержащейся в них информации архивы как приемники-хранители создавших эти документы государственных и общественных организаций, действительно, должны нести правовую ответственность в течение установленного законом срока, то есть в течение 75 лет.

Нет возможности подробно останавливаться на этом вопросе, но здесь, наверное, могут и должны быть сделаны соответствующие исключения. В частности, должны быть доступны судебные приговоры, так же как и документы по реабилитации, которая проходила в соответствии с законом о реабилитации жертв политических репрессий, и т.д. Но архивы не могут и не должны нести ответственность за информацию персонального характера, содержащуюся во всей остальной, организационно-распорядительной и другой не кадровой документации. Иначе они действительно могут превратиться в стопроцентных и.о. цензоров, с функциями которых, я уверен, они не справятся так, как полагается. И здесь уже все коллизии, которые могут возникнуть, должны быть делом частного обвинения, что ли, как говорят юристы. То есть, если человек чувствует себя обиженным или оскорбленным, он вправе подать в суд на обидчика, на пользователя, но не на архив, если только основанием этой обиды послужила не названная выше **официальная** документация.

Приведу такой пример. Существуют акты приема-передачи имущества от одного учреждения к другому. В свое время я выписал акт приема-передачи одного детдома из Литфонда в МОПР. Трудно объяснить, почему я это сделал, так как знаю характер таких документов. Так вот, мне выдали толстое дело, содержащее акты передачи кроватей, умывальников и прочего. Скучные бухгалтерские документы, где указана стоимость каждого стола, стула и так далее. Я их листаю, листаю, и вдруг среди прочих нахожу семь простых листков, заполненных от руки карандашом; почерк – директора детдома. На каждом из листков – фамилия, имя, отчество, год рождения одного из семи детей. На одном из них краем глаза успе-

ваю заметить слово «испанец». Читаю: Юзик Грозгинер Остен, 1935 года рождения, был привезен из Испании Михаилом Кольцовым. Персональная информация? Персональная. Должна она здесь быть? никоим образом. Это – случайность. Дети, как известно, балансовой стоимости не имеют, сведений о них здесь просто не должно быть, – но они каким-то образом оказались. Я эту информацию, естественно, использовал. И только я несу ответственность за ее использование, и никакой архив не может и не должен контролировать выдачу информации такого рода, которая может оказаться где угодно, и никто никогда этого не сможет предсказать или предусмотреть.

Мне хотелось бы высказать несколько положений в дополнение к тому, что опубликовано мною в «Отечественных архивах» № 1 за 1999 год и в № 5 за этот год. Речь идет о документах, касающихся благосостояния и дохода физических лиц. Конечно, такие сведения подпадают под защиту закона. Но, по-видимому, это требование не может быть применено абсолютно ко всем и вся. Если говорить о документах советского периода, то известно, что штатное расписание или оклады по штатному расписанию никогда не были секретными, и, собственно говоря, скрывать заработную плату того или иного чиновника в советский период и считать это его личной, частной, персональной информацией, на мой взгляд, наивно и нелепо. Другое дело, когда речь идет о зарплате людей творческих, вольных профессий: артистов, художников. Тут – вопрос иной. Но официальные штатные оклады сотрудников государственных учреждений, на мой взгляд, подлежать засекречиванию не могут и не должны.

О судебных делах, о приговорах – совершенно ясно. Факт обвинения человека по какой-то статье не может являться фактом его личной, частной жизни, поскольку все обвинения – даже по закрытым процессам – всегда считались открытыми. Они оглашались, как правило, открыто и публиковались если не в центральной, то в местной прессе. Но все остальные материалы судебного дела: протоколы допросов, очных ставок и т.д. – не должны, естественно, выдаваться до истечения 75-летнего срока.

Конечно, трудно также полностью согласиться с тем, что профессиональная деятельность человека, особенно отношения его с работодателем, являются составной частью его частной или личной жизни. Это может быть справедливо по отношению к частной, не государственной, не общественной деятельности, но неверно, на мой взгляд, по отношению к государственным служащим, деятелям политических партий, служителям культа основных конфессий и так далее. Любая моя профессиональная деятельность отражается, прежде всего, в подписанных или завизированных мною документах, выступлениях на конференциях и других заседаниях, и так далее. Они никоим образом не могут быть отнесены к моей частной жизни.

Документы о политических, философских и религиозных взглядах: здесь, по-видимому, существуют два подхода. В отношении частного лица, не занимающего какого-либо высокого поста на государственной службе, в политической партии или в церкви, справедливо, по-видимому, считать его политические, религиозные взгляды его частным делом. Но это будет неверно по отношению даже не только к патриарху, но и к любому священнослужителю. Если он служит православной церкви, он должен быть православным, а не буддистом, например. Это уже перестает быть его личным делом.

Задача, видимо, должна состоять в выработке единого общественного мнения, что в итоге привело бы к согласованному пониманию проблемы и удовлетворяло бы как законные интересы гражданина, так и объективного исследователя истории.

И совсем коротко о третьей проблеме, которая тоже служит препятствием к допуску. О ней говорил наш первый сегодняшний докладчик: это проблема моментального получения информации. За последние десять лет у нас создан качественно отличающийся от прежних, советских, корпус очень хороших путеводителей по архивам; на сегодняшний день существуют более или менее удовлетворительные, с точки зрения учета и идентификации дел, описи. У нас, в общем-то, есть, за редким исключением, плохие каталоги; это не относится к федеральному историческому архиву в Санкт-Петербурге, там – хороший. Но в большинстве

случаев каталоги плохие, даже в московских федеральных архивах. Они не могут обеспечить моментальный поиск.

Я это говорю, основываясь на собственном опыте. Когда мне приносят примерно дюжину дел (а я интересуюсь судьбой испанских рабочих в Советском Союзе), каждое по 400-500 листов, на них заголовок с точки зрения архивной теории правильный: «Переписка с иностранными рабочими по вопросам работы». Меня же интересуют только испанцы. В одном деле я нахожу интересующие меня сведения. В другом деле – переписка только с немцами, но мне приходится листать все 400 страниц. В третьем деле – переписка с чехами. И так далее.

Для того чтобы дать конкретную информацию пользователю о каждом решении заседания или собрания (это касается, в частности, протоколов бесчисленных заседаний наших бывших и нынешних руководящих органов, начиная от партийных, профсоюзных и заканчивая органами советской власти), мало даже просто выписать их повестки дня: сплошь и рядом в них имеет место настолько глухое обозначение, что само по себе оно информации не несет; а ведь требуется знать решение. Единственный путь, и тут я готов поддержать Давида Иосифовича Раскина, это создание хороших компьютерных пофондовых и тематических баз данных, которые действительно обеспечивали бы этот поиск. Это очень непростое, очень трудоемкое и долгое дело, но к этому, очевидно, надо стремиться.

И отвечая на предложение нашего председателя, я бы считал целесообразным среди тех вопросов, которые, может быть, мы будем обсуждать завтра во время дискуссии, значительное время посвятить вопросу определения того, что же такое персональные данные, что же такое частная жизнь – применительно к архивным документам.

Спасибо за внимание.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Большое спасибо, Андрей Вальерьянович. Я обращаю ваше внимание на то, что я сознательно иду на нарушение регламента, настолько интересны доклады и сообщения. Просто у нас еще останется время. Как вы понимаете, у нас завтра целый день для дискуссий, поэтому можно даже перенести один-два доклада на завтра.

А сейчас позвольте предоставить слово Есакову Владимиру Дмитриевичу, Институт российской истории РАН.

В.Д.ЕСАКОВ

Уважаемые коллеги!

Мы сегодня достаточно много говорили здесь о доступе в архивы и о положении с архивами. В подавляющем большинстве эти выступления носили в определенной мере теоретический характер. Я хочу рассказать вам о ситуации, в которой я оказался, и которая показала мне, насколько мы активно продвинулись в 90-е годы в решении этих проблем, – проблем исследовательского использования документов – правда, по некоторым периодам. Я имею в виду в данном случае то, насколько шире стали возможности доступа и использования документов, относящихся к сталинскому периоду нашей истории.

Я всю жизнь занимаюсь историей науки и где-то в начале 90-х годов, когда были открыты протоколы Политбюро, я решил сделать некую подборку данных, зафиксированных в этих протоколах, которые относились к деятельности самой Академии, информации о членах Академии, ее учреждениях, и всему комплексу научно-организационных вопросов, связанных с деятельностью наших ученых.

Работа не заняла много времени. И вот, где-то в середине 60-х годов я уже был готов свести все эти протоколы в некую сводку, небольшую брошюру. Материалов набралось где-то на 6-7 авторских листов текста. И в последний момент я неожиданно узнаю, что в бывший Центральный партийный архив из Архива Президента переданы подлинники протоколов Политбюро. Представляете себе исследовательскую задачу для человека, который хочет её решить в исследовательском плане, а не просто заинтересован в скорейшей публикации ре-

зультатов той работы, которая была проделана. В результате удалось сравнить все выявленные протоколы, а за сталинский период их было выявлено по самой Академии, по её членам, по различным вузам – 478. Удалось сравнить все протоколы с теми исходными документами, которые были представлены для рассмотрения. Чаще всего это был какой-то листочек, записка из двух строчек; иногда это был вполне профессионально подготовленный проект решения. Если существовала разница в рукописном или машинописном тексте, расхождения были чисто текстуальные, они отмечались.

Что еще оказалось бесценным в этих материалах? Каждый подготовительный текст имел подписи членов Политбюро, тех, кто был заинтересован или привлечен к решению этого вопроса. Мало того, к подавляющему большинству окончательного варианта протоколов были подложены исходные материалы для принятия решений. Это могло быть сделано уже на исследовательском уровне и даже в результате частной инициативы.

А тут грянул юбилей – 275-летие Российской Академии. И остановиться на достигнутом мне показалось недостаточным, поскольку было видно, что в обнаруженных комплексах существуют явные пробелы. И тогда – я хочу впервые сказать об этом во всеуслышание, – мне удалось получить поддержку Владимира Петровича Козлова и Татьяны Федоровны Павловой и с их помощью попасть в Архив Президента Российской Федерации. И когда я оказался там, выяснилась еще одна чрезвычайно важная сторона, которая, наверное, имеет значение для всех исследователей, какой бы период советской истории они ни изучали, с какими бы проблемами они при этом ни сталкивались. Дело в том, что по абсолютному большинству аспектов жизни советского общества в Президентском архиве имеются тематические подборки, где собраны наиболее ценные и, очевидно, подлежащие ограниченному распространению материалы. Мне удалось получить весь комплекс тематической подборки, относящийся к деятельности Академии наук. Все документы – от самого первого подписного протокола, с которого начинали работать, все выписки имеют грифы «совершенно секретно». Мало этого, есть одна очень любопытная деталь. Все мы знаем, что помимо секретных и совершенно секретных протоколов есть высшая форма секретности, которая называется «особые папки». Я хотел бы обратить внимание тех, кому удастся работать по каким-то темам в Президентском архиве, там категории «особые папки» практически нет. Все постановления собраны в единую хронологическую, тематическую подборку; вне зависимости от того, как они принимались, они включались в протоколы. В лучшем случае, в скобках будет поставлено, что это принималось как категория «особая папка», но текст ее будет представлен в общей тематической подборке.

В результате этого появилась книжка «Академия наук в решениях Политбюро 1922-1952 годов». В ней очень много сюжетов, я не буду рассказывать обо всех, поскольку мы ограничены временными рамками.

Я хотел бы кратко остановиться лишь на двух сюжетах. Один имеет отношение к истории Академии наук и возвращает нас к тому времени, когда – и почему – она стала советской. Дело было не только в том, что руководство Академии наук, благодаря усилиям, прежде всего, ее вице-президента Стеклова, добилось принятия Постановления Правительства о проведении юбилея; но была еще одна совершенно неожиданная сторона.

Дело в том, что в феврале 1925 года состоялось, по-моему, третье по счету традиционное выездное заседание Верховного Совета недавно образовавшегося СССР. Оно проходило в Тбилиси. Выступая на этом собрании, Рыков, представлявший Российскую Федерацию и, естественно, главу правительства, упомянул об академическом юбилее. Реакция была совершенно неожиданная. Представитель Украины, прежде всего, а также и представители ряда Закавказских республик выступили против переименования Российской Академии наук в Академию наук СССР. Мало этого, они предложили распределить между республиками все те богатства, которые создавались за 200 лет деятельности Академии наук, – прежде всего библиотеку и музеи. Ситуация возникла настолько острая, что Рыков вынужден был поставить этот вопрос на коммунистической фракции на открытое голосование. Известно, что 36

человек проголосовало против, сколько проголосовало за то, чтобы Академия стала носить название Всесоюзной, я не знаю. У меня нет данных, сколько всего человек принимало участие в голосовании, но 36 человек, членов фракции коммунистов, выступили против того, чтобы была объединенная Академия наук.

Теперь о втором небольшом сюжете, который в последнее время достаточно часто фигурирует в прессе и на телевидение. Дело в том, что сегодня российский Нобелевский лауреат получает медаль. Он несколько раз выступал по телевидению и в прессе, рассказывал о своем институте, о том, как пришлось уйти Абраму Федоровичу Иоффе с этого поста; о том, как его вызывал Вавилов, президент Академии. И после очень долгих раздумий как будто бы Абрам Федорович это заявление об уходе все-таки написал. Но изгнание его с этого поста не было инициативой президента Академии наук. Вот послушайте:

«30 сентября 1950 года. Совершенно секретно. Особая папка.

Товарищу Берия.

Имея в виду, что директор Ленинградского Физико-технического института академик Иоффе по выслуге лет должен был в ближайшее время оставить руководство институтом, представляем по вашему поручению в качестве кандидата на должность директора института члена-корреспондента Академии наук, профессора, доктора физико-математических наук Комара Антона Пантелеймоновича.

Товарищ Комар – член партии, в настоящее время работает в должности заместителя директора Физического института имени Лебедева в Москве. Товарищ Комар по своей специальности и опыту работы соответствует профилю Ленинградского Физико-технического института. Президент Академии наук СССР Вавилов считает кандидатуру товарища Комара на должность директора института подходящей».

Интересно, кто подписал этот документ – Завинягин и Курчатов. Так что снятие Иоффе с поста проводилось не Академией, а Первым Главным управлением.

Один очень важный момент. По предложению Роскомархива, поддержанному Президиумом Академии наук, мы полагаем, что издание архивных материалов может быть продолжено и может быть доведено даже до 1991 года, до последних дней существования партии. Пока ситуация сложная, потому что документы пост сталинского периода пока не рассекречены. Сейчас со стороны Росархива и со стороны Президиума Академии наук принимаются энергичнейшие меры для того, чтобы каким-то образом получить ответ от упоминавшейся здесь Комиссии по государственной тайне. Но как скоро это случится, неизвестно. Если это произойдет зимой, то к следующей зиме, может быть, выйдет и следующий том. Если не случится, то придется подождать.

Мне хотелось бы остановиться еще на двух важных вопросах. Мы здесь много говорим о секретных и совершенно секретных документах. Почему-то никто и никогда не останавливался на таком чрезвычайно важном моменте, с которым, конечно же, чаще сталкивается исследователь, чем архивист. Я хочу обратить ваше внимание на то, что подавляющее большинство грифов «секретно» и «совершенно секретно» принимаются в период подготовки решения. С принятием решения, как правило, проблема секретности снимается. Но ни один гриф, ни с одного предшествующего документа не снят, а значит и сам документ не рассекречен. Я полагаю, что подавляющая масса той документации, которая сейчас под видом секретной хранится в государственных архивах, это подготовительные материалы. По целому ряду экономических, политических, бытовых соображений они почему-то были засекречены и продолжают иметь по существу тот же статус государственной тайны, как и очень важные акты, действительно того заслуживающие.

Когда мы теоретически рассуждаем, мы почти не упоминаем о том, что документ, как бы важен он ни был, – а тем более разрабатываемый вопрос или проблема – не является тем единственным текстом, который хранится в каком-то деле. Как правило, документы по любой более или менее сложной проблеме разбросаны по десяткам архивов областей, республик и государств. Для того, чтобы обнаружить документ в этом виде, даже если он секретен,

вряд ли архивист сможет потратить столько времени на его поиски. К решению таких сложных ситуаций должно быть подключено несколько исследовательских коллективов. И я полагаю, что здесь, наверное, должна быть проявлена инициатива не столько самих исследователей, – им меньше известно таких случаев, – сколько инициатива самих архивов, прежде всего тех отделов архивов, которые занимаются проблемами использования.

И в заключение я хочу рассказать об одной ситуации, о которой сегодня косвенно упомянул Владимир Петрович, сказав о том, что рассекречены материалы СВАГ. Как только они были рассекречены, мне удалось посмотреть один из комплексов. А поскольку среди историков я известен как человек, который большую часть своей жизни посвятил изучению наследия и творчества Николая Ивановича Вавилова (за это я и получил докторскую степень), то мое внимание привлек один документ. Он небольшой, я его назову: «Предварительный отчет о разработке архива Немецкого сельскохозяйственного научно-исследовательского центра Восточных областей».

Захватив нашу территорию летом 1941 года, фашисты не уничтожили практически ни одного опытного поля, не тронули ни одного сельскохозяйственного института, и работали там до весны 1944 года. Они вывезли огромные сельскохозяйственные ценности.

Я попытался прояснить эту ситуацию. Я разговаривал с Драгавцевым, директором ВИР, звонил в Ботанический сад, в Комиссию по реституции Государственной Думы. Но депутатам из этой комиссии нет никакого дела до образцов сельскохозяйственных растений, они занимаются картинами и драгоценными камнями. А ведь то, что произошло, имеет, по моему, огромное значение, и здесь есть две важнейшие стороны. В экстремальных условиях войны, в течение 1941 - начала 1943 года, произошла корыстная, насильственная интеграция всего основного сельскохозяйственного опыта в немецкую и через Германию – в европейскую агрономическую культуру. Это, по-моему, совершенно уникальный случай в истории агрикультуры человечества вообще. И эту ситуацию, конечно, имело бы смысл рассмотреть. Мало того, в этом, к сожалению, весьма небольшом отчете есть некие суммарные сведения, я их вам читаю.

Что вывезли немцы?

Гербарии России – 300 тысяч отдельных листов.

Коллекции полезных и вредных птиц южной России – 3 тысячи экз.

Коллекции полезных и вредных млекопитающих – 15 тысяч экз.

Коллекции полезных и вредных насекомых России – 20 тысяч экз.

Коллекции бабочек России – 1 миллион экз.

Сельскохозяйственная научная библиотека – 60 тысяч томов.

Уникальные мировые коллекции сортов сельскохозяйственных культур, включая плодовые, ягодные, и, прежде всего, как мы знаем, коллекции Вавилова и его сотрудников – 18 тысяч.

Уникальные коллекции селекционных материалов, элита и штаммы всех культурных растений России – 75 тысяч номеров.

Ульи кавказских и украинских пчел – 72 штуки.

Коллекционные стада немецкого красного рогатого скота.

Коллекционные стада бурого горного скота.

Конные заводы и т.д.

Отчет был составлен на базе архива, найденного в Кливленбурге и принадлежавшего этому сельскохозяйственному центру. Составитель этого отчета работал над ним несколько месяцев.

Затем 13 объемистых дел с полным перечнем планов работ и полученных итогов были переданы председателю Правительства Украины Хрущеву, поскольку материал там был украинский.

Шесть, с моей точки зрения, ценнейших дел, где имеются номера элиты и штаммов, то есть то, на основе чего можно было бы возобновить исследования, проследить генные ли-

нии, были переданы в Управлении реституции. Я проработал там несколько месяцев. Увы, найти эти материалы мне не удалось. Хотя, естественно, в соответствующие ведомства были переданы списки работавших в южном районе сотрудников, а это 3.900 человек при 49 начальниках-немцах.

Известно, кто комплектовал вывоз, известны промежуточные пункты вывоза, главным образом в Польшу, и некоторые другие места вывоза материалов. Потом они были направлены в Австрию.

Полагаю, что и архивистам, и здешнему собранию руководителей архивного дела, необходимо обратить на этот факт внимание, привлечь к нему внимание общественности. Нам давно пора понять, что не только украшения являются ценностями. Именно потому и существует «лысенковщина», что мы не осознаем ценности своего аграрного труда.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Большое спасибо, Владимир Дмитриевич.

Следующий докладчик – Павлова Татьяна Федоровна, начальник управления использования архивных документов Росархива, Москва. Наш постоянный помощник, которого мы очень рады снова здесь видеть.

Т.Ф.ПАВЛОВА

Я хочу остановиться на проблемах рассекречивания архивных документов архивными учреждениями Российской Федерации. Как явствует из повестки дня нашего заседания и из многих выступлений моих предшественников, эта проблема была и находится до сих пор на острие общественного внимания. И это не случайно, поскольку одним из идентифицирующих признаков демократического общества является доступность архивных документов, отражающая историю любого государства. Не случайно, что проблема демократизации доступа к архивным документам возникла уже с середины 80-х годов, когда проблема демократизации тогда еще советского общества была впервые поставлена и получила свое определенное развитие.

Вы помните, как умирала цензура, как менялись в конце 80-х годов Главлитовские перечни; это было началом работы в области снятия ограничений по доступу к определенным комплексам сведений или определенной информации.

Уже в конце 80-х годов были сняты с секретного хранения значительные объемы документов, которые были закрыты волеизъявлением фондообразователей или по политическим соображениям. Достаточно сказать, что были открыты практически все документы российской эмиграции, которые хранились в различных архивах; были открыты документы таких органов, как Главлит, частично – Совета по делам религии. Документы Комитета по культурным связям, его территориальных отделений и ряда других комплексов были открыты не в полном объеме, в большей части они были закрыты. В полном объеме – грифованные и негрифованные документы.

Серьезная работа по рассекречиванию началась, конечно, после августовских событий 1991 года, и была на гребне волны интереса к архивам, и, прежде всего, к хранящимся в них документам бывших партийных структур. Многие из вас помнят, что была создана специальная комиссия по архивам при Президенте Российской Федерации, которая занялась подготовкой так называемого «процесса над КПСС» и готовила материалы для Конституционного суда. В этот момент было открыто то, что хотели открыть. То есть фактически никаких препон для открытия документов не было. Открывалась вся документация, и тут же в массовом порядке снимались грифы, причем эти документы были из Архива МИД, из Архива Президента, из наших федеральных государственных архивов. Позднее они составили уникальную «Коллекцию 89», которая хранится в нашем Российском государственном архиве новейшей истории (бывшем ЦХСД).

Что можно сказать сейчас, через определенный период времени, глядя на саму организацию этой работы и на ее итоги? Конечно, следует признать, что сейчас большую часть этих документов не рассекретили бы. Если вы познакомитесь с полным перечнем документов, опубликованном в специальном выпуске, то станет ясно, почему их не рассекретили. Его подготовил в свое время сотрудник моего управления Кудрявцев Иван Иванович. Там подробно описаны все документы «Коллекции-89». И, конечно, при внимательном прочтении даже заголовков понятно, что многие из этих документов сейчас бы просто ни в коей степени и ни в коем случае не были бы раскрыты.

Это говорит о том, что в тот момент, когда ощущался правовой вакуум, не было закона, регулирующего государственную тайну, не было прописано никаких процедур. Только тогда и в тех условиях была возможна такая работа и такой ее результат.

В этот период по инициативе Роскомархива принимается документ «Временный порядок доступа и использования документов». Он носил временный характер и утверждался, в то время как основа Президиумом Верховного Совета РСФСР и позднее был оформлен в виде специального нормативного документа, одобренного Коллегией Росархива. Документ композиционно состоял из трех частей. Была определена процедура рассекречивания и процедура доступа к архивным документам на тот момент взамен «Правил работы исследователей в читальных залах», Собственно это была процедура использования или порядок использования архивного фонда Российской Федерации.

К настоящему времени этот документ в двух своих частях устарел, то есть он уже не отвечает новым правилам и процедурам рассекречивания. И этот, и второй документ – «Правила работы пользователей в читальных залах государственных архивов» утверждены Минюстом Российской Федерации. Второй документ имеет другую нормативную базу.

Что произошло с рассекречиванием? Этот документ применял очень упрощенный подход к рассекречиванию архивных документов. Предполагалось, что документы, касающиеся деятельности партийных организаций, могут рассекречиваться комиссиями архивов. Предполагалось, что все документы за прошедший 50-летний период должны автоматически считаться открытыми. И в этом документе было написано, что при необходимости комиссии архивов могут приглашать соответствующих специалистов из соответствующих министерств и учреждений для проведения рассекречивания. Эта же процедура была прописана в Основы законодательства Российской Федерации об архивных фондах и архивах. Буквально в месяц разошлись наши Основы законодательства с Законом Российской Федерации о государственной тайне. И вот впервые Закон о государственной тайне определил порядок рассекречивания архивных документов и порядок работы архивов в этом направлении.

Что за сим последовало? Прежде всего, архивы провели под руководством Росархива работу с фондообразователями. Были выверены списки действующих фондообразователей, которые продолжали существовать на тот момент, и руководители федеральных архивов обратились к руководителям федеральных органов власти с просьбой определить порядок рассекречивания. Каким мог быть порядок? Орган федеральной власти или разрешает рассекречивание архива, передает полномочия директору архива, или берет эту функцию на себя. В этой части архивы свой путь прошли, они со всеми органами федеральной власти на тот период эти вопросы решили.

В основном со всеми силовыми ведомствами Росархив подписал соглашение о сотрудничестве, в котором в обязательном порядке была определена процедура рассекречивания. Но, естественно, все полномочия по рассекречиванию силовика (я имею в виду МВД, ФСБ, ФАПСИ, Минобороны) оставили за собой.

После всех этих предварительных действий архивы начали работать: или выполнять те полномочия, которые им были переданы, или ждать, когда придут в архивы фондообразователи, чтобы рассекретить свои документы.

Я могу сказать с полным основанием, что все полномочия, переданные фондообразователями архивам, на сегодняшний день реализованы. Так, допустим, Минфин Российской

Федерации передал свои полномочия нашим архивам: Архиву экономики и ГАРФу по рассекречиванию документов своего предшественника – Министерства финансов СССР и Министерства финансов РСФСР как ликвидированных организаций. Минфин России являлся уже правопреемником. Частично передал свои полномочия Минздрав, Росрезерв и т.д.

Наибольшие проблемы вызывало рассекречивание документов, созданных деятельностью ликвидированных организаций, не имеющих правопреемников. В первую очередь вопрос стоял о документах партии и партийных организаций, которые имеются во всех архивах, вплоть до областного уровня.

Здесь, как вы знаете, распоряжением Президента № 489 от 22 сентября 1994 года была создана специальная комиссия по рассекречиванию документов КПСС, которую возглавлял Красавченко, один из руководителей аппарата Президента Российской Федерации. Работала эта комиссия очень ритмично, очень продуктивно. Она закончила свою деятельность в июне 1997 года. Вот за этот срок работы она провела 22 заседания и проделала огромную работу по рассекречиванию документов партийных организаций, которые находились на хранении в трех архивах – в Президентском архиве, в РГАНИ и в РГАСПИ. И именно эта комиссия применила в своей работе частичное рассекречивание как дел целиком, так и отдельных документов. У нас есть статистика, сколько было частично рассекречено дел, сколько было частично рассекречено документов. В эту комиссию входили представители силовых структур, и работа была построена очень правильно. Эта работа до сих пор ведется на уровне наших областных комиссий. На первичном этапе работали, в основном, сотрудники архивов, они просматривали дела и отсекали Документы, содержащие партийную тайну, от документов, содержащих тайну государственную. Они находили предмет государственной тайны и только для этих документов вызывались представители соответствующих ведомств, чтобы была проведена квалифицированная экспертиза. Все остальное, что относилось к методам работы партийных организаций, рассекречивалось одним махом. На рассекречивание этой комиссией выносились большие объемы дел этих архивов. В этом был залог ее продуктивной и масштабной работы.

С 1997 года работа комиссии прекращена и, можно сказать, по случайному поводу: председатель комиссии потерял тот статус, которым он обладал, а ряд членов комиссии к тому моменту просто заняли другие посты; просто сменились люди. Говорилось о том, что буквально сейчас, завтра, комиссия получит нового председателя, и будет продолжать работать. Однако мы можем с сожалением констатировать, что на сегодняшний момент никто не проводит планового рассекречивания документов бывших партийных организаций. Я имею в виду центральные и высшие органы власти.

На местах работа организована лучше, потому что мы обратились в МВК по защите государственной тайны. МВК по защите государственной тайны вместе с нами определила порядок работы региональных комиссий, разослала все материалы главам администраций. На данный момент в 60 регионах России созданы и действуют межведомственные экспертные комиссии по рассекречиванию документов бывших партийных и комсомольских организаций. Работают они достаточно продуктивно. В двух регионах, во Владимирской и Амурской областях, пошли даже дальше. Я считаю, это оптимальный, на мой взгляд, вариант. Там рассекречивают не только документы КПСС, а всех ликвидированных организаций, не имеющих правопреемников. И правильно делают, потому что эта ниша пока не заполнена: документы этих организаций продолжают лежать на местах – вне правового решения проблемы их рассекречивания.

В чем мы видим выход из создавшегося положения?

Я хочу сказать только одно: с июля 1997 года архивы не прекратили работу по подготовке дел к рассекречиванию. Они ожидали, что комиссия вот-вот возобновит свою деятельность, они продолжали делать свое дело – проводить первичную экспертизу. У нас в РГАНИ сотрудниками архива уже просмотрено больше 10 тысяч дел; то есть эти дела подготовлены,

в результате этой первичной экспертизы они могут лечь комиссии на стол. Но, как я сказала, комиссия не работает.

Росархив обратился с письмом в Администрацию Президента. Это письмо подписал Владимир Петрович Козлов и академик Чубарьян, директор Института всеобщей истории. В письме остро ставится вопрос о неблагоприятной ситуации с рассекречиванием документов и выражается просьба возобновить деятельность комиссии (бывшей комиссии Красавченко) или передать эти полномочия какой-нибудь другой комиссии, другому органу, который имел бы полномочия этим заниматься. Хотя прошло уже более полутора месяцев, на данный момент мы официального ответа еще не получили.

На что мне хотелось бы обратить внимание, в чем, по моему мнению, основная проблема? Владимир Петрович уже говорил о позиции МВК по защите государственной тайны. Дело в том, что МВК по защите государственной тайны полномочна, если вы внимательно прочитаете положение об этом органе, во-первых, определять порядок рассекречивания документов, созданных в период деятельности ликвидированных организаций, не имеющих правопреемника, во-вторых, МВК по защите государственной тайны имеет право формировать при себе любые рабочие органы для целей рассекречивания. Если посмотреть структуру МВК, то ее структура полностью соответствует структуре комиссии Красавченко, Комиссии по рассекречиванию документов Совета Министров СССР. Они являлись структурными частями МКВ, были вмонтированы в нее. Когда ликвидировали комиссию Красавченко, МВК не составило бы особой трудности, постараться, и как-то эту проблему решить. Но ничего, как видите, не было сделано.

Здесь выступал один из представителей Академии наук, этих выступлений могло быть значительно больше, поскольку у каждого из ученых-исследователей – своя проблема. У нас полностью зависли несколько проектов и примерно 7 сборников: по истории сельского хозяйства: у доктора наук Данилова Виктора Петровича, который занимается подготовкой серии сборников «Трагедия советского крестьянства»; сборники, которые готовит Есаков по Академии наук. Эти проекты не реализуются и не могут быть реализованы. Мы писали в МВК, что под многие из этих проектов получены российские и зарубежные гранты. Это вообще чудовищная ситуация, потому что люди должны реализовать полученные средства и выполнить свои обязательства грантополучателей, а они не могут этого сделать. То есть на данный момент сложилась совершенно безвыходная ситуация.

На наши обращения в МВК мы получаем в последнее время стандартный ответ. Они возвращают нам все наши письма, обращения, перечни. Мы посылаем им вначале перечень, потому что просим определить порядок. Они возвращают и отписываются стандартной фразой: «До получения МВК полномочий по проведению рассекречивания данной категории документов». Это совершенный нонсенс, если принять во внимание то, что я вам говорила о правах и возможностях этой организации. Здесь Владимир Петрович уже говорил, что они обратились в Правительство с просьбой получить такие полномочия и получить дополнительные кадры, чтобы эту работу организовать. Но я уверена на 100 процентов, что если они получают лишние 5 или 10 единиц, ничего кардинально не изменится, потому что такое количество людей не в состоянии обеспечить полного рассекречивания значительных комплексов секретных документов, которые продолжают находиться на хранении в наших архивах.

Есть, конечно, особые случаи. Допустим, академик Фурсенко, которого вы все знаете, имел возможность выйти на Президента и в связи с его личным обращением он получил особый статус. Была создана специальная экспертная группа, которая под возглавляемый им проект «Механизмы власти СССР», рассекретила огромный комплекс документов бывших партийных архивов. Имеется аналогичный случай, когда по обращению академика Александра Николаевича Яковлева было дано поручение бывшим президентом России Ельциным, чтобы рассекретили фонд Сталина. Конечно, это благое дело. Очень интенсивно работала группа специалистов, которая провела полную ревизию фонда Сталина, передав его после этого из архива Президента в наш архив на хранение; оставив, правда, не рассекреченную

часть фонда в архиве Президента. Здесь уже возникает другая проблема: архивы не имеют лицензии на работу с секретными документами. Получить эту лицензию не так-то просто. Даже нашему архиву РГАСПИ до сих пор это не удалось. В связи с этим туда не передана секретная часть. Хотя это тоже парадокс, так как в архиве хранится значительное количество секретных документов. На сегодняшний день ситуация такова.

С какими проблемами вообще мы сталкиваемся, что не проработано? Здесь уже говорили, что нет общего нормативного документа, который бы определял процедуру, порядок и ответственность лиц, которые занимаются рассекречиванием. Мы его подготовили по собственной инициативе еще в 1996 году, обкатали, лицензировали, получили все визы, доработали вместе с МВК по защите государственной тайны. Но из-за того, что не решены организационные вопросы о том органе, который будет рассекречивать партийные документы, этот нормативный документ завис, и я думаю, что уже морально устарел, и в таком виде, в каком он был сделан тогда, просто не годится. Его нужно кардинальным образом дорабатывать.

По информации из регионов мы знаем, что там практически не проводится частичное рассекречивание. Это – следствие того, что нет ни нормативного документа, ни комиссии. Если в центре методика рассекречивания уже освоена, тут работают более просвещенные и грамотные люди, которые знают, как это делается на Западе, и делают также здесь, то в областях просто ничего не рассекречивают. Если хоть один документ в деле под сомнением, дело остается на секретном хранении.

Вторая проблема очень серьезная – она, конечно, больше проблема пользователей. Если говорить о частично рассекреченных делах, что узнает пользователь о существовании рассекреченных документов? Речь должна идти только о том, чтобы архивистам были предоставлены средства и силы для того, чтобы в электронной или иной форме произвести подocumentную каталогизацию тех документов, которые были рассекречены в составе остающихся до сих пор секретными дел. Конечно, для этого потребуются значительные трудозатраты.

То есть это тоже проблема, которая продолжает оставаться практически нерешенной на данный момент. Если исследователь на уровне консультаций узнает, что есть такой комплекс, он получит эти документы; а если не узнает, никогда не получит.

На местах мы сталкиваемся еще и с тем, что из-за отсутствия нормативного документа нет единообразия в подходах. И самое главное, что Закон о государственной тайне не предусматривает ответственности за не рассекречивание или за то, что документы продолжают оставаться на секретном хранении даже после экспертизы. В редких случаях продлеваются сроки секретного хранения с указанием конкретного срока; в редчайших случаях. Просто документы не рассекречиваются, комиссия не указывает, почему и насколько она продлевает срок секретности. Я знаю всего несколько примеров, когда была дана четкая аргументация, почему документ не рассекречивается, и указано, что через 5 лет можно пересмотреть это решение и его рассекретить. Вот эти механизмы вообще не работают. И МВК по защите государственной тайны знает об этой проблеме, но не решает ее.

Возникает вопрос еще и о том, может ли каждый гражданин или какая-то организация инициировать рассекречивание. Да, таких примеров достаточно много. И, кстати, депутат Госдумы от Санкт-Петербурга Шелищ обращался к нам по просьбе своих избирателей. Он занимался (не знаю, получила ли благополучное разрешение его идея) тем, что хотел рассекретить документы, связанные с разминированием Балтики после окончания войны. Делалось это для того, чтобы приравнять лиц, которые занимались разминированием, к участникам Великой Отечественной войны, потому что, сами понимаете, они погибали и получали травмы во время разминирования Балтийского побережья. Мы под это дело выявили комплекс документов, и по инициативе вашего депутата все было рассекречено; он получил уже рассекреченные документы. К нам обращался министр в отставке правительства ФРГ Теодор Оберлендер. В свое время он был осужден, и интересовался тем, как КПСС реагировала на этот судебный процесс, поскольку она была причастна к этому процессу. Мы по его просьбе рассекретили документы, и направили их в Германию.

Имеется еще несколько примеров, когда по обращению конкретных лиц рассекречиваются достаточно серьезные секретные документы; и секретными они были в тот момент неслучайно. Но эти документы рассекречиваются по обращению частных лиц.

Много примеров, когда организации инициируют обращения. В основном они подтверждают то, что они являются правопреемниками, выясняют статус предшественников. Таких документов много. Мы выявляем эти документы, направляем в МВК. Процедура не быстрая, не меньше 3 месяцев уходит на эти все согласования, но, тем не менее, результат положительный. Точечное рассекречивание идет, с МВК мы в этом плане работаем, но плановое рассекречивание, как я сказала, приостановлено. Сегодня мы можем рассчитывать только на то, что наше письмо в Администрацию Президента все-таки будет рассмотрено, ситуация будет достаточно изучена. И мы надеемся, что будет возобновлена деятельность этой Центральной комиссии или будет создан какой-то другой орган, который будет иметь полномочия проводить плановое рассекречивание документов ликвидированных организаций, не имеющих правопреемника.

Когда говорят, что архивисты в чем-то виноваты, я всегда возражаю, что архивисты свой путь прошли или проходят, они делают все, что от них зависит. Сейчас эти вопросы уже вне ведения архива, вне нашей компетенции. Они должны решаться на другом уровне. Поэтому, конечно, общественное давление и общественный резонанс в этой части мне представляется крайне важным.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Спасибо большое, Татьяна Федоровна. Да, действительно, это ситуация аналогичная той, когда писали: «В пианиста просим не стрелять: играет, как может». Действительно, архивист работает в тех условиях, в которые он поставлен.

(П е р е р ы в)

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Продолжаем работу. Приглашаю Киселева Игоря Николаевича, – начальника отдела организации научно-исследовательской работы и автоматизированных технологий Росархива, Москва.

И.Н.КИСЕЛЕВ

Тема доклада известна. Я думаю, не стоит объяснять важность научно-справочного аппарата для доступа к архивным документам, потому что если документ не отражен хоть где-то в научно-справочном аппарате, будь то путеводитель, краткий справочник, опись, каталог и т.д., это означает, что документ не существует. Для того, чтобы закрыть документ от пользователя, не нужно его засекречивать, прятать куда-то, нужно просто о нем не упоминать, и тем самым документ будет совершенно надежно спрятан.

Я сейчас не буду говорить обо всей системе научно-справочного аппарата, скажу только лишь об одной из традиционных форм – о справочниках, справочниках типа путеводителя, типа каталога.

У меня здесь собрана статистика издания путеводителей и кратких справочников. Она содержит сведения об отдельных изданиях, но я буду говорить о них суммарно, потому что иногда называются они по-разному.

Прежде всего, нужно сказать, что научно-справочный аппарат, в частности издание справочников, это предмет более или менее постоянной заботы архивных органов и управлений. В этом смысле можно назвать два или даже три важных вехи.

Письмо о единой системе НСА, которое было подготовлено и разослано Главным архивным управлением при Совете Министров СССР в 1965 году.

Решение Коллегии ГАУ о том, что все архивы вплоть до областного уровня, центральные и областные, должны быть обеспечены справочниками типа путеводитель – 1976 год.

Можно также назвать состоявшийся в мае научный совет Росархива, который был посвящен развитию научно-справочного аппарата, и по его решению начали предприниматься некоторые шаги.

О статистике. Если взять суммарно период с 1945 по 1960 год, то за 15 лет было издано всего 17 справочников. В следующей пятилетке, 1961-65 год, наблюдается уже существенный рост – 10 справочников. В период с 1966 по 1970 год – наблюдается некоторое уменьшение – 7 справочников. Затем последовательно начинается увеличение темпов издания.

1971 - 1975		14 справочников.
1976 - 1980	почти столько же	15 справочников.
1981 - 1985	некоторое увеличение	21 справочник.
1986 - 1990	уже определенный скачок	31 справочник.
1990 - 1995	столько же	31 справочник.
И, наконец, в последнюю пятилетку		64 справочника.

При подготовке справочников естественным образом возникают две проблемы. Первая и основная проблема – это финансовая, причем вопрос стоит не о финансировании подготовки справочника о поиске средств на издание. При этом не нужно думать, что как только появились деньги на издание, тут же материалы справочника поступают в типографию. Психология архивиста такова, что если деньги на издание не предвидятся, то, собственно говоря, незачем готовить справочник, зачем трудиться впустую? Тем более что, если, допустим, рукопись готова, а денег все нет и нет, то ее, так или иначе, через несколько лет нужно заново просматривать, дополнять и т.д.

По поводу резкого скачка изданий за последнюю пятилетку – 64 справочника – нужно сказать, что основная доля этих справочников издана не на бюджетные деньги, а, как правило, на средства благотворительных и научных фондов. Среди прочих спонсоров можно назвать Институт «Открытое общество», который по итогам позапрошлого года конкурса выделил средства на подготовку и издание справочников по бывшим партийным архивам, причем преимущество отдавалось региональным архивам. Гранты получили всего 13 архивов, 5 справочников из этой серии уже изданы, остальные находятся в той или иной стадии производства.

Несмотря на эти темпы, не нужно думать, что на сегодняшний день все архивы обеспечены справочниками. Нет справочника по бывшему комплексу особого архива, по РГА КФД, по ЦГИА Санкт-Петербурга и по ЦГА Санкт-Петербурга. ЦГА историко-политических документов (я имею в виду Санкт-Петербурга) наконец-то издал свой справочник, тоже, как раз на деньги Фонда Сороса.

Поскольку благотворительная деятельность фондов продолжается, думается, что здесь есть определенные перспективы. Основная забота, в частности, Росархива – повышение качества справочников, потому что далеко не всегда оно выдерживается на нормальном уровне, особенно в бывших партийных архивах, где совершенно не было соответствующего опыта. Это то, что касается традиционной формы справочников.

Что касается современных средств или электронных форм публикации, то здесь создалась следующая ситуация. Сейчас я буду говорить не только о справочниках как таковых на уровне фонда, но и других уровнях НСА. Архивы начали делать базы данных по различной тематике давно. На сегодняшний день в Информрегистре зарегистрированы 116 баз данных по всей России. Должен заметить, что здесь ситуация примерно такая же, как и со справочниками: в плановом порядке ни один архив до сих пор практически не делал такие базы данных. Обычно это базы данных заказные, часть из них – по линии международного сотрудничества, часть – это гранты. Единственная база данных, которая пока выставлена в Ин-

тернете, вернее, одна из двух, – это новгородская база данных, часть их систематического каталога. Еще три архива сейчас делают базы данных на деньги Института «Открытое общество».

Кроме того, повторяю, это делается в рамках международного сотрудничества, по заказу каких-то зарубежных архивов, или в рамках проектов вроде известного проекта по архиву Коминтерна.

Проблема на сегодняшний день заключается в отсутствии финансирования. Если говорить о НСА, о любом виде архивов – здесь сложность в том, что эти базы практически недоступны. К ним можно обратиться, если пользователь о них знает, и с помощью сотрудников архива ему, возможно, удастся найти какой-нибудь документ. Нормальный доступ в архивы – это, конечно, через читальный зал. На сегодняшний день, по моим сведениям, только один архив во всей России (если брать государственные архивы и их филиалы) из 194 имеет компьютеры в читальном зале. В ближайшее время, надеюсь, ситуация улучшится, но пока дело обстоит именно так.

Я постараюсь говорить кратко, поскольку тема бесконечная, но хотелось бы коснуться многих позиций.

Теперь, что касается другого рода баз данных. Это работа, которая ведется на плановой и постоянной основе. Те базы данных, о которых я говорил, это тематические базы данных: по военнопленным, по истории деревни и т.д.

С 1997 года практически все российские архивы, за исключением, может быть, одного ведут общеотраслевую, унифицированную базу данных. В ней предусмотрено очень детальное описание на уровне фонда. На сегодняшний день фактически это часть трехзвенной цепи, то есть архивный фонд – это база данных, которая ведется в 212 архивах; к слову сказать, и в муниципальных архивах тоже. На уровне региона существует фондовый каталог, тоже база данных, куда стекаются все сведения из регионов, и в Росархиве экспериментальная, но действующая версия автоматизированного центрального фондового каталога. Дело в том, что карточный фондовый каталог, этот колосс, уже погребен под собственной тяжестью, там практически ничего нельзя найти, ибо к нему не существует указателей, а карточки расположены по номерам фондов. Правда, если знать номер фонда, то можно найти описание. А номер фонда должен быть не отправной, а конечной точкой поиска, результатом поиска. Поэтому Центральный фондовый каталог может быть реанимирован только в автоматизированном режиме. Сейчас в автоматизированном ЦФК уже есть описание 136 тысяч фондов. Это, конечно, пока немного, но нужно учесть, что ведется эта работа недавно; и не хватает компьютеров. В 22 регионах архивы вообще не имеют ни одного компьютера, хотя, повторяю, ситуация должна в ближайшее время резко улучшиться. Но постепенно, я думаю, эти ресурсы будут накапливаться. Хотелось бы отметить еще одну особенность этой программы «Архивный фонд». Там предусмотрен ввод всех элементов, которые нужны для путеводителя, то есть всех документов описательных статей путеводителя. Простым нажатием кнопки программа автоматически формирует исходный текст путеводителя, который можно после этого взять в Word'e, отшлифовать то, что нужно, вставить туда введение, и макет путеводителя готов. Должен заметить, что также автоматически там формируются три вида указателей к путеводителю – предметный, именной и биографический. Мне кажется, что по мере того, как архивы будут полностью заполнять эту базу данных, сама технология и факт подготовки путеводителя примет совсем другой вид. Раньше объявлялась кампания, которая длилась несколько лет, в ней была задействована группа людей и т.д. Здесь вы можете, если у вас все заполнено, в любой момент сформировать в течение 20 секунд исходный текст путеводителя. Важно просто регулярно вести обновление и корректировку введенных данных. Мне кажется, пока мы делаем в этом направлении только первый робкий шаг, но в будущем технология подготовка путеводителей должна измениться.

Должен заметить, что первый путеводитель по программе «Архивный фонд» уже подготовлен и издан, это путеводитель по ЦГА ИПД Санкт-Петербурга. Они использовали эту программу для автоматического формирования текста путеводителя.

Что касается компакт-дисков, фактически уже существует опыт записи базы данных на компакт-диске. Пример подал Российский Государственный архив литературы и искусства. На мой взгляд, правда, не слишком удачный пример. Он технологически сделан не очень хорошо, и возможности поиска там достаточно бедны; текстовый потенциал там намного больше, но не все его возможности реализованы при записи на этот диск. Кроме того, он очень дорог в изготовлении, и практически не расходуется. Я думаю, что на самом деле компакт-диски не получают серьезного распространения, прежде всего, потому что появился Интернет.

Если говорить о перспективах, то, безусловно, ближайшая и основная перспектива – это Интернет. Базы данных и в Интернете по сравнению с изданием их в традиционной форме или на дисках имеют одно очевидное преимущество. Дело в том, что издания устаревают сразу же после того, как появились малейшие изменения в составе и содержании фондов. Затем эти изменения накапливаются, делаются некоторые дополнения, после чего происходит переиздание или формирование нового справочника. Если брать базы данных, представленных либо в читальном зале, либо в Интернете, вы каждый раз сталкиваетесь с той ситуацией, которая создается здесь на сегодняшний день.

Если говорить об использовании Интернета, России в этом плане отстает от других стран по совершенно очевидным причинам, прежде всего потому, что у нас мало компьютеров, намного слабее развита инфраструктура, нет нажима со стороны пользователей, нет подпитки со стороны государства и т.д. Это, что называется, общие причины. Но существуют еще две причины, по которым сейчас в России, в отличие от Запада, практически нет научно-справочного аппарата в Интернете. Первая причина обусловлена тем, что ресурсы в электронной форме нужно накапливать, а для этого требуется определенное время, чтобы сотни или тысячи людей сидели и последовательно накапливали эти ресурсы. Что касается научно-справочного аппарата, то он требует ручного ввода. Это не то, что взял, отсканировал документ, тут же запустил, и сразу получилось что-то вроде библиотеки Машкова, которая обладает колоссальными ресурсами отсканированных книжек. Здесь – ручной ввод данных, который производится малочисленными, слабо оплачиваемыми, мало квалифицированными во всех отношениях архивистами.

Кроме того, к работе в Интернете нужно привыкнуть, сначала научиться пользоваться им, потом научиться создавать сайт и т.д. Я вчера в Москве имел разговор с одним архивным работником из Санкт-Петербурга. Естественно, по информационным технологиям. Когда я спросил, как у них обстоят дела с использованием Интернета, она сказала, что Интернета у них нет, есть только электронная почта. Я подвел ее к компьютеру и сказал: «Вот я сейчас вышел на линию, эта программа – электронная почта, а если бы вы нажали на другую кнопку, это был бы выход в Интернет». Для нее это был большим открытием: если есть электронная почта, то есть и выход в Интернет.

И еще на одном вопросе, наверное, стоит остановиться. К Интернету, к выставлению ресурсов в Интернет нужно просто-напросто привыкнуть. Дело в том, что нет пока такой привычки, есть просто непонятное опасение. Я, разговаривая с архивистами, задавал вопрос, почему бы им ни выставить в Интернет ту или иную информацию. Какого-то аргументированного и ясного ответа, почему они не хотят выставить что-то в Интернет, я не получил ни разу. На днях я разговаривал с директором одного федерального архива и предложил ему дать что-нибудь из их НСА, чтобы выставить в Интернете, поскольку Российский архив с помощью группы специалистов делает общероссийский архивный сайт. Директор мялся, мялся: «Может быть, выставить наш путеводитель? Да нет, пожалуй, не будем. А вот у нас есть справочник по такой-то группе фондов, вот это, наверное, можно». Вот такие опасения, что кто-то возьмет, скопирует, растиражирует. Сейчас эти опасения практически уже бес-

почвенны. В июне состоялся судебный процесс, на котором человек, скопировавший текст, выставленный на сайте в Интернете, и опубликовавший книгу, куда значительными фрагментами вошел этот текст, был признан виновным. И это, я считаю, нормально.

Иногда говорят, что если какой-нибудь текст выставить в Интернет, тогда не будут покупать книжки. Мне кажется, это неверно. Дело в том, что если взять Интернет и базу данных (будем считать это одним и тем же), компакт-диск и книгу, то они вполне могут сосуществовать и, мне кажется, будут сосуществовать достаточно долгое время. У них просто разная читательская аудитория. Кому-то удобнее работать с книгой, кому-то нет, а кому-то не нужно покупать весь путеводитель, ему достаточно заглянуть в Интернет, быстренько пролистать странички, узнать, какая информация, интересующая его, там есть, а какой – нет, и пойти дальше. Кроме того, если иметь в виду, что интернет-сайт – это то средство, которое привлекает пользователей в архив, потому что потом они начинают копировать, делать какие-то заказы, то есть, дают возможность архиву заработать деньги, то Интернет на сегодняшний день – это очень мощное средство. Особенно для иностранцев, которые не поедут за границу специально изучать путеводители.

Это основное, что я хотел сказать по техническому развитию научно-справочного аппарата. Хочу еще раз повторить, что, безусловно, наиболее перспективным, в этом плане, остается Интернет. Что касается основного сдерживающего фактора, могу сказать следующее. Сейчас трудно в это поверить, но 6-7 лет назад шли очень жаркие споры вообще о возможности и необходимости применения информационных компьютерных технологий в архивном деле. Сейчас это представляется просто нонсенсом, хотя прошло совсем немного времени. Я опубликовал тогда статью, где, в частности, писал, что основным сдерживающим фактором для архивистов остается все-таки психологический. Когда компьютер все прочнее будет входить в быт, даже мысль о таких дискуссиях приходить в голову не будет. Мне кажется, сейчас в отношении к Интернету идет период просто психологического вживания, психологического привыкания, и я думаю, что он в самом скором времени закончится.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Большое спасибо, Игорь Николаевич.

Пожалуйста, Горяева Татьяна Михайловна, заместитель директора Российского государственного архива литературы и искусства, Москва.

Т.М.ГОРЯЕВА

Я постараюсь предельно облегчить информацию, тем более что она носит такой, я бы сказала, культурологический аспект.

Прежде всего, мне хотелось бы поблагодарить коллег из Санкт-Петербурга за такое традиционно пристальное внимание к проблеме доступа к научной информации, в частности к архивной информации. Я была участником первой конференции, которая прошла в сентябре 1991 года, и многих других конференций по истории советской политической цензуры и цензуры в России, и очень признательная за ваше приглашение на этот важный семинар.

Хочу отметить, что те опасения, которые были у меня перед поездкой, не оправдались, потому что здесь идет такой свободный разговор, и нет таких четких акцентов чиновники - общественность, где позиции смыкаются, потому что я могу поддержать Андрея Валерьяновича, который сказал, что он был в разных ипостасях. Могу сказать буквально то же самое обо всех членах нашей московской делегации, потому что Владимир Петрович – ученый, исследователь, мне тоже удалось побывать в разных ипостасях – и сотрудником ВНИИДАД, и преподавателем Историко-архивного института, а теперь уже и архивистом. Поэтому я с полным основанием могу сказать, что имею право отразить несколько аспектов архивного мира, понятие которого имеет всеобъемлющий характер и включает как профессиональную среду, так и непрофессиональную.

Тут говорили о таких процессах, как глобализация, информатизация, которые происходят в архивном мире, но могу отметить, что столь же характерны для него стереотипы идеологизации всех процессов, которые происходят в нем. Это, прежде всего, характерно и для российской культуры, и для российской, безусловно, ментальности. И если характеризовать массовое сознание, то за последние 15 лет мы перешли от индифферентности, даже равнодушия (характерным для массового сознания в отношении к нашим профессиональным проблемам при советской власти), к агрессивности, наступательности и предельно острому общественному отношению к нашим проблемам. Обвинения в наш адрес характеризовались такими высказываниями: «история – это не наука», «все вы служите власти», «архивы – карман государства» и, наконец, таким совершенно парадоксальным, как «ваша правда нам не нужна».

Не вдаваясь в механизмы выработки таких определенных позиций, скажу, тем не менее, что налицо явная неудовлетворенность общества по отношению к своей «социальной памяти», а именно архивам.

С другой стороны, историки, которые в свое время не очень жаловали архивы и обходились, работая над своими диссертациями, без нас (как мы говорили, не зная разницы между архивом и музеем, не зная вообще, как выглядит архивная полка), после определенных перемен под воздействием «ветра конъюнктуры» ринулись в архивы. И оказались совершенно не приспособлены к работе в архивных учреждениях. Они, безусловно, тоже сетуют на плохое обслуживание, как они выражаются. Под этим, естественно, имеются в виду реальные негативные стороны – запутанность системы хранения документов, необоснованность засекречивания, плохая техническая оснащенность, высокие цены на копирование, недоброжелательность архивистов, наконец.

Однако возникшие в запале научных конференций и газетных публикаций стереотипы и штампы, вызывают даже у завзятых борцов за открытие архивов справедливую реакцию профессионального патриотизма. Конечно, можно допустить, что рядовой гражданин, впервые вошедший в приемную архива, имеет право не знать своих прав и возможностей, но историк, который не смог «удовлетворить своих информационных потребностей», не может вызвать даже сожаления. Он похож на шахтера, не сумевшего добыть уголь, журналиста, не получившего сенсационную информацию. Это признак, по которому можно отличить профессионала от дилетанта. В качестве мощного аргумента в пользу возникшей у меня, и не только у меня, реакции служит то, как быстро адаптировались в местных условиях иностранные исследователи, которые прекрасно вникли во все тонкости архивного хранения и архивных изысканий. Вот поэтому мне и хочется как можно более откровенно поговорить о нашей склонности к мифотворчеству, и о неистребимом желании оправдать наши вечные «лень и не любопытство» некими объективными причинами. Я сознательно обострю некоторые проблемы, которые, кстати сказать, прозвучали уже сегодня. Может быть, я их немножко аккумулирую.

Итак, миф первый. Архивы – «государство в государстве».

Этот миф отчасти существует как реальность, прежде всего потому, что архивы действительно – часть государства и не принадлежат только исторической науке. Одной из функций архивов является обеспечение базой источников научные исследования, в том числе и гуманитарные.

Заблуждение состоит, главным образом, в том, что недоступность и отчужденность архивов от общества и его граждан является достижением советского политического строя. Не умаляя его «достижений» в этой области, справедливости ради следует напомнить, о чем здесь говорил Андрей Валерьянович. Я не буду углубляться, он уже сказал, что традиции закрытости архивов уходят далеко в XIX век. Только со второй половины XIX века архивы стали функционировать как полноценные научно-исследовательские центры, и за их доступность, как и в наши дни, боролись сторонники демократических преобразований, буржуазных реформ 1860-70-х годов. Надо сказать, что по правилам 1863 года ученые могли допус-

каться в Государственный архив МИД, один из самых закрытых архивов, только с разрешения царя или вице-канцлера. Я не буду останавливаться на том, как Пушкин получал доступ к работе с архивными документами кабинета Петра. И надо сказать, что именно это обстоятельство, а также стремление упорядочить архивное дело на пользу исторической науке, подвигало многих историков идти на службу в архив. Однако даже известнейшему архивному деятелю Н.В.Калачову, управляющему Московским архивом Министерства юстиции, несмотря на то, что он являлся сотрудником государственной службы, чтобы работать в Московском дворцовом архиве над материалами XVIII века, потребовалась санкция самого Государя Императора.

Поэтому можно сказать, что Декрет 1918 года «О реорганизации архивного дела в РСФСР» явился воплощением вековой мечты о принадлежности архивов государству, а значит и доступности всем его гражданам. Однако, как и всем советским декретам и постановлениям, ему суждено было перейти в разряд литературных произведений романтического жанра. И вся последующая история архивов двигалась уже в обратном направлении. Думаю, не надо говорить о периоде засекречивания архивов, которое завершилось в 1938 году, поэтому понятно, что первые путеводители вышли в свет только после окончания войны.

Парадоксом советской системы явилось то, что даже в самый разгар периода застоя сначала на теоретическом, затем на практическом уровне, возникла идея создания автоматизированной системы научно-технической информации по документам Государственного Архивного Фонда (ГАФ) СССР. Поразительно, но когда эта система была введена, вся глобальная база данных по всем архивным фондам тогдашнего СССР при введении в эксплуатацию не сработала на политическую систему, которая тогда существовала. И документы, которые имели ограниченный, и даже секретный доступ, поступали в качестве ответов на посланные запросы. В частности, я помню, что на один из запросов вышли документы, посвященные деятельности Колчака, но как географического исследователя. Архивное руководство, на тот период, вложив колоссальные материальные, физические затраты, испугалось, и сделало систему закрытой – для совершенствования управления архивной службой. Поэтому эту систему, как памятник, можно образно сравнить только с министерством мясной и молочной промышленности из известной миниатюры, которое «само производит, и само же потребляет».

Но надо сказать, что в недрах самой системы все-таки вызревали такие идеи, которые в дальнейшем дали мощный импульс для революционных преобразований в архивном мире в конце 80-х – начале 90-х годов, определяемых сегодня (я думаю, что это вполне объективно), как «архивный бум» и «архивная реформа».

Миф второй. «В архивах ничего нельзя найти, а то, что надо, не выдают».

Это тоже устоявшееся мнение, которое также имеет под собой объективную реальность. Прежде всего, как я уже говорила, это невероятная сложность классификации системы хранения, разобщенность всего архивного фонда, его деление на две составные части – партийный и государственный, то есть нарушение логических и исторических связей документальных комплексов, нарушение принципа неделимости архивного фонда. Тот, кто когда-нибудь занимался поиском архивных документов, знает, что это такое, когда документы разобщены не только в разных фондах, но и в разных архивохранилищах, то есть идет разрыв целостных документальных комплексов и т.д.

Что можно противопоставить этим объективным реальностям? Прежде всего, специально выработанную методику разыскания необходимых для раскрытия темы материалов, основанную на знании системы классификации, на знании истории государственных учреждений. С гордостью могу сказать, что, конечно, школа Историко-архивного института полностью вооружает специалиста всем комплексом необходимых сведений и знаний в этой области. Могу сказать, что такая практика, такой опыт требуют, на мой взгляд, специальной популяризации, может быть создания курсов для выпускников других университетов, для зарубежных исследователей и т.д.

Но, понимая все трудности поиска, я все-таки воспою вместе со многими и романтизм этого поиска. Драматургия поиска, по убеждению самого удачливого «архивного рудокопа» Ираклия Луарсабовича Андроникова, только умножала усилия и придавала нудному тотальному просмотру в резиновом напалечнике сотен тысяч дел, свойства детективного расследования. В конце концов, как говорил тот же Андроников, сам путь поиска бывает гораздо интереснее, чем его результат. Это определенный «наркотик», та «доза» для исследователя, которая просто необходима для драматургии исторического разыскания. Поэтому не будем драматизировать те сложности, которые нам дает эта реальная картина. Потому что на самом деле многие чисто механические механизмы основаны на преодолении трудностей.

В этой связи – несколько слов относительно методики, хотя тут можно было бы говорить об этом достаточно много. И вновь я воспою парадоксальную ситуацию, связанную с бюрократизацией государственного аппарата и созданием того документооборота, который вызывал огромное количество дублетных материалов в различных архивных фондах различных архивохранилищ.

Вот, говорят, что «рукописи не горят». Они горят, и мы прекрасно знаем, что очень хорошо. И, тем не менее, вот эта система дублирования параллельного хранения, и засекречивания документов сохранила для нас, исследователей (я понимаю, что я сейчас вызову массу возмущенных голосов), для наших потомков ту документную информацию, которая могла бы быть утраченной в результате целевых комплексных экспертиз, тотального выявления, скажем, партийных архивов и т.д.

В качестве примера могу сказать, что, не будучи членом партии, я не имела доступа к партийным архивам, но в 70-80-е годы прекрасно выявляла необходимые мне резолюции, просто зная по составу документов и решения Политбюро, которые хранились, допустим, в Фонде Наркомпроса. Они просто туда попадали циркулярно и были открыты для всех.

Могу сказать, что на этом и построены какие-то возможности. В качестве совета: да, может быть, в каком-то архиве эти материалы не доступны. Я была поражена, когда, пришла в Центральный архив ФСБ, и мне было отказано в выдаче документов, которые за два года до этого мы опубликовали по копиям, хранящимся в ГАРФ. Можете себе представить растерянность специалистов Центрального архива ФСБ, которые увидели документы, которые имеют, как они считали, невероятно секретное значение, уже опубликованными в сборниках документов.

В частности, опыт мой как руководителя авторского коллектива по созданию сборника документов по истории советской политической цензуры тоже свидетельствовал о том, что мы в течение полугода, даже года задерживали издание и ждали разрешения попасть в Архив Президента Российской Федерации, где я, можно сказать, с невероятным придыханием ожидала каких-то невероятных откровений. И что же я обнаружила? Да, действительно, документы очень интересные. Но здесь я полностью согласна с мнением известного историка О.В.Хлевнюка, автора монографии о деятельности Политбюро, многие годы работавшего с документами РГАСПИ, но которому так и не дали разрешения работать с фондами Политбюро и фондом Сталина. Он пишет в предисловии к своему труду, что для плодотворно работающего историка наступает такой момент, когда новый документ – это только лишнее подтверждение уже сформировавшейся картины. Со своей стороны могу добавить, что ради этой уверенности, может быть, стоит обивать пороги чиновников, добиваться доступа к архивам, но вместе с тем не останавливаться и не ждать, а продолжать работу с доступными источниками по специальной вышеуказанной методике. Опыт показывает, что такая многотрудная многоэтапная работа дает прекрасный эффект. Вот здесь я могу немножечко защитить архивистов, потому что проблема доступа к архивной информации имеет как бы две стороны. Первая касается организации доступа и собственно работы архивных органов, архивного законодательства. Но есть и вторая сторона – это введение в научный оборот архивной информации.

Давайте вспомним, с чем мы за последнее время столкнулись. Волна компромата, желтая пресса, некорректное использование так называемой персональной информации. И здесь мы можем понять обеспокоенность архивистов, потому что если первая категория вопросов все-таки относится к проблемам законодательства, и здесь в наших силах что-либо изменить, то вторая категория – это уже проблема нравственности и культуры, процесс, повлиять на который мы сразу не можем. Это будет происходить поэтапно, постепенно, когда мы созреем для решения этих вопросов.

И миф третий (трудно формулируемый). Архивисты – особые люди.

Если архивы – это часть государства, то нельзя забывать, что государство – это тупая машина, которая работает по своим законам и с которой диалог невозможен. Архивист, безусловно, принадлежит этой машине, но он живой, с ним можно договориться, убедить, сделать своим союзником, соавтором, то есть с ним можно вести диалог. Вообще это особая тема, которая, к сожалению, мало занимает людей пишущих и обсуждающих архивную тематику. А зря. Социально-психологический портрет российских архивистов требует специального рассмотрения. Надо сказать, что советский строй сформировал крайне непривлекательный образ архивиста: я бы сказала, такого второсортного неудачника-архивариуса. Цель государства была одна – поместить архивы на самую периферию общества, сделав их одним из «архипелагов» тоталитарной власти.

Я могла бы привести примеры заработной платы архивиста в 20-х годах. Ее хватало, чтобы только не умереть с голода. В губернских архивах зарплата составляла 32-50 рублей; в уездных – 22 рубля, в Москве – 98 рублей. Для сравнения, в Госплане в 20-е годы – 190 рублей, в Наркомпросе – 200 рублей, в ВСНХ – 209. Это позорное и уничижительное отношение государства к памяти и к людям, ее оберегающим, воспринималось бы обыденно, если бы не понимание причин в определении шкалы государственных приоритетов. Власть сознательно и планомерно превратила архивы (и архивистов) в самую непривлекательную сферу деятельности, некую «свалку истории», полностью подчиненную и контролируемую государством.

Помню, как «на заре» перестройки, когда рухнул «железный занавес», у нас во ВНИИДАДе была организована одна из первых встреч с зарубежными – американскими – коллегами. Было интересно услышать очень тонкое наблюдение наших коллег относительно советских архивистов. Низкое социальное положение с одной стороны, высокий интеллектуальный уровень – с другой создают трагическое противоречие, когда человек, ежедневно и непосредственно общающийся с раритетами, обладающий энциклопедическими знаниями, де-факто сам превращается в своего рода раритет. И вместо того, чтобы осуществлять свои прямые функции – обеспечение документами исследователей, он компенсирует социальную ущербность за счет того, что свою служебную деятельность превращает в собственные научные исследования, нарушая при этом основной профессиональный этический канон. Но винить за это архивистов столь же несправедливо, как и не замечать это. Определенную лепту в это внес и продолжает вносить Историко-архивный институт РГГУ, единственное специализированное учебное заведение, идеологией которого является все тот же заложенный синтез историка и архивиста – некий комплекс неполноценности, компенсирующийся в дальнейшем преимуществами доступа к любым «архивным сокровищам». Мы не сможем изменить эту ненормальную ситуацию, если не сломаем сложившуюся систему. В настоящее время пресловутый «остаточный принцип» также не способствует позитивным изменениям в архивном мире.

Между тем, создававшаяся ситуация – это, в принципе, огромная, имеющая исторические корни дискуссия между тем же Калачовым и Самоквасовым: делать ли инвентарные описи или делать их гораздо более прогрессивными в качестве научных публикаций. Но, несмотря на очень суровые предписания Самоквасова, который в конце XIX века запретил архивистам помимо сугубо архивных обязанностей заниматься любой иной деятельностью, русские архивисты никогда не теряли своей самобытности.

И в завершение мне хотелось бы только порекомендовать исследователям и многочисленным посетителям архивов быть внимательнее, тоньше и прозорливее. Приступая к работе, оставьте личные амбиции и желание стать первооткрывателем. Думаю, что я не выдам никакого секрета, если скажу, что только совместная работа с архивистами на коллегиальных началах даст вам возможность овладеть бесценным опытом профессионалов. Можно подготовить статью, написать диссертацию, имеющую локальное значение, но современные фундаментальные исследования невозможно проводить индивидуальным способом. Архивисты, обладающие, кроме своих специальных знаний, и историческим образованием, могут стать полноценными соавторами, вашими наставниками и друзьями. Современные исследования создают наиболее благоприятные условия, решая многие проблемы архивной эвристики, организационные сложности в рамках профессиональной этики.

Надо сказать, что, несмотря на признание Россией норм международного этического кодекса архивистов, мы, тем не менее, должны учитывать, что находимся только в начале этого пути. И идти по нему лучше вместе, чем врозь, восстанавливая престиж отечественной науки и оберегая лучшие традиции русской исторической школы, не путаясь в оковах старых мифов и не создавая себе новые.

Какие же, на мой взгляд, существуют возможности преодоления этой мифологии? Они уже были здесь высказаны.

Первое – межархивные систематизированные проекты, которые дают возможность преодолеть проблемы, связанные с разобщенностью архивных материалов. Это, безусловно, главное.

И второе – на их базе создание баз данных, то, о чем говорил Игорь Николаевич, поскольку такие базы данных, на мой взгляд, во многом решат поисковые системы и дадут большой эффект для качественного роста исторических исследований.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Большое спасибо, Татьяна Михайловна.

Я приглашаю к микрофону Блюма Арлена Викторовича, доктора философских наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

А.В.БЛЮМ

Уважаемый председатель!

Дамы и господа!

Прошу прощение за то, что я нарушу благостное течение нашей конференции, но надо иметь в виду, что собрались мы под эгидой «Гражданского контроля», общественной правозащитной организации, и в силу этого мы должны говорить о том, насколько обеспечены права исследователей, фундаментальные права доступа их к информации.

Я должен сразу же назвать вещи своими именами: мы присутствуем при очень тягучем, медленном, но неуклонном процессе реставрации самых худших порядков, которые когда-либо существовали в нашей стране. Попытаюсь доказать это сейчас на основе своего личного опыта, на основе тех данных, которыми я располагаю. Я занимаюсь историей советской цензуры, написал несколько книг, много работал в различных архивах. Конечно, далеко не все архивы подпадают под ту категорию, о которой я буду говорить. И это лишний раз иллюстрирует, что у нас в стране играют роль не столько законы, какие-то законодательные акты, сколько «усмотрения». Я имею в виду, что от воли архивиста, то есть человека, который должен просто предоставлять информацию, зависит буквально все – от начала и до конца.

Говоря об истории советской цензуры, я должен сказать, что еще один из виднейших писателей и публицистов первой волны русской эмиграции Роман Гуль в статье «Писатель и цензура в СССР», опубликованной впервые в 1938 году в парижском журнале «Современные записки», писал: «Немыслимо перечислить всех писателей, уничтоженных диктатурой. Об

этом надо написать книгу, но только тогда, когда вскроются все архивы КГБ, отдела пропаганды, Главлита. Это будет одна из самых страшных книг». Такая книга может быть написана только, конечно же, при условии доступа историков и филологов к упомянутым различным архивам.

Но, несмотря на то, что со времени кончины Главлита в 1991 году прошло уже почти 10 лет, эти документы по разным причинам рассекречены очень плохо, недостаточно, и доступ к ним весьма затруднен. Цензуры нет, цензура в нашей стране отменена по Конституции 1993 года, но цензура архивных работников остается в полной силе. Главная причина этого не только в тотальной засекреченности некоторых архивов цензуры, лишь в последнее время приоткрывающих свои тайны. Еще более страшно и непоправимо то, что подавляющее большинство цензурных документов было заблаговременно уничтожено самим Главлитом. Вот несколько примеров.

Фонд самого Главлита хранится в Государственном архиве Российской Федерации, но его документы датируются, начиная с 1938 года, хотя он сам возник в 1922. По официальной справке, которую дают архивисты, документы Главлита за предшествующие шестнадцать лет безвозвратно утеряны. Поверить в это невозможно. Это десятки, сотни тысяч дел, это совершенно невероятный по размаху, по размеру архив, который, оказывается, бесследно исчез.

Один из высокопоставленных чиновников в 1990 году заявил, что открытие архивов Главлита: «будет большим ударом для историков, которые говорят об ужасной деятельности Главлита. Цензура не загубила ни одного по-настоящему талантливого произведения».

По-видимому, для того, чтобы лишить историков и филологов последних иллюзий, чтобы нанести им наиболее ощутимый удар, Главлит тогда же приказал подвергнуть уничтожению наиболее опасные документы. В том же 1990 году было разослано на места секретное распоряжение об архивах Главлита, которое предписывало: «Дела с перепиской с партийными органами республики исключить из описи дел постоянного хранения, установив временный срок не более 3 лет, и предоставить право руководителям местных органов уничтожать эти дела по своему усмотрению». Тогда же, когда был принят первый, союзный еще Закон о печати, всем начальникам цензурных управлений был разослан еще более впечатляющий циркуляр: «Часть пересмотренных дел будет предложена государственным архивам к уничтожению, так как документы эти утратили практическое значение и, по заключению комиссии, не имеют научной и исторической ценности». К ним относились копии приказов Главлита, сводки «купюр», переписка с местными органами по вопросам цензуры, докладные записки, справки по проверке деятельности центров и ряд других очень ценных документов. Замечу, что перечислены как раз те документы, которые представляют особый интерес для историка, особенно сводки вычерков и запрещений, «купюр» на цензорском жаргоне.

В 1990 году последний (надеюсь, что действительно последний), начальник ленинградской цензуры, – Царев обратился в Обком партии с просьбой «рассмотреть целесообразность хранения документов с грифом «секретно» и «ДСП», а также перечня Главлита СССР издания 1987 года, дополняющего приказы, которые утратили силу и подлежат уничтожению». Партийное благословение, конечно, было получено, и в так называемом «ликвидационном деле» Ленгорлита, когда в 1991 году органы цензуры были распущены, сохранились утвержденные отборочные списки и акты на уничтожение этих, совершенно бесценных для историков и филологов, документов.

Тем не менее, благодаря такой счастливой способности документов (о чем говорила Татьяна Михайловна), откладываться в иных, не имеющих порою, казалось бы, непосредственного отношения к цензурному ведомству, архивных комплексах, в последние годы все-таки удалось издать ряд очень серьезных документальных сборников, подготовленных, в основном, московскими исследователями и вашим покорным слугой. Например, три таких сборника документов бывшего Центрального партийного архива были составлены Денисом

Львовичем Бабиченко, еще вышел фундаментальный том «История советской политической цензуры», подготовленный группой под руководством Татьяны Михайловны Горяевой.

Однако большую часть этих сборников составляют не документы собственно Главлита, а те партийные документы, которые получены из фондов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), потом КПСС, документы же о практической работе цензоров, занятых искоренением любого проявления инакомыслия и нонконформизма, в последнее время снова подвергнуты тотальному запрету.

Приведу некоторые наблюдения, почерпнутые из собственного опыта. Мне удалось в начале 90-х годов проникнуть в фонды бывшего Ленинградского партийного архива, теперь он называется по-другому – Центральный государственный архив историко-политических документов. И тогда, в 1992–93 годах, я с большим успехом и большой пользой для задуманных мною работ занимался в этом архиве. Причем тогда, я думаю, на волне такого послепутчевого (августа 1991 года) синдрома, архивные власти, не зная, куда дальше подует ветер, чем это дело может кончиться, и, на всякий случай открыли завесу над многими документами. И документы, по крайней мере, 30-х годов, были доступны исследователям совершенно свободно, из фонда, скажем, особого сектора Обкома и т.д.

Упоминалась в докладах и работа по составлению справочников, путеводителей по архивам. Вот вам пример. В этом году вышел солидный справочник-путеводитель по Центральному государственному архиву историко-политических документов – тому самому, бывшему Ленинградскому партийному архиву (в нем раскрыты фонды), Вышел он под двумя солидными грифами: Федеральной архивной службы России и Института «Открытое общество». Кстати, очень интересное наблюдение. Экземпляр справочника, хранящийся в читальном зале этого архива, украшен огромным чернильным штампом: «Не подлежит размножению». Прочитайте одной строкой это сочетание: «Открытое общество» – «Не подлежит размножению». Это уже выглядело весьма многообещающе, и, как показали моя практика и мой опыт, самые худшие подозрения оправдались очень быстро, просто мгновенно.

Составители справочника с чувством понятной гордости пишут в предисловии о том, что «...с 1992 года Архив проводит рассекречивание своих документов, для чего создана комиссия. За прошедший период переведено на открытое хранение более 107 тысяч единиц хранения из фондов партийных организаций за 1943-1968 годы, в том числе документы с грифом «особая папка»....» Далее, раскрывая содержание фондов, указывают на существование описи «особой папки» вплоть до 1966 года. Обратите внимание на эту дату. Исходя из собственного опыта, я сейчас могу, с абсолютной уверенностью, поклясться чем угодно: на самом деле за последние 7-8 лет произошло вовсе не рассекречивание документов, а обратное явление – засекречивание тех документов, которые 7-8 лет назад, именно за это, указанное составителем время, были абсолютно доступны всем исследователям. Тогда, повторяю, я с большой пользой работал с документами в этом архиве для подготовки нескольких своих книг, статей и т.д. И вот, в марте этого года, воодушевленный такого рода информацией, почерпнутой из справочника-путеводителя, я снова обратился в этот архив. Однако мне не только не выдали ни одного дела с 1943 по 1968 год, хотя они указаны в путеводителе как существующие, мне даже не представили описи этого фонда, потому что все эти дела, оказывается, засекречены. То есть на практике – полное противоречие с тем, что утверждается в путеводителе по этому архиву.

И вот это меня поразило больше всего. Те документы, которые я собственными глазами видел и делал из них многочисленные выписки 7-8 лет назад, мне просто не выдали, или выдали с такими анекдотическими заклеяками текста, завязыванием листов, что это просто не поддается воображению. Дело в том, что с архивом произошел какой-то очень неприятный анекдотичный случай. Если бы я не видел этих документов, я бы мог подозревать, что, действительно, там Бог весть что содержится: к примеру, сведения, которые грозят разрушением нашему дорогому государству. Однако ничего подобного там нет. Мои выписки многолетней давности об этом совершенно неопровержимо свидетельствуют. Мои многочислен-

ные беседы с директором архива и сотрудникам не дали никакого результата. Я пробовал – впервые в жизни, понимая бессмысленность этого занятия, обжаловать действия архивистов в Архивное управление Петербурга, и вот какой интересный ответ я получил. По словам начальника Архивного управления Пономарева, основной причиной отказа в выдаче явилось не наличие государственной тайны, а персонифицированные конфиденциальные сведения, доступ к которым ограничен на 75 лет. Кроме того (что тоже очень любопытно) он сообщил, что многие дела мною были затребованы не по теме моего исследования. Вы знаете, я ставлю двойки студентам, которые, работая над курсовой или дипломной работой, читают литературу только по теме. Чем шире диапазон, чем далее они заглядывают в какие-то смежные, родственные области, тем серьезнее работа. Не по теме исследования... Могу без ложной скромности сказать, что, кроме меня и присутствующей здесь Татьяны Михайловны, одного человека в Екатеринбурге и одного в Нижнем Новгороде, пожалуй, трудно найти людей, которые бы больше разбирались в этой теме. Значит кто-то там, внутри, в каких-то хранилищах, решает, что этот документ нельзя человеку выдать, потому что он заглядывает туда, куда не положено; и этот «кто-то» за меня решает, что мне читать: по теме или не по теме. Какое ему дело? Его задача – выдать дело, документ по моей заявке. Я сам пойму, что это не по теме, что это меня не интересует, и, просмотрев его, верну. Но я должен убедиться, что там нет сведений, которые представляют для меня интерес. Кстати, в ответе дана очень любопытная формулировка: «Вам в порядке исключения будет дана возможность ознакомиться с делами Ленгорлита до 1970 года». То есть до срока засекречивания сведений. Надо сказать, что его распоряжение никакого впечатления на сотрудников архива не произвело, ни одного документа из тех, которые меня интересовали, а именно отчеты Ленгорлита, ежемесячно посылавшиеся в Обком партии, я так и не получил.

Сегодня уже много говорили об этом сакраментальном сроке – 75 лет. Что это такое, почему именно 75 лет? Здесь отсутствует сейчас Никита Охотин, это его вычисления, не мои, но вот к каким выводам он пришел. Элементарный арифметический подсчет показывает, что выбран этот срок не случайно. Сначала он был выбран в конце 80-х – начале 90-х годов: вычитаем 75 – получаем 1917 год. Интересно, что впервые эта норма появилась в 1940 году, была ограничена 25 годами, то есть тоже приблизительно близко к революции. В 1959 году она была продлена до 50 лет, что, как вы понимаете, тоже близко к 1917-му году. Сквозь все эти цифры просматривался срок жизни советской власти на тот период времени, никакими другими причинами появление этой даты объяснить невозможно. Таким образом, если бы, не дай Бог, режим протянул еще лет 10, то сейчас, как вы догадываетесь, этот срок исчислялся бы не 75, а 85 годами. Эти выкладки, по-моему, абсолютно неопровержимо свидетельствуют о том, что и законодатели и исполнители чувствуют себя законными наследниками и, как можно догадываться, защитниками прежнего режима.

Так что же именно содержится во вновь засекреченных документах, засекреченных по второму кругу? Я бы мог вас долго потешать совершенно анекдотическими историями, приводя выписки из дел, которые ныне засекречены, но ограничусь только двумя примерами.

Например, выдали мне дело 1946 года, в нем содержится докладная записка начальника Леноблгорлита в Обком партии. Он подробно рассказывает о «подвигах» своего ведомства, что они там вычеркнули и по каким причинам. Очень интересный, кстати, документ. Последние пять листов заклеены, закрыты для чтения. И что в них содержится? Просто я их видел раньше и могу сказать. Это всего-навсего (обратите на это внимание!) раздел «Политическая и общеобразовательная учеба сотрудников». В нем говорится о том, что все цензоры охвачены политучебой: кто в университете марксизма-ленинизма учится, кто в кружке текущей политики. Начальник Леноблгорлита сетует на то, что не все цензоры повышают свой деловой и политический уровень. Это, в частности, привело к тому, что цензор такой-то (я соблюдаю Закон о персональных данных, фамилий не называю, потому что – мало ли что!) подписал к печати и выпустил в свет пригласительный билет с текстом «Слава победителям Красной Армии!». Как это его компрометирует или нет, я не знаю. Здесь же говорится

о том, что цензор имярек (имя я опять опускаю) за полгода изучил всего три первые главы Краткого курса истории ВКП (б) и два произведения Ленина. Третий – совершенно слабо разбирается даже в первых главах Краткого курса. Четвертому сделано категорическое предупреждение, что, если он серьезно не займется повышением своей квалификации, его освободят от занимаемой должности. Всем другим отстающим сотрудникам назначены сроки вторичной проверки по темам и вопросам, которые они знают слабо. И это все! Больше, ровным счетом, ничего.

Так вот, является ли персональной тайной то, что цензор имярек плохо изучал Краткий курс истории ВКП (б), компрометирует это его в наших глазах или нет, я не знаю. На всякий случай я все-таки имя его не произношу.

Другой, совершенно поразивший меня случай, связан с одним из дел за 1936 год, которое я видел собственными глазами, более того, в 1992 или 1993 году мне позволили снять ксерокопию этого дела, она у меня дома есть. Я опубликовал в журнале «Звезда» статью под названием «Искусство идет впереди, конвой идет сзади». Это о деле «формалистов» 1936 года, о доносах на Зощенко, Ахматову, на Добычина, который покончил жизнь самоубийством, доносы так называемых «наших источников». Ни один «наш источник» в деле не расшифрован, там названы только их псевдонимы, клички: «Морской», «Измайлов». Можно, конечно, идентификацию произвести, но для этого нужен доступ к архивам КГБ, которого нет. Тем не менее, мне вместо всего этого дела, которое я видел, почему-то выдали первые пять листиков – и все. А что дальше? А дальше там персонифицированные сведения. Поскольку у меня дома есть 50 страниц ксерокопии этого дела, могу сказать, что ничего такого, что могло бы кого-то скомпрометировать, кроме «наших источников», которые под псевдонимами, и я не могу знать, кто они такие на самом деле, ничего там не содержится.

Повторяю, таких примеров буквально десятки. Я думаю, что это просто веяние времени, – и больше ничего. Это некий признак, очень нехороший, зловещий даже, признак. Поскольку мы сегодня заседаем в помещении «Гражданского контроля», мы должны об этом сказать в полный голос, потому что чем больше мы будем молчать, и не обращать на это внимание, тем дальше будет еще хуже.

Кстати, сегодня затрагивался вопрос о том, что дело было опубликовано, и сотрудники КГБ развели руками: «Ах да, видать промашка вышла, как же так?» Но беседа с директором архива вызвала у того ничего совершенную другую реакцию. Когда я сказал, что это дело опубликовано мной в «Звезде», он заявил следующее, цитирую буквально: «Факт публикации не означает момента рассекреченности». Вот такая формула замечательная. Оказывается, то, что мы публиковали в свое время, в начале 90-х годов, теперь смело надо погружать в созданный специально для этого спецхран, ликвидированный в наших библиотеках, и «крутить кино по-новому». Вот к чему мы приходим.

И последнее. За минувшие десятилетия даже органы тайной политической полиции, хотя не всегда, не всем историкам и далеко не полностью, стали предоставлять свои архивы и открывать свои тайны, относящиеся, по крайней мере, к эпохе после «большого террора», о чем свидетельствует масса публикаций.

Как я убедился на собственном опыте, некоторые архивы с особым тщанием оберегают секреты, относящиеся к истории советской цензуры; видимо, механизм убиения мысли и слова представляет еще большую государственную тайну, чем физическое истребление людей.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Я с удовлетворением констатирую, что сонливость и усталость со всех, как рукой сняло. Спасибо.

Завтра продолжим в 10 часов.

Заседание 10 декабря 2000 года

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Доброе утро!

Продолжаем нашу работу. Позвольте предоставить слово Лисициной Галине Георгиевне. Европейский университет, Санкт-Петербург.

Г.Г.ЛИСИЦИНА

Я сделаю сообщение информационного характера, хотя в этой аудитории половина участников – это те люди, которые хорошо знают наш Архивный тренинговый центр и принимают участие в его работе, но есть и те, кто о нем ничего не слышал, поэтому сначала несколько слов о самом центре.

Архивный тренинговый центр при Европейском университете в Санкт-Петербурге создан в 1999 году в рамках программы «Открытый архив XX века» на средства гранта Института «Открытое общество». Создание АТЦ поддержали Центрально – Европейский университет в Будапеште (этот университет финансирует зарубежных слушателей и лекторов) и Европейский университет в Санкт-Петербурге, который предоставил Центру свои помещения и инфраструктуру.

Основная задача нашего Центра – повышение уровня специального образования архивистов Северо-Западного региона. Дело в том, что потребность демократического общества в архивной информации по разным причинам остается пока неудовлетворенной. Об этих причинах уже неоднократно говорилось и на других высоких собраниях, и здесь вчера в частности. Одной из таких причин является недостаточный профессиональный уровень архивистов, особенно в регионах. Должности архивных специалистов часто занимают люди не только непрофильного образования, но часто люди, не имеющие не только высшего образования, но иногда даже среднего технического. Кроме того, существует плохо преодолимый стереотип поведения советского архивиста, который, к сожалению, передается из поколения в поколение. И хотя процессы, происходящие в последние годы в нашей стране, без сомнения, ломают традиции закрытого общества, тем не менее, этому может способствовать квалифицированная профессиональная подготовка, которую далеко не всегда может обеспечить своим сотрудникам местное архивное руководство.

Архивный тренинговый центр создан, в основном, для повышения профессионального уровня архивистов областей и республик Северо-западного региона, но, поскольку финансирование по этой программе идет недостаточное, то мы приглашаем архивистов из государственных и ведомственных архивов Санкт-Петербурга, и пять – шесть архивистов из стран Балтии и Восточной Европы.

Наша задача – помочь архивистам, прежде всего областного уровня, получить доступ к отечественному и зарубежному опыту. Для достижения этой цели организована учеба в форме двухнедельных семинаров два раза в год. Основной контингент наших слушателей – это руководители среднего звена – начальники или заведующие отделами, но 25 процентов составляют также директора или их заместители и специалисты архивных управлений.

За 1999 – 2000 год Архивный центр провел три семинара, в них приняли участие 90 человек в качестве постоянных слушателей, и около 30 человек так называемых «вольнослушателей», то есть тех, кто мог приходить на лекции, их интересующие, и получать необходимую для них информацию. Хотя цифры всегда впечатляют, дело, конечно, не в них, а в качестве тех знаний и навыков, которые архивисты могут приобрести и приобретают в процессе обучения.

Особое значение мы придаем содержанию обучения. При составлении программ мы консультируемся с ведущими специалистами архивного дела, стараемся вместе с ним определить наиболее актуальные проблемы. Мы привлекаем к сотрудничеству известных специалистов из Международного совета архивов, Федеральной архивной службы России, Московского историко-архивного института, Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, Центрально-Европейского университета в Будапеште, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Института российской истории, Университета штата Мичиган, а также ведущих специалистов Федеральных архивов. Кроме архивистов и историков, музейных и библиотечных работников, в обучении принимают участие специалисты, владеющие телекоммуникационными и компьютерными технологиями.

Европейский университет в Санкт-Петербурге предоставляет возможность получения высшей квалификации специалистам гуманитарного профиля. Он прекрасно оснащен современными техническими средствами, которые позволяют ознакомить слушателей с самыми последними достижениями в области информационных технологий: возможностями Интернета, особенностями работы с документами на электронных носителях и их разновидностями, с методикой создания электронных каталогов, публикацией документов в электронном формате и т.д.

Мы знали, когда начинали работу по созданию самого центра, что далеко не все архивы, особенно областные, оснащены электронной техникой. Перед нами встал вопрос: учить этому или нет, не будет ли такое обучение преждевременным. Решили, что мы не должны опускать планку, наоборот, мы будем читать лекции, будем знакомить с самым передовым опытом и дадим возможность нашим слушателям дотянуться до уровня высококвалифицированных, владеющих всеми современными методами работы, отечественных и зарубежных специалистов-архивистов. И как показывает опыт наших занятий, мы об этом не жалеем.

За последнее время архивные управления Северо-западного региона сумели оснастить электронной техникой многие свои архивы. Если по результатам анкетирования прошлого года наши слушатели часто писали в анкете, что они не могут применить в своих архивах полученные на семинаре знания, то по итогам последнего семинара, который закончился вчера, все ответили положительно. Ни один из них не ответил, что не может использовать полученные на семинаре знания и опыт в своей непосредственной работе. Ответы разделились поровну: одна половина слушателей ответила: – да, безусловно; другая половина ответила – да, частично, мы можем применить полученные знания и опыт.

Проблема внедрения информационных технологий в архивную практику сейчас одна из самых важных, об этом говорили и сами архивисты, которые в качестве слушателей принимали участие в семинарах. Конечно, можно еще слышать от некоторых архивистов, особенно старшего поколения, что архивное дело держалось и развивалось и без компьютеров. Но жизнь заставляет иначе работать, осваивать новые технологии. Бесспорно, те, кто раньше других усвоил новые методики работы, успеет сделать намного больше, чем его консервативные коллеги. Мы должны понимать, что в мире произошла технологическая революция, и оставаться за ее рамками – значит поступать недальновидно. Сегодня с опаской относиться к возможностям Интернета – это все равно, что шарахаться от автомобиля или продолжать считать на деревянных счетах. Хотя это достаточно экзотично, но непродуктивно. Те, кто прошел наш семинарский курс, хорошо это понимают, потому что уже заранее просят забронировать для них места в следующем семинаре, который будет посвящен информационным технологиям в архивном деле.

Кроме этой темы, нас, конечно, волнуют проблемы архивного и смежного с ним законодательства, применение его в практической деятельности архивов, а также вопросы архивной этики и доступа к архивным документам.

Последние два семинара были посвящены проблемам архивного законодательства. В рамках весеннего семинара, проходившего в марте, состоялся семинар-дискуссия по теме: «Доступ к информации – права человека и интересы государства. Архивы России, стран СНГ, Балтии и Восточной Европы в пост тоталитарной трансформации».

Вопросы, поднятые на этих семинарах, абсолютно во всем созвучны тем вопросам и проблемам, которые мы обсуждаем с вами сегодня. Очень симптоматично, что за небольшой промежуток времени в Петербурге дважды проводится обсуждение проблем доступа к архивным документам. Оба раза инициаторами стали негосударственные структуры, но участниками – в основном представители государственных структур: Росархива, федеральных архивов, Архивного управления Санкт-Петербурга и области, архивисты Санкт-Петербурга, ВНИИДАДА. На нашем семинаре присутствовали и выступали, кроме уже названных, представитель правового отдела Государственной Думы, Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Администрации Президента Российской Федерации, коллеги из архивов некоторых стран Балтии и Восточной Европы и историки Российской Академии наук. Активное участие в семинаре приняли сотрудники петербургского управления ФСБ, представители общественных организаций, в том числе «Мемориал», «Гражданский контроль» и «Союз ученых». Семинар работал в течение двух дней. Все выступления с докладами и дискуссии записывались на аудиокассеты. В дальнейшем организаторы семинара переработали этот материал и издали его.

Я считаю, что все без исключения участники таких семинаров, и в частности в того семинара, который мы проводили), внесли свой вклад если не в решение (до этого, видимо, все-таки далеко), то, по крайней мере в постановку проблемы и придали этой проблеме общественное звучание — какие бы мнения они ни выражали (а дискуссии часто носили очень эмоциональный характер).

Семинар показал главное: несмотря на достижения в области законодательства (а то, что в 1993 году были приняты основы законодательства об архивах – огромное достижение), в области рассекречивания документов, в присоединении бывших партархивов к государственному архивному фонду, существуют еще и нерешенные проблемы в области доступа к архивной информации. Об этом говорили все участники нашей дискуссии, и сегодня, я думаю, об этом будут еще много говорить.

Законы существуют, но они далеко не совершенны, не согласованы друг с другом, нет инструмента их применения в практической деятельности. Об этом и о многом другом говорили и говорят руководители Росархива, и хранители, и пользователи архивной информации.

В завершение работы нашего семинара участники выработали резюме, которое приводится в конце книги. Основные его выводы сводятся к тем положениям, к которым необходимо привлечь особое внимание государственных структур, тех, от кого зависит решение поднятых проблем.

Мои впечатления, накопленные в ходе работы уже трех семинаров, привели меня к выводу о том, что проблемы доступа к архивной информации не разрешатся даже в том случае, если будут приняты самые совершенные законы. И даже в том случае, если все законы будут приведены в полное соответствие между собой, решение проблемы будет во многом зависеть от человеческого фактора, психологической подоплеки. Дело в том, что еще не произошла смена поколений архивистов, а ведь стереотип мышления иногда работает гораздо сильнее, чем нам того хотелось бы. Совершенно очевидно, что в рамках существующего законодательства руководитель или опытный специалист может и должен принимать самостоятельные решения, но не делает этого. В нем еще сидит если не страх, то опасение: как бы не сделать больше того, на что имеешь право. В его сознании неискоренима формула: лучше

отказать в выдаче информации, чем потом отвечать за то, что выдал. По некоторым вопросам, которые задавали отдельные руководители архивных учреждений нашим лекторам на семинарах, было понятно, что они не желают брать на себя ответственность. Это удивляло, и было обидно за этих людей, потому что они имеют за плечами огромный практический опыт, но боятся ответственности. Как это ни печально, все-таки в нашей практике такие случаи встречаются.

Поэтому на семинарах мы стараемся дать объективную картину и состояния правовой базы, и тех возможностей, которые она предоставляет для решения поставленных проблем, и ее недостатков. Мы стремимся ставить этические вопросы и давать рекомендации для их решения.

Все это удастся сделать только благодаря возможности привлечь к обучению высокопрофессиональные кадры, обладающие серьезной теоретической подготовкой и практическим опытом работы.

Пользуясь тем, что мне предоставили здесь слово, я хотела бы выразить искреннюю благодарность Федеральной архивной службе России, ее руководителю Владимиру Петровичу Козлову, Татьяне Федоровне Павловой, Игорю Николаевичу Киселеву, которые поддерживали проект Архивного тренингового центра и принимают активное участие в его работе. Мы предоставляем нашим слушателям уникальную возможность встречи с руководителями Росархива – крупнейшими отечественными и зарубежными специалистами из ВНИИДАДА, из Историко-архивного института, Международного совета архивов; нам читал лекции и бывший генеральный секретарь Международного совета архивов Шарль Кичкемети, который тоже поддержал наш проект.

Все эти совместные усилия позволили 90 архивистам получить дополнительные знания именно в той области, в которой они ощущали их пробел и не могли восполнить его в своих учреждениях.

Теперь я хочу сделать небольшое отступление. Мы все время здесь говорили о том, что доступ к информации недостаточен в архивах, хранящих документы, относящиеся к двадцатому веку. Это основная проблема. Печально то, что сейчас и в исторические архивы не всегда можно попасть. Их, конечно, никто не закрывает, но сокращается время работы читальных залов. Я сейчас не берусь анализировать причины. Эти причины всем понятны, они бывают объективными, но зачастую бывают и субъективные, необъяснимые причины сокращения времени работы читальных залов, да и самих архивов. Вы понимаете, что люди не могут реализовать свои права на доступ к информации, потому что они работают или учатся в то время, когда архивы открыты. В выходные дни архивы не работают, поэтому такое ограничение сокращает возможности пользователей на реализацию их права.

Я думаю, что на круглом столе, который у нас сегодня состоится, эти вопросы тоже будут каким-то образом подняты и обсуждены, тем более что здесь присутствуют руководители архивной службы. Может быть, на некоторые вопросы они ответят.

Здесь сегодня собрались высококвалифицированные специалисты, я всех вас приглашаю к участию в работе нашего архивного центра.

Спасибо за внимание.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Большое спасибо, Галина Георгиевна.

Позвольте предоставить слово Спиридоновой Людмиле Ивановне – начальнику отдела информационного обеспечения Российского государственного архива ВМФ, Санкт-Петербург.

Л.И.СПИРИДОНОВА

Галина Георгиевна закончила небольшим лирическим отступлением, а я хочу начать с лирического отступления. Вернее, с лирического вступления.

Российский государственный архив Военно-Морского Флота упоминался вчера в выступлении А.В.Елпатьевского в связи с тем, каким он был закрытым в годы директорства Ивана Николаевича Соловьева. Но вот совсем недавно, буквально две недели назад наш архив посетил известный путешественник Юрий Александрович Сенкевич. И когда он у нас смотрел документы для своей новой экспедиции, я спросила, почему же наши путешественники, наши исследователи так мало посещают наш архив? И прозвучала очень странная фраза. Он сказал: «Я считал, что ваш архив работает если в не совсем закрытом, то в полужакрытом режиме». Меня эта фраза насторожила, и я сочла необходимым выступить здесь с небольшим сообщением о работе нашего архива.

Дело в том, что архив наш имеет такое название – Архив Военно-Морского Флота, – а Военно-Морской Флот всегда имел свои тайны и имеет их и по сей день, поэтому у наших пользователей действительно бывает несколько настороженное отношение к нам.

Что же мы сделали за это время? В конце 80-х годов архив действительно был абсолютно закрыт для иностранных исследователей и полужакрыт для отечественных. Действительно, каждое посещение архива и каждый пользователь архивной документации в то время буквально просматривался сквозь увеличительное стекло.

С тех пор мы сделали очень много, и заслуга в этом нашего нынешнего директора Валентина Григорьевича Мишанова. Ему удалось сломить тот архивный стереотип, помочь победить тот страх, который, действительно, очень часто бывает у наших архивных работников.

На начало девяностых годов у нас пришелся пик работы по рассекречиванию наших документов. И к 1996 году эта работа фактически у нас была завершена. В результате огромной работы было рассекречено около ста тысяч документов. И сейчас на секретном хранении у нас осталось очень небольшое количество документов. Это те документы, которые подпадают под Закон о государственной тайне.

Для ряда документов мы провели изменение грифа секретности. Так, например, документы партийных и комсомольских организаций флотских частей и соединений у нас не были на секретном хранении, они имели гриф ограниченного доступа. Теперь с ограниченного доступа мы перевели их также на режим общего хранения.

В результате этой работы в научный оборот были введены материалы, касающиеся белогвардейских формирований, действующих на территории России в годы гражданской войны, документы Народного комиссариата Военно-Морского Флота и Совета труда и обороны, документы по истории советско-финляндской войны. А также – документы по другим вооруженным конфликтам в тридцатые годы на территории СССР, документы по созданию ряда военно-морских баз, в частности – военно-морской базы Ханко.

Теперь для пользователей архивной документации стали доступными материалы по расследованию различных аварий и чрезвычайных происшествий на флоте, действий экспедиции особого назначения по подъему затонувших судов и огромный комплекс документов по судостроению и созданию новых образцов техники и вооружения. Все эти документы, введенные нами в научный оборот, абсолютно доступны в читальном зале, и к ним сейчас очень-очень большой интерес.

Кроме того, наш архив хранит большой комплекс материалов по личному составу. Это кадетские дела и послужные списки офицеров Российского императорского Флота, курсантские дела и личные дела офицеров советского Военно-Морского Флота, фильтрационные дела, материалы по так называемым чисткам на флоте, различные служебные расследования. Весь этот комплекс материалов также стал доступен для пользователей в читальном зале. К этому комплексу материалов сейчас проявляется огромный интерес и наших исследователей, и исследователей из-за рубежа. И, пожалуй, тема генеалогических исследований стала для нас едва ли не самой главной в данное время.

В помощь исследователям мы предоставляем каталог и научно-справочную библиотеку. Раньше каталог (в те же восьмидесятые годы) был закрыт для читателей. Чтобы пользо-

ваться каталогом, надо было оставить заявку, и сотрудник читального зала выявлял необходимые документы сам, а потом уже предоставлял читателю информацию. Теперь читатели у нас неограниченно пользуются каталогом, причем зачастую информация, которую они получают в каталоге, составляет целый комплекс материалов по этой теме, и иногда им даже и не нужно обращаться к документам: той информации, которую они получают в каталоге, оказывается достаточно.

Очень интересную часть каталога составляет именной указатель. Именной раздел каталога и картотека, которую мы создали недавно (это картотека морских офицеров-эмигрантов, она насчитывает более трех тысяч карточек и составлена по эмигрантским изданиям), также у нас пользуются, я бы сказала, огромным спросом. Зачастую люди специально приезжают к нам из различных районов России, чтобы воспользоваться именно той информацией, которая сосредоточена в картотеке офицеров-эмигрантов.

Мне представляется очень интересным это направление – создание электронного каталога, который как раз и включал бы все эти разделы, именные разделы каталога плюс картотека офицеров-эмигрантов. Частично мы приступаем и к этой работе. Для нас это абсолютно новое направление работы, но я думаю, что все-таки сейчас в архиве есть молодые силы, которые по-новому смотрят на эту проблему и что-то, видимо, изменится.

Нашим пользователям мы предоставляем также научно-справочную библиотеку. Я все время возвращаюсь к тому, что у нас было. Раньше у нас было целое хранилище грифованной литературы, которая была недоступна и для наших пользователей архивной документации, и для самих сотрудников архива. Сейчас мы ликвидировали это совершенно ненормальное положение. У нас осталось очень ограниченное количество (практически это всего 205 экземпляров), которые также подпадают под Закон о государственной тайне. Со всей остальной литературы мы сняли гриф секретности, и мы точно также ее предоставляем нашим читателям и пользователям нашей архивной документации в читальный зал.

Наша научно-справочная библиотека имеет целый ряд изданий очень специфических, например – издания Военно-Морского Ведомства, которые не найти даже в Публичной библиотеке. Поэтому читатели приходят к нам в надежде получить от нас эту литературу, и они ее получают, Мы за это получаем от них благодарности, как и за ту документальную информацию, которую мы им представляем.

В итоге такой открытости, я бы сказала – открытости полной и практически абсолютной, мы принимаем всех, кто к нам приходит даже с такими очень нечетко сформулированными темами, как «что-нибудь по истории Военно-Морского Флота». Сейчас у нас переполненный читальный зал. Каждый день с утра и три раза в неделю до восьми часов вечера у нас в читальном зале практически нет свободных мест.

Такая открытость архива приводит, к сожалению, и к другой проблеме, – проблеме обеспечения сохранности. Мы на этом семинаре этой проблемы не затрагиваем, однако, надо иметь в виду, что проблема эта перед архивистами всегда стоит. Ведь мы обязаны не только предоставить архивную информацию сегодняшнему читателю, но и сохранить для следующих поколений то, что было создано до нас. А проблема обеспечения сохранности упирается у нас в очень слабую материально-техническую базу.

Огромный объем работы по предоставлению документов в читальный зал, приводит, к сожалению, к тому, что сотрудники отдела обеспечения сохранности отвлекаются от той повседневной работы, которая необходима для того, чтобы дела сохранить, уберечь их от болезней, – то есть от целого комплекса очень важных архивных работ. И это, наверное, понятно только архивистам. Но мне кажется, и пользователи архивной информации тоже должны иметь в виду, что существует и вторая сторона такого неограниченного, очень широкого использования дел.

Здесь мне бы хотелось сказать, что мы не только рассекретили наши документы, но уже и сделали кое-что по изданию этих документов. Совсем недавно мы совместно с Институтом военной истории издали совершенно секретную стенограмму командующих флотов и

флотилий накануне войны. В издательстве «Полигон» мы заканчиваем подготовку сборника документов по истории советско-финляндской войны.

Совместно с Ленинградским военным округом, мы проводим работу по выявлению документов о вступлении в Прибалтику советских войск в июне 1940 года и перебазировании флота. Эта тема мне представляется в данный момент очень интересной и очень актуальной. Документы до сих пор никто не брал, и мы как бы идем буквально по целине. Мы сейчас выявляем документы и Верховного командования, и командования Балтийского флота, и смотрим документы, которые отложились в архиве, – документы Ленинградского военного округа, документы Разведуправления. Там имеются и документы по той партийно-политической работе, которая велась параллельно, и по тому, как встречали наши войска в Прибалтике. Эта работа мне представляется очень перспективной и нужной для нашего региона.

Что мне еще хотелось бы сказать? Поскольку архив хранит очень большое количество документов личного характера, то те проблемы, которые поднимала Ирина Анатольевна Курникова, для нас очень актуальны, потому что и новая редакция Правил работы читального зала не дает никаких четких толкований того, что такое конфиденциальная информация, как архивисты должны охранять частную жизнь наших граждан. И даже если 75 лет прошло со дня создания такого документа, иногда эти документы содержат информацию, которая может нанести вред или ущерб тем людям (членам семьи), которые до сих пор живы. То есть эти вопросы должны быть конкретно оговорены. Поскольку нет никаких четких критериев, то, к сожалению, получаются так, что сотрудники читального зала стоят в данном случае как бы на перепутье. С одной стороны, они должны полностью удовлетворять все запросы наших пользователей. С другой – охранять тайну частной жизни и эту самую конфиденциальную информацию. Поэтому их и обвиняют в той цензуре, которой они, якобы, занимаются. Они не занимаются цензурой, просто это связано с тем, что у нас нет абсолютно никаких четких критериев по документам личного характера. С другой стороны, имеется целый ряд ограничений по использованию документов личного характера, которые при сдаче в архив устанавливают фондообразователи, и с этим тоже необходимо считаться.

Таким образом, мне бы хотелось, чтобы здесь все-таки была внесена какая-то ясность. Тогда это поможет всем нам, поможет пользователям документации. Я бы просто не хотела, чтобы работников архивов обвиняли в той самой цензуре, которой они все-таки не занимаются.

Какие у нас есть проблемы? Естественно, ситуация у нас не такая благодатная. И главная проблема – слабость материально-технической базы. Мы начали буквально с нуля и только в последнее время приобрели целый ряд компьютеров. Оснащение компьютерами нашего архива – это сейчас, пожалуй, наша главная задача. С помощью Фонда Сороса мы приобрели современную графическую станцию и проделали на ней уникальную работу по введению в память компьютера и записи на компакт-диски графических материалов, связанных с историей Санкт-Петербурга.

Следующая наша задача – оснащение компьютерами читального зала, чтобы можно было использовать те материалы, которые мы вводим в компьютер. Это и графика, и материалы по личному составу, которые мы планируем ввести в компьютер. Я думаю, что с этой задачей мы тоже справимся, потому что коллектив у нас небольшой, но очень дружный. Все, кто приходит к нам в архив, уходят довольными, поэтому я прошу вас: пожалуйста, приходите к нам. Мы с радостью принимаем всех читателей, откуда бы они ни были, любого возраста, любой национальности, из любой страны. Мы открыты для всех. Пожалуйста, приходите.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Большое спасибо, Людмила Ивановна.

Позвольте предоставить слово Нетупскому Павлу Иосифовичу, редактору отдела «Право» газеты «Деловая панорама».

Пока он идет, я скажу, что этот человек недавно в одиночку, не прибегая к помощи адвокатов, выиграл дело в Верховном суде в защиту не своих личных прав, а наших с вами конституционных прав против Министерства связи и других государственных ведомств.

Прошу вас, Павел.

П.И.НЕТУПСКИЙ

Как журналист я испытываю большую потребность в доступе к госинформресурсам, потому что не хочу при подготовке материалов зависеть от ньюсмейкеров коммерческих структур. Если мы делаем, предположим, рейтинг банков, то мы хотим получить финансовую информацию обо всех банках, а не только о тех, которые хотят нам ее предоставить, или хотят выглядеть хорошо. Эта информация открытая и мы хотим ее публиковать.

Я поделил свое выступление на две части: о правовой информации и об экономической информации. Напрямую эта информация архивной на сегодняшний день не является, она содержится пока непосредственно в ресурсах самих госорганов. Но, меня, как молодого человека интересует, что будет лет через двадцать. Потому что при том беспорядке, который сейчас творится со сбором этой информации, я не представляю себе, как она будет архивироваться. Например, сейчас налоговую декларацию можно представлять только в электронном виде. Законодательная база для этого есть, но предоставляется информация совершенно в разнотипном формате. Как она будет в архив поступать, я просто не представляю. Да и будет ли вообще поступать, не будет ли она завтра утрачена просто по техническим причинам?

Сначала о правовой информации. На первый взгляд, все очень просто. Во-первых, потому, что есть система официальной публикации, не опубликованный официально нормативный акт, как известно, не действует. Во-вторых, у нас на информационном рынке правовые системы вроде как конкурируют, борются за полноту баз данных; сейчас даже предоставляют эти данные бесплатно в Интернете.

Но в реальности не все так хорошо. Прежде всего, до сих пор нет открытого официального реестра нормативных актов. Министерство юстиции, занимающееся регистрацией, сами письма о регистрации или отказе в регистрации, или о квалификации документа как не требующего регистрации, не публикует. На мой вопрос к представителю Минюста о том, почему эти документы не открыты, я получил ответ: «Кому это интересно?»

10 августа 2000 года Президент распорядился создать такой реестр. Да, он создается и на федеральном, и на региональном уровне, но он опять же остается в стенах соответствующих органов – Министерства юстиции либо Административно-правового комитета городской Администрации. Будет ли этот реестр открыт? Официального документа на этот счет нет. 29 ноября, буквально две недели назад, было принято постановление Правительства о том, чтобы создавать такой реестр, но опять же, способ доступа к нему должно определять Министерство юстиции. Когда это произойдет — неизвестно.

Позволю себе процитировать Андрея Морозова – руководителя департамента правовой информатизации Министерства юстиции. Выступая на конференции «Интернет и право» 2 ноября 1999 года, он сказал, что по требованиям Совета Европы Россия обязана выставить в Интернет все базы нормативных данных федерального, регионального уровня и уровня местного самоуправления. Причем выставить не в виде текстов, а в виде сканов нормативных документов (это графический образ, распечатка), потом выставить все реестры и кадастры, реестр населения, включая кадастры земельные, реестр недвижимости по всей России с указанием собственника, цены. Он даже назвал дату этого исполнения, – июль 2000 года. Сейчас у нас уже декабрь.

28 ноября тот же Андрей Морозов, выступая на третьей конференции «Интернет и право» опять повторил все свои обещания годовой давности. Новую дату, когда будут вы-

ставлены кадастры, он не называл, а реестры нормативных актов обещал открыть к 3 января 2001 года. Поживем, – увидим.

В Петербурге дело обстоит еще хуже. Во-первых, официальной публикацией занимается девять изданий. Подписная цена на них составляет более двух тысяч рублей, что примерно соответствует средней зарплате по Петербургу. И для того чтобы знать свои права, я должен потратить всю свою зарплату. Кроме того, некоторые газеты, например, «Санкт-Петербургское эхо», не выходят больше года, хотя в августе 2000 года губернатор опять подтверждает, что она является официальным публикатором. Подписка на следующий год на нее не принимается. Я подписался на 2000 год, но она мне не приходит.

Был, например, следующий прецедент. В прошлом году, когда губернатор лоббировал перенос выборов, закон опубликовали в течение четырех часов в приложении к «Вестнику Законодательного Собрания» тиражом в сто экземпляров. Официально опубликовали. У меня нет гарантии, что сейчас то же самое «Санкт-Петербургское эхо» не выйдет тиражом в десять экземпляров, и потом когда-нибудь выяснится, что документ был официально опубликован. К кому этот документ попадет, я не знаю.

Еще одно чудо сотворила наша городская администрация с понятием «официальный текст». Что сие означает, не знает никто. Им признается ксерокопия нормативного акта с печатью протокольного сектора, а также электронные тексты, которые помещен в базы данных «Кодекс» и «Гарант». Причем как можно использовать этот текст, Административно-правовой комитет разъяснить не может. Является ли это официальной публикацией? – Нет, не является. – Могу ли я принести распечатку в суд? – Нет, не можете. Не может разъяснить даже, чем, например, «Кодекс» отличается от «Консультанта»? Да в принципе ничем, но вот первый является «официальным текстом», а второй не является.

Сначала этот статус был дан только «Кодексу», который готовится ГП «Центр компьютерных разработок», в котором я в свое время работал. В принципе, все было логично, ГП это – дочерняя структура городской Администрации. Само государственное предприятие находится непосредственно в стенах Смольного, ведет банк данных правовой информации и вроде как имеет право на некую поблажку, хотя это тоже не совсем корректно, конечно. Потом этот статус дали «Гаранту». При всем моем уважении к Игорю Александровичу Соболевскому, который является акционером компании «Гарант Интернэшнл», этот статус был дан компании именно в тот период, когда Игорь Александрович был вице-губернатором, председателем Юридического комитета. Потом из-за суматохи, в которой губернатор исполнял Указ Президента и вносил изменения в нормативный акт, потеряли весь абзац, устанавливающий понятие официального текста (просто потеряли при редакции документа). Вот так готовятся у нас нормативные акты. Спустя два месяца ошибку исправили, издав новое распоряжение.

Третий конкурирующий субъект на рынке – компания «Консультант Плюс» – вот уже год бьется за то, чтобы официальный статус получить. Администрация отвечает, что изменения могут быть внесены в установленном порядке распоряжением губернатора. То есть вот вроде бы документы публикуются, но где они публикуются, и могу ли я получить к ним доступ – неизвестно.

Кроме того, используя понятие «официальный статус», отдельные комитеты отказывают в доступе (либо разрешают доступ) к документам непосредственно фирмам-изготовителям правовых информационных систем. Например, кому могут быть интересны частные приказы Комитета по землеустройству? Я тоже так думал, пока не получил к ним доступ. Полистал их, – и оказалось, что кусок земли под домом, в котором я живу, продан, и, возможно, моя приватизированная квартира просто висит в воздухе. А нормативный акт, которым это установлено, не засекречен, но доступ к нему серьезно ограничен. И я уже сомневаюсь, что имею право на свою квартиру и вообще право жить в ней.

Теперь о том, что касается вопроса экономической информации. Да, у нас действительно есть хороший Закон об информации, информатизации и защите информации, но вот

вопрос сбора информации, по крайней мере, от коммерческих структур – для формирования государственных ресурсов, повис в воздухе. Потому что в законе сказано, что перечни предоставляемой в обязательном порядке документированной информации утверждаются Правительством России. Если рассматривать в таком разрезе, то бухгалтерская отчетность и налоговые декларации в это понятие не входят.

Дальше читаем пункт три статьи 8:

«При регистрации юридических лиц регистрационные органы обеспечивают их перечнями предоставляемых в обязательном порядке документов и адресами их представления. Перечень предоставляемой в обязательном порядке документированной информации прилагается к уставу каждого юридического лица».

Могу сказать точно: в Петербурге ни к одному уставу (я много лет принимал участие в регистрации предприятий) никакие перечни не прилагаются. То есть сегодня любое предприятие с учетом того, что понятие отсутствия вины сейчас трактуется арбитражем расширительно, никакую информацию – ни статистическую, ни бухгалтерскую, ни налоговую отчетность – сдавать не будет. Просто потому, что регистрационная палата забыла приложить перечень к уставу предприятия. Или не сделала этого специально, – не знаю, почему.

Следующий вопрос касается закона об акционерных обществах. Газета «Деловой Петербург», в которой я работал, для того чтобы получить доступ к правовой информации, скупала акции – по одной акции каждого предприятия. В соответствии с законом об акционерных обществах они, таким образом, получают доступ к информации, которая там хранится. Например, непонятно, что такое «документы финансовой отчетности, предоставляемые в соответствующие органы»? В законе об акционерных обществах эта фраза есть, но она не расшифрована. Опять же встает вопрос: входит ли в понятие «финансовая отчетность» бухгалтерская, статистическая и налоговая отчетность?

Балансы банков. Да, закон «О банках и банковской деятельности» говорит о том, что любое заинтересованное лицо может ознакомиться с балансом банков. Центробанк заявил, что в каждом филиале должен висеть баланс банка; более того, в каждом городе должен быть уполномоченный офис банка, в котором есть баланс по счетам второго порядка. Это очень сложный документ, листов на 20. Без финансового образования в нем не разобраться. Далее Центробанк, большое ему спасибо за это (а я по этому пункту подал на него в суд), сказал, что любой банк, если хочет, может дать согласие на раскрытие своего баланса через сервер в Интернете Центрального банка Российской Федерации. То есть материально-технические возможности у Центрального банка для раскрытия баланса в Интернете есть. Но без согласия банка он эту информацию раскрывать не будет, хотя информация открытая. Так записано в законе. У меня возникает вопрос: почему я должен, вместо того, чтобы получить информацию от государственного органа, воевать даже не с банкирами, а с пуленепробиваемыми охранниками в банке, которым законы объяснять бессмысленно. Они меня к руководству банка просто не пускают.

Я подал в Верховный суд, попробовал обжаловать это положение Центробанка, но получил отказ. Дело в том, что вчера я послушал Игоря Николаевича Киселева, у которого была великолепная фраза о том, что скрыть документ очень просто, нужно всего лишь не указать его в справочнике. Я пришел домой и просто поменял адрес, поставил другой номер, ссылку Центробанка. Так, оказывается, все балансы банков лежат в Интернете. Просто на страницах тех банков, которые согласились ее раскрывать, сделана на них ссылка, а которые не согласились, – ссылки нет. Собственно говоря, не надо быть большим техническим специалистом, чтобы просто поменять, поставить другую цифру в ссылку и получить весь баланс. Правовое регулирование мне непонятно: либо Центробанк просто обманывает суд, говоря, что он не имеет права, либо он не обеспечил защиту этой информации, если она действительно является конфиденциальной. Как эта информация будет архивироваться, опять же мне непонятно, если она существует в таком режиме.

Большое спасибо. Извините, что я говорил не совсем на тему конференции, но боюсь, что эта тема возникнет уже лет через десять.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Конечно, это проблема не только будущих, но и сегодняшних архивистов. Вы хотите что-то сказать, Галина Георгиевна?

Г.Г.ЛИСИЦИНА

Я хочу сказать, что такая проблема уже возникла. Об этом как раз говорили архивисты на семинаре, который только что закончился. Он был посвящен проблемам комплектования, и как раз там по поводу банковской документации, ее получения архивами существуют очень большие проблемы. Существуют перечни, документы есть, но нам, например, для нашего семинара перечни принесла просто банковская служащая, наша бывшая коллега. Так что такие документы – перечни, уже разрабатываются. И эта проблема уже возникла. А через десять лет, я думаю, уже будет поздно ее решать.

П.И.НЕТУПСКИЙ

Дело в том, что я просто хочу ответить, что сегодня мне «скачать» какой-либо документ или получить к нему доступ намного легче, чем к тому же документу месячной давности (может быть, даже месячной). То есть сегодня архивистам надо просто «качать» всё, что только возможно. Не ждать, когда потом это принесут, а именно «качать», создавать, грубо говоря, зеркало Интернета у себя. Спасибо.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Большое спасибо, Павел.

Позвольте сейчас еще один, скажем так, мини-доклад до перерыва.

Юрий Абрамович Виноградов вчера не успел выступить. Санкт-Петербургский Союз ученых.

Ю.А.ВИНОГРАДОВ

Добрый день, дамы и господа!

Иван Петрович Павлов сказал бы: «Здравствуйтесь, дорогие товарищи!» Так он говорил до революции еще своим коллегам.

Я хотел бы поставить перед вами вопрос, который знаком уже многим из тех, кто присутствует здесь (я вижу знакомые лица). Я об этом уже говорил на тренинговом семинаре в Европейском университете.

Это проблема, которая имеет косвенное и прямое отношение к главной теме сегодняшнего заседания, – о доступе к информации, о правах на этот доступ, о тех, кто нарушает право (но о тех, о ком мы с вами до сих пор не говорили).

Не только работники архивов, читальных залов, органов научной информации, библиографы, учитывающие публикации и иные виды использования в печати архивных документов, сталкиваются со случаями недостойного поведения лиц, их использующих. Я имею в виду теперь уже не только права пользователей, прежде всего, но и право архивистов на самозащиту.

Тридцать лет назад я был занят изданием серии ежегодных справочников Академии наук СССР «Тематика исследований по документам архивов АН СССР». Вы знаете, что это было время, когда все госархивы, уважавшие себя, такой работой занимались. Но эта работа закончилась, я бы сказал, бесславно, потому что она не была осознана обществом как необходимая. А на самом деле это была первоклассная информация, необходимая и для перспективной научной работы, и для ретроспективного использования. И сейчас я вам расскажу, как Академия наук распорядилась этим справочником.

Я впервые тогда вынужден был заниматься юридическими делами. Ко мне стали обращаться бывшие читатели академических архивов, пытаясь отстоять права даже в ученых советах от посягательств тех, кто, не работая в архивах, использовал украденные у коллег архивные данные. Доказательством послужили сведения справочника, данные картотеки читателей, листов использования, подтверждавшие факт работы настоящего исследователя и разоблачавшие плагиатора.

Но надо вам сказать, что задолго до того, как государственные архивы начали эту систему фиксации тематики читателей, дореволюционный архив Императорской академии наук такой работой занимался ежегодно. Он публиковал эти данные в годовых отчетах Императорской академии наук, и считалось, что это крайне важное обстоятельство, именно с этой точки зрения.

Ныне покойный Георгий Алексеевич Князев, директор архива АН СССР, теоретик архивного дела с двадцатых – тридцатых годов, автор первого советского учебника по архивному делу «Теория и техника архивного дела» еще в пятидесятые годы мне говорил вот что. Среди профессиональных архивистов не должно быть места коллекционерам, среди посетителей читальных залов архивов не место нечистым на руку людям. К таким лицам должно относиться и плагиаторов, списывающих архивные шифры из чужих публикаций.

Первая категория – коллекционеры. Таким был заведовавший в прошлом веке архивом конференции Императорской академии наук иностранный подданный Ф.Шардиус. Он вырвал из томов «Ученой корреспонденции» и других дел XVIII-XIX веков сотни уникальных документов для своей коллекции автографов великих людей. Этот благородный вор завещал все награбленное в России своей альма матер – Дерпскому университету, и теперь украденное входит в эстонскую сокровищницу. Нашим исследователем трудно добраться теперь до своего национального достояния, а права доступа к этим материалам их лишил некий Шардиус 150 лет назад. Пользуюсь случаем второй раз просить архивные власти Российской Федерации возбудить дело о возвращении в Петербург из Тарту национального достояния России. На худой конец, пусть предоставят за их счет в Петербургский филиал Архива Российской Академии наук сканированные или ксероксные копии хорошего качества всей коллекции Шардиуса, которая была украдена в Петербурге.

Если кто интересуется, могу сказать, что Шардиус воровал не только документы. Он воровал из нумизматического кабинета величайшие ценности коллекции, и не только это. Он входил в фонд Императорской Академии наук. Но золото и серебро привлекло внимание таможенников, а архивные документы не привлекли. И покойный смог провести архивные документы совершенно спокойно с помощью людей, которые исполняли его завещание.

Теперь, после перестройки, мы не можем так, сесть в автобус, доехать до Тарту и там посмотреть все, что нужно. Мне приходилось такое делать, но я считаю, что сейчас уже терпеть это невозможно.

Вторая категория – это просто воры документов. Они воруют документы для самых разных целей. Например, для удобства пользования в процессе подготовки «научной» (в кавычках) работы, для продажи и так далее. Крадут любыми способами из дел в читальных залах или при исполнении служебных обязанностей в архивах и хранилищах иных видов научной документации. Однажды в 1973 году в преддверии 250-летия Академии наук СССР некий профессор-лингвист из Сухуми решил научно отметить, написав лингвистическую статью о слове «академия». С этой целью он приехал в Словарную картотеку Института русского языка в Ленинграде и для сокращения усилий утащил из ящиков хранилища все карточки на слово «академия», собиравшиеся в течение ста лет.

Есть читатели, крадущие ценные марки с конвертов в делах с перепиской, если наличие марок не отмечено в заверительных надписях. Тридцать пять лет назад я обратил внимание на такого вора и с той поры все марки в Академии наук учтены, независимо от времени пребывания этих марок и от времени их издания. Мы считаем, что это первостепенного значения проблема. Ее нужно везде решать, потому что марки из архивных фондов можно найти

на филателистическом рынке, к вашему сведению, еще с двадцатых годов этого столетия. Я не знаю о предыдущем времени.

На самом деле две первые категории – это воры, которые воруют не только архивные источники, но и лишают возможности всех прочих пользователей изучать их. В некоторых случаях лишают такой возможности навсегда. Все такие лица, в административном или судебном порядке должны быть навсегда, пожизненно лишены права работать в госучреждениях, хранящих национальное достояние всех видов, начиная с документальных материалов.

Третья категория – нечестное использование архивных материалов при публикации. Я ее упоминал уже.

Самый крайний случай – в нем участвовал еще один академический персонаж – Семенников, заведовавший архивом Академии в двадцатом веке. Этот «ученый» изучал и публиковал документы, но некоторые его творения не могут быть проверены, так как в архиве самих документов нет.

Нередки исследования, в которых приведены архивные ссылки, не соответствующие действительности. Я прошу обратить на это внимание, потому что сейчас, как ни странно, вторичная вспышка этой болезни. В 60-70-е годы это началось впервые, сейчас возобновилось. Иногда это подлинные тексты, но автор потерял, забыл ссылку или намеренно искажает ее, затрудняя доступ другим исследователям.

Не редкость также переписывание архивных ссылок с опубликованных чужих исследований. Но это уже опасный плагиат, так как страдает не только авторитет человека, работавшего в архиве, видевшего источник, знающего его содержание, но и множество доверчивых читателей. В опусах плагиатора, списавшего ссылки (но не знающего содержания всего документа), они могут принять ошибочные суждения – за истинные, а выдумку – за чистую правду.

Не буду говорить о прямых уголовных преступлениях, связанных с сохранностью и незаконным использованием архивных документов. Для этого существует Уголовный кодекс Российской Федерации и вполне справедливые должностные инструкции. Но настала пора архивам России взять на себя более активную роль в наведении порядка в работе отечественных и зарубежных ученых и иных лиц – пользователей документами – в части, относящейся к использованию документов Госархивного фонда.

Я предлагаю разработать моральный кодекс пользователя документами и справочным аппаратом Государственного архивного фонда Российской Федерации. В нем должны быть перечислены понятия, подлежащие определению как бесчестные поступки. Сейчас я прошу обратить внимание на зарубежный опыт. Мне приходилось работать в зарубежных архивах, в частности в Соединенных штатах и в Финляндии. Там я столкнулся с безобразиями еще большими, чем в нашей родимой стране. Там к этому прибавляется невежественность самой обработки архивистами архивных материалов. Невежественность, которая попадает в систему Интернет. Невежественность, которая свидетельствует о примитивности подготовки в высших учебных заведениях специалистов, работающих в американских архивах. Достаточно привести такой пример: у нас по 21 параметру описывается корреспонденция, а у них по 3. В результате в одном из центральных архивов Америки (Института истории медицины) в Балтиморе я столкнулся с тем, что документы тридцатых годов были украдены и заменены ксерокопиями. И никому из архивистов в голову даже это не приходит, потому что там не указывают способ воспроизведения; как будто в тридцатые годы существовали ксерокопировальные аппараты. Описанные по трем параметрам материалы они с гордостью вставили еще десять лет тому назад в компьютерное описание. Но что это за описание! Я с большим удовольствием в последний день пребывания в Балтиморе отчихвостил этих людей, потому что они даже не следят за сохранностью фондов. И вы знаете, они так преисполнились почтением к русскому архивисту, что вручили мне огромное количество письменных доказательств их интенсивной работы, дали изданный план работы на шесть лет. Но все там такая ерунда

по сравнению с реальными проблемами, что мне просто хочется предложить нашим архивистам поучить архивистов Соединенных Штатов Америки серьезной работе с документами!

Но ведь там на самом деле все-таки ребята сообразили, что надо научному сообществу принять меры самозащиты. И сделали они это еще в пятидесятые годы. Потому что еще в 1951 году ученые Соединенных Штатов столкнулись с людьми бессовестными – и в научных кругах (не только в гуманитарной области), и в среде архивистов.

Так вот в научной среде Соединенных Штатов с начала пятидесятых годов существует понятие «Misconduct in Science». Мягкая формулировка «Плохой поступок в науке». Но если поведение некоего лица подпадает под одну из статей перечня «Misconduct» (кстати сказать, он ежегодно пополняется; там есть, между прочим, даже такая статья, как «Принуждение к сожительству подчиненных»), утвержденного руководством Национального научного фонда (National Science Foundation) США, то эта мягкая формулировка статьи подобна смертному приговору. Между прочим, я упомянул уголовную статью, но там нарушители преследуются еще и по другой линии. В NSF действует главный инспектор по надзору, выбранный на этот пост как самый честный и компетентный из множества кандидатов на общенациональной конкурсной основе. Если факт нарушения удостоверен заключением экспертов NSF (а, между прочим, иногда там по два – три раза пересмотры бывают по апелляциям, и это все в рамках демократической процедуры), то этот чиновник единолично принимает решение о лишении нарушителя на несколько лет права получения грантов на ведение научных исследований. Но главное, это решение NSF публикует в своих изданиях (в годовом отчете), оно распространяется и через профессиональные журналы (то есть рассылается по всем электронным адресам в режиме «конференции»), и фактически такой человек навсегда выбывает из науки и высшей школы. Вряд ли какой-нибудь университет заключит с ним контракт в дальнейшем. Это моральная гибель профессионала.

Прошу обратить внимание на то, что это происходит вне всякого судебного преследования, вне Уголовного кодекса Соединенных Штатов или законов отдельно взятого штата. Это очень серьезная мера. Она, между прочим, нам ничего не будет стоить, на нее не нужны миллионные затраты. Это очень дешевая и очень эффективная мера.

Предмет моих размышлений – меры защиты.

Раз здесь идет речь о доступе, то, во-первых, необходимо сказать о защите права доступа к архивным материалам от всех жуликов, которые лишают других людей возможности использовать архивные материалы.

Второе – это меры по защите интересов архивов (государства и общества в целом) от недобросовестных пользователей.

Третье – это авторское право исследователей, связанное с использованием архивными источниками.

И те, и другие меры могут принимать сами архивные учреждения России, что предполагает усовершенствование закона об архивах. А самое главное – повышение социальной роли наших архивов в обществе.

Мне представляется целесообразным установить перечень нарушений правил пользования архивными источниками (вообще говоря, в правилах пользования они записаны), но их надо немножко по-другому повернуть, в другом аспекте сделать трактовку. Наказанием за нарушения должно стать лишение права пользования документами архивного фонда Российской Федерации, независимо от места их хранения – не в одном архиве, а во всей сети. Установленный факт нарушения должен быть подтвержден экспертным актом, на основании которого директор архива (директора архивов), где произошло нарушение, принимает решение о запрещении нарушителю доступа ко всем или отдельным видам находящихся в его компетенции архивных фондов и соответствующим архивным справочным аппаратам.

Затем незамедлительно данные о нарушителе, виде нарушения и принятых к нарушителю мерах наказания должны быть сообщены в Главк в Москву, где должен быть учрежден главный инспектор по надзору, принимающий решение о федеральном ограничении или ли-

шении лица, нарушившего правила, права пользования Госархивным фондом на определенный срок или навсегда.

Все возможные виды нарушений и соответствующие им меры наказания должны быть предусмотрены и перечислены в специальном документе, подлежащем утверждению Главархивом. Повторяю, что, разумеется, речь не идет о преступлениях в отношении архивных документов или архивов, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Однако лиц, отбывших наказание за такие преступления, имеет смысл автоматически лишать права пользования Госархивным фондом Российской Федерации – как ведомственную меру защиты.

Я прошу всех критиков и всех юристов, которые могут мне серьезно возразить, принять участие в дискуссии, потому что, возможно, я недостаточно компетентный в юриспруденции человек.

О факте нарушения и принятом решении о наказании, необходимо публиковать сообщение в архивных журналах и ежегодных отчетных изданиях архивов. В сообщении должно указываться, где имело место нарушение, оно должно быть разослано электронной почтой в режиме «конференции» в госархивы Российской Федерации, в профессиональные журналы по специальности нарушителя и в федеральные фонды, финансирующие ведение научных исследований и социальных программ.

Я имею в виду не только ученых. Ведь вы же знаете, что спектр пользователей весьма обширен. Среди них могут быть режиссеры, кинооператоры, музыканты, искусствоведы, писатели и так далее. В отношении иностранного подданного, нарушившего моральный кодекс пользователя Государственного архивного фонда Российской Федерации, представляется целесообразным уведомлять научное сообщество страны его подданства об установлении факта недостойного поведения нарушителя. Это может быть официальное обращение Центрархива нашего Главархива в журнал архивистов или историков Франции, например, где будет опубликовано открытое письмо нашего архивного руководства.

Я думаю, это очень серьезная мера, которая повысит уважение к нашей стране за рубежом, а главное – послужит острасткой для всех жуликов. Бесчестные люди должны знать о строгой наказуемости аморализма в науке, и угрозе удаления их из научного сообщества. Для осуществления предлагаемых мер понадобится их детальная разработка, (в частности, соблюдение правовой чистоты во избежание нарушения существующих норм) с последующим внесением изменений в законодательство — в закон "Об архивах" и иные соответствующие документы.

Ожидаемый результат. Улучшение морального климата в науке, а если взять шире – в обществе, повышение авторитета архивов как органов социальной, научной и иной информации, как органов самозащиты Государственного архивного фонда и как органов действенного контроля над соблюдением нравственности в сообществе, использующем архивные материалы (наука, культура и прочее).

И я, разумеется, добавлю, что это повысит возможность доступа к большому количеству архивных документов для исследователей, страдающих от такого рода нарушителей.

Российское общество должно создавать, иметь и использовать все законные средства для выхода из периода безнравственности, в том числе, и средства, создаваемые по инициативе снизу.

Большое вам спасибо.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Спасибо, Юрий Абрамович.

Вы знаете, я никогда не привлекался за хищение архивных или библиотечных материалов, но я напугался.

Вы же, вероятно понимаете, что в той же Финляндии или Соединенных Штатах никому в голову не придет лишать гражданина, даже если он уличен в подобных поступках,

пожизненно права посещать публичную библиотеку. Другое дело, частные библиотеки. Если я – владелец частной библиотеки, я вообще могу ввести собственные правила пользования своими материалами, и то с определенными ограничениями. Закон налагает и на владельцев частных библиотек и архивов достаточные ограничения.

Но если я, скажем, украл архивный документ, и это стало известно, и это доказано, то существует механизм уголовного преследования. Любые подобные конфликты разрешаются только через суд. Это единственный цивилизованный способ их разрешения. Если я это делаю второй, третий раз, тут уже вступает в силу понятие рецидива и предусматривается более жесткое наказание, в том числе и уголовное.

Так что подобные меры – пожизненно лишать гражданина его фундаментальных прав и его свобод это, слава Богу, недопустимо.

Я, может быть, преждевременно начал дискуссию. Я предлагаю сделать немножко раньше перерыв, через двадцать минут собраться и уже работать в режиме обсуждения. Спасибо.

(П е р е р ы в)

ДИСКУССИЯ

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Уважаемые дамы и господа!

Продолжаем работу.

Мы просили участников нашей конференции написать те темы для обсуждения, которые они считают приоритетными. У нас обозначилось всего шесть тем:

«Конституционное право граждан на доступ к открытой информации».

«Проблема защиты персональных данных».

«Что такое персональные данные».

«Проблема необходимости и достаточности причин засекречивания документов».

«О дифференциации и расширении проблематики доступа к архивным документам»

«Что такое "компромат" применительно к архивным документам?».

Здесь первая тема вычеркнута, потому что господин Виноградов уже выступил на эту тему. Третья тема относится к проблеме персональных данных и поэтому, очевидно, будем считать ее приоритетной. Начнем обсуждение с нее.

Я хотел вам предложить два микрофона и просил бы передавать их для выступления по рядам.

И еще раз прошу всех выступающих: будьте любезны, сначала называйтесь, потому что потом будет очень трудно расшифровывать стенограмму, а мы результаты нашей конференции будем издавать, и вы все эту стенограмму получите.

Позвольте сказать пару слов относительно проблемы персональных данных.

Очень сложно дать исчерпывающую формулировку понятию "персональные данные", хотя к этому, безусловно, нужно стремиться. Но мне кажется, что главный смысл закона о персональных данных, применительно к нашей стране – будущего закона, потому что проект этого закона благополучно "спит" в Государственной Думе уже целый ряд лет. Мы в этих стенах дважды обсуждали этот проект. Здесь присутствовали разработчики этого проекта, и мы с ними горячо спорили по целому ряду положений. И некоторые наши поправки, как они говорят, были учтены. Но закона до сих пор нет.

Основной смысл этого закона, как мне кажется, заключается в том, что он должен предоставить гражданину право самому распоряжаться собранной о нем информацией, самому решать – нанесет ли ему вред распространение этой информации или нет.

Конечно, дополнительные трудности здесь создает наша общинная психология, – ведь в русском языке даже нет эквивалента слову «privacy», нам приходится употреблять для обозначения этого понятия три слова. Причем я помню, как эксперты несколько лет бились над проблемой перевода этого слова на русский язык. И все-таки нашли формулировку, которая нам кажется наиболее удачной, – а именно "неприкосновенность частной жизни".

В прошлом веке, кстати, в русском языке существовало слово «приватность», оно имело право, так сказать, гражданства, но в этом веке оно благополучно исчезло; очевидно, вместе с исчезновением самой приватности.

Я согласен с Андреем Валериановичем, что определение «частная» (жизнь) здесь гораздо уместнее, чем «личная». Конечно, смысл «privacy» лучше передается словосочетанием «частная жизнь».

Прошу, кто хотел бы открыть дискуссию?
Пожалуйста, Татьяна Федоровна.

Т.Ф.ПАВЛОВА

Мы не впервые обсуждаем эту проблему (мне, во всяком случае, приходится принимать участие в ее обсуждении второй раз), и нужно отметить, что с 1997 года, когда я здесь была, вопрос не получил, как мы понимаем, развития и окончательного определения.

Кроме государственной тайны, на сегодняшний момент существует более 30 видов тайн. Анализ законодательной базы свидетельствует о том, что в этом деле есть некая неразбериха, поскольку границы некоторых тайн соприкасаются и как бы накладываются одна на другую. В частности, – тайны личной жизни, тайны семейной жизни, персональных данных в дефиниции, определенной Указом Президента, в котором были даны границы конфиденциальной информации. Здесь об этом говорили. То есть мы можем констатировать, что законодательно на данный момент нет точного определения понятия «персональные данные». Я согласна с теми выступавшими, кто считает, что предпочтительнее говорить о том, о чем уже прописано в Законе об информации, информатизации и защите информации, который трактует персональные данные только как информацию о частной жизни, а равно как информацию, нарушающую личную тайну, семейную тайну, тайну переписки и так далее. То есть, короче, в данном случае здесь говорится не о наборе номинативных данных, а о сугубо персональной информации.

Что можно здесь предложить для обсуждения? Мне кажется, что все проекты законов, с которыми мы можем знакомиться (и модельный закон, который уже принят для стран СНГ, и проект закона о персональных данных), – они рассчитаны на будущее или на сегодняшний день. То есть они рассчитаны на тех держателей, создателей банков персональной информации, которые работают сейчас, и должны будут работать в этом правовом пространстве. То есть предполагается, что будет проведено лицензирование этих организаций, которые на законных основаниях будут иметь право создавать массивы, банки и базы персональной информации, где может, наряду с просто номинативными данными о лицах, содержаться и какая-то информация, отнесенная именно к этой категории – частной и личной жизни.

Примером такой базы данных на сегодняшний момент можно считать персонифицированный банк данных, который создают органы Пенсионного фонда. Туда закладывается информация о служебной деятельности человека в процессе всей его жизни. И режим этого банка данных, или базы данных (персонифицированных данных о человеке) определен соответствующим законом, где всё прописано. Этот режим прекраснейшим образом корреспондируется с требованиями модельного закона и проекта Закона о персональных данных. Здесь прекрасно всё ложится. Речь идет о том, что этот закон, который существует в виде проекта или, к примеру, уже как модельный, не напрямую связан с положением в архивах. То есть в чистом виде он (его требования) **может быть применен** к условиям или порядку определения доступа к информации персонального характера, хранящейся в государственных архивах.

Что это значит? Я хочу обратить ваше внимание на некоторые пункты модельного закона, где говорится о принципах правового регулирования персональных данных. Персональные данные должны накапливаться для точно определенных и законных целей, не использоваться в противоречии с этими целями и не быть избыточными по отношению к ним. Кто-то (то есть какой-то держатель информации) создает эти базы данных. Применительно к нашему случаю, можно говорить о том, что есть некие категории архивных дел, которые содержат персональную информацию, которая на законных основаниях поступает на государственное хранение.

К ним можно отнести личные дела, пенсионные дела, которые в обязательном порядке поступают на государственное хранение и скапливаются практически во всех архивах

Российской Федерации. И мы на законных основаниях работаем с этими документами, с этими категориями дел.

Для чего эти архивы создавались? Они создавались для того, чтобы зафиксировать трудовой путь человека: это аналог того, что будет в свое время в банках данных персональной информации Пенсионного фонда. Пенсионные дела – это накопление информации о трудовой деятельности человека для того, чтобы установить ему соответствующую пенсию. И эти дела на законных основаниях поступают в государственные архивы.

Следующий пункт. Персональные данные должны храниться не дольше, чем этого требует цель, для которой они накапливаются. По достижении этой цели они подлежат уничтожению за их надобностью. Все это прекрасно корреспондируется с требованиями архивного хранения, когда через 75 лет документы по личному составу или документы, содержащие персональную информацию, проходят экспертизу и уничтожаются, а остается некая часть из них, определенный процент – просто для исторических исследований.

И, кстати, модельный закон, и Закон о персональных данных, который мы имеем в виде проекта, предусматривают, что правовой режим персональных данных с момента смерти субъекта персональных данных подлежит замене на режим архивного хранения. То есть надо понимать, что режим архивного хранения – это нечто другое. И все эти ограничения, которые прописаны и столь строго в проекте модельного закона, и закона о персональных данных, не распространяются на архивное хранение.

Мы у себя в Росархиве подготовили проект порядка, или регламента по работе с персональными данными. Послали его специалистам, и буквально за два дня до отъезда получили ответ из Института государства и права. Я, честно говоря, боялась, что нам Институт государства и права скажет, что мы не имеем права разрабатывать такой проект, пока нет базового закона. Они нам этого не написали, значит, понимают, что мы вправе на своем уровне разрабатывать такой порядок, учитывая специфику хранения документов в государственных архивах. В чем эта специфика заключается? Об этом здесь не говорили, но мне кажется, что нужно понимать: в архивы попадают документы, содержащие персональную информацию, которые никогда не предназначались к тому, чтобы к ним имели доступ и с ними работали пользователи. Что я имею в виду? К примеру, те же материалы КПК, Комитета партийного контроля, который являлся органом, который разбирал персональные дела коммунистов. И для этих целей документы и хранились. Почему? Потому что могли быть поданы кассации по этим делам, потому что люди могли обратиться с просьбой о пересмотре их дела – и так далее. То есть эти дела никогда не предназначались для того, чтобы их изучали, писали по ним диссертации, обсуждали чей-то морально-этический облик. Но они оказались в архиве и лежат на государственном хранении, и существует проблема доступа к таким документам. И архивисты испытывают прессинг в части определения, как работать с этой документацией.

Здесь был задан вопрос: «Что такое компромат?» Так вот как раз в этой категории дел компромат есть, и его там достаточно много. Причем не только в тех случаях, когда партийные органы доказали, что человек совершил какой-то проступок, и этот факт зафиксирован, после чего человек снят с должности или его лишили партийного билета. Но там много компромата недоказанного, то есть просто говорится о том, что есть жалобы, есть доносы, обращения и так далее. Иными словами, это та категория информации, о которой архивисты должны знать, как с этой категорией информации поступать, кому ее можно предоставлять, кому нет. Это уже задача определения правила. И мы должны решить эту проблему.

Как мы пытались ее решить в этом документе? Ведь, кроме того, есть еще огромная категория документов, которые оказались в составе других документов разного уровня органов власти, когда люди сами обращались с различными просьбами и в своих письмах и обращениях писали все о себе, своих родственниках и так далее. То есть эти письма посылались не для того, чтобы потом они попали в архивы и их изучали посторонние люди; они писались для того, чтобы с их помощью решить какие-то практические проблемы, возникавшие перед конкретным заявителем.

Полемика по этому вопросу идет уже давно. Мы считаем, что информация о служебной и творческой деятельности человека, кем бы он ни был, не может быть закрыта. Человек, образно говоря, стал частью истории. Он прожил жизнь, от него остается след. Живет он или умер, это неважно; но то, что он жил, и существовало именно такое конкретное лицо, персонифицированный уже облик, человек трудился, имел какие-то награды – это важно. По сути, – это то, что входит в набор любого справочника, любой энциклопедии, любого энциклопедического издания.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

То есть вы, извините, имеете в виду, что его публичная жизнь не может переходить в разряд частной.

Т.Ф.ПАВЛОВА

Да. Информация об его публичной жизни не может быть предметом ограничений, потому что служебная деятельность, творческая деятельность – именно эта информация не должна быть закрыта. Когда она доступна (то есть она в таком виде и существует), здесь никаких проблем нет. Но если эту информацию надо извлекать из, допустим, дел, где наряду с этой информацией есть и другая, подлежащая закрытию по всем канонам, здесь – проблема. Каким же образом она может быть решена? Мы архивистам предлагали: или копируются те листы, которые необходимы для того, чтобы получить набор сведений о человеке, или же архив делает справку, то есть выбирает из суммы информации то, что входит в этот «джентльменский набор» информации о человеке. Здесь варианты есть, пожалуйста.

Теперь, что касается массовой документации, где много сведений персонального характера. Речь идет о документах, в которых находятся, допустим, личные дела. Исследователь приходит, изучает деятельность какого-то органа власти или какого-то учреждения, организации. Он, естественно, интересуется кадровым составом; ему просто необходимо для тщательного исследования, особенно процессов, происходивших в двадцатых – тридцатых годах знать, как менялся кадровый состав, что с ним происходило, кто стоял во главе этой организации, как и почему менялись руководители, а соответственно менялась, может быть, их позиция. Исследователю необходимо также ознакомиться с личными делами. Здесь, я думаю, мы тоже должны найти взвешенный подход. Если исследователь приходит из института с письмом, что он работает над определенной темой, то ему можно без ограничений предоставлять набор этих дел. И он может сделать статистическую выборку из кадрового состава (какого возраста, какого пола и так далее – в зависимости от стоящих перед ним задач). У нас такой вариант заложен. При проведении социологических, демографических и различных других исследований, при изучении разного рода деятельности, такая возможность предоставляется.

Если человек что-то обнаружит, извлечет и потом это использует во вред какому-то лицу, я считаю, он должен нести за это ответственность, отвечать перед судом. И архивисты, в этом плане, должны быть избавлены от комплекса неполноценности. Мне кажется, это единственно возможный подход для того, чтобы архивисты не испытывали страх перед каждым пользователем.

Но есть, конечно, категория архивных дел, которые уже защищены законом. Я имею в виду судебно-следственные дела, фильтрационные дела, по которым у нас есть и Закон о реабилитации, и разработан регламент доступа к судебно-следственным фильтрационным делам, который мы разработали еще несколько лет назад. Сейчас мы его дорабатываем, совершенствуем, и он проходит рецензирование. Мы его в обязательном порядке будем утверждать в Минюсте. Этот документ будет определять порядок доступа к такой категории дел с учетом современного законодательства.

Проблемы здесь есть. Я приведу только один пример. Был председателем комиссии по реабилитации писателей некто Шантолинский (наверное, вы знаете, что он автор многих

книг), и лет пять назад проходила вторая конференция под названием «КГБ вчера, сегодня и...». Он в своем выступлении на этой конференции сказал: «Я был горячим сторонником безграничного доступа к документам КГБ, я имею в виду следственные дела по 58-й и по другим статьям. Был горячим сторонником! Но когда я серьезнейшим образом вник в эту проблему, я понял: ни в коем случае нельзя допускать кого угодно к этим делам».

И привел такой пример (конечно, не называя фамилию): «Я изучал судебно-следственное дело одного из известных наших писателей, который был расстрелян, и обнаружил, что у него в деле (это было многотомное дело) сохранилась переписка с любимой женщиной, с которой он долго переписывался. Его вдова была еще жива, и посвятила всю свою жизнь тому, чтобы сохранилась добрая память о муже. Она все эти годы издавала его произведения, боролась за его честное имя. Если бы ее допустили в архивы, и она посмотрела дело, это ее просто бы убило, она бы умерла».

Я видел не одно такое дело и считаю, что здесь должен быть определенный подход, иначе это может нанести только вред».

Еще один момент. Мы говорим, что нужно при разработке и установлении правил пользования персональными данными обязательно учитывать целевое назначение, – для каких целей эта информация затребована? Мы понимаем, что работают общества "Мемориал", и их задача – увековечение доброй памяти лиц, пострадавших от политических репрессий. Мы, безусловно, не можем им не давать эту информацию, потому что она запрашивается для того, чтобы восстановить доброе имя пострадавших. Вы знаете, что по материалам ФСБ делаются специальные базы данных захороненных и погибших на Бутовском полигоне под Москвой. Это специальный том базы данных, туда вводится вся информация – вплоть до фотографий. Этим же занимается Архив или Фонд Сахарова, он тоже делает такую же базу данных, и им никто не препятствует в этом.

Недавно на приеме у Владимира Петровича Козлова были представители православной церкви, которые занимаются вопросами реабилитации церковнослужителей и мирян, репрессированных в период сталинских репрессий. Конечно, никаких ограничений в выдаче материалов быть не может, потому что цель у них самая благая – гуманитарная цель: они разыскивают информацию о пострадавших. Из всей суммы данных они ищут информацию о тех, кто с достоинством пронес свое имя, не уронил свою честь, прежде всего – православно-го человека, и пострадал за веру. Конечно, им дали возможность смотреть все дела подряд и делать выборки, чтобы составить свои заключения – профессиональные, объективные и так далее.

Короче, я хочу сказать, что здесь нужны, конечно, очень тщательно взвешенные подходы, но самое главное – мы должны дифференцировать эти подходы, мы должны понимать, какие приходят исследователи, каковы их цели, и работать дальше в этом направлении.

Проект документа, который мы разработали, замечаний принципиального характера у Института государства и права не вызвал. Там всего два замечания по структуре, и они легко снимаются. Если этот документ будет усовершенствован и принят, если нам разрешат утвердить его без согласования с Минюстом, то мы можем его сделать рабочим документом. Тогда с ним смогут работать все сотрудники архивов разного уровня. Он поможет и практическим архивистам. Вот то, что я хотела сказать о персональных данных.

И по затронутым вопросам, в частности, по вопросу, поднятому Юрием Абрамовичем, я хочу сказать вот что. Когда мы разрабатывали правила работы пользователей в читальных залах, мы разрабатывали их с учетом, конечно, современной правовой и законодательной базы. И в старых Правилах у нас были попытки дать руководителям архивов право отлучать от архивов тех, кто нарушает эти правила: повреждает документы, вписывает что-то, – был составлен целый перечень нарушений. Нам говорили, что директор архива не имеет никакого права отлучать человека от возможности пользования информацией. Если эти нарушения подпадают под статьи уголовного права, то, пожалуйста, подавайте на нарушителя в суд; если под административное право, – пожалуйста, действуйте в установленном порядке. Но запре-

щать кому-то приходить и пользоваться документами, мы не имеем права. Это положение и нашло свое отражение в новом документе.

Попытки отлучить нарушителей от посещения архивов бывали. У одного из директоров архива такая попытка закончилась ничем. В архив пришел некий пользователь, чтобы прочитать дело своего дяди. Читал он, читал, и ему все это показалось враньем; тогда он взял карандаш и начал подписывать: "вранье", что-то вычеркивать – словом, править. Когда это обнаружилось, архивисты пришли в ужас и готовы были его выгнать из архива на веки вечные, а он им сказал: «Вы мне не показали правила, где сказано, что этого делать нельзя. Вот если бы вы мне их показали, и я прочитал, что можно делать, а что нельзя, то ни в коем случае этого делать не стал бы. А когда я увидел эту наглую ложь, – так он выразился, – то начал тут все исправлять. Здесь переврано было все, начиная с даты его рождения».

Как видите, это очень тонкая материя. Хотя я сама профессиональный архивист, но я понимаю, что мы, используя такие методы, будем потом бегать по судам и бесконечно разбираться.

Что касается «морального кодекса» пользователей, то у нас есть Российское общество историков-архивистов. Для них это прекрасная задача – с помощью наших практиков-архивистов попытаться создать модель идеального пользователя и сформулировать его «моральный кодекс»; но это будет «рекомендательный» образ идеального пользователя. Тем не менее, это сделать, может быть, и нужно.

А так мы, конечно, готовы работать индивидуально с каждым исследователем. Что касается воровства и повреждения документов, это особая статья, и с этим архивисты борются. Спасибо.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Спасибо.

Татьяна Федоровна, вы говорите, что никто не препятствует, например Фонду Сахарова и другим подобным центрам, получать информацию, касающуюся жертв политических репрессий. Но вот здесь сидит директор Научно-исследовательского центра «Мемориал» – Иофе Вениамин Викторович. Я думаю, что он может сказать несколько слов на эту тему.

Я ведь в 1997 году приводил, если помните, пример из собственной практики, когда мне ФСБ категорически отказывалась выдавать информацию по моему собственному делу, хотя я как реабилитированный имел полное право на доступ к ней, и только угроза подать на них в суд возымела действие.

Я прошу господина Козлова. А потом Вениамин Викторович.

В.П.КОЗЛОВ

Я бы хотел начать с более широкого круга проблем.

Я набросал небрежную такую табличку. Я просто хотел бы с помощью этой табличкой показать, во-первых, систему создания информации, которая рано или поздно становится архивной; и, во-вторых, показать, что уже с момента ее создания происходит процесс, к сожалению, ограничения информации.

СХЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ДОКУМЕНТА

- I. Создание.*
- II. Оперативное бытование.*
- III. Архивный документ.*
- IV. Публичный документ*
(Исторический источник)

Описание Обнародование Опубликование

Любой документ, создающийся в государственной структуре (любой официальный документ) проходит, на мой взгляд, четыре стадии бытования. Первая стадия – подготовка,

или создание, документа, и на этой стадии действуют как бы две возмущающие силы. Первая возмущающая сила – это цель, или задачи, которые поставлены перед составителем документа; и второе – способность автора документа эту цель реализовать в виде документа.

Самое любопытное, что в архив в подавляющем большинстве случаев те варианты документа, которые создаются в процессе его подготовки, практически не попадают; за небольшим исключением они ликвидируются даже не на этапе экспертизы ценности этих документов. Таким образом, уже здесь происходит ограничение, условно говоря, будущего доступа к информации.

Вторая стадия бытования документа – это его оперативное бытование в качестве, так сказать, регулятора общественно значимых процессов, то есть тогда, когда он выполняет какую-то коммуникативную роль, управленческую роль и прочее, и прочее, и прочее. Здесь документ приобретает дополнительные информационные свойства за счет, прежде всего, резолюций и так далее. Начинается его, так сказать, движение.

Заканчивается его оперативное бытование, и документ становится архивным документом, попадает в архив. Здесь существует очень высокая степень угрозы его утраты. Почему? Потому что не все документы, даже уже после того, как они выполнили свою функцию, будут обречены на вечное хранение. Архивисты определяют сроки хранения каждого конкретного документа, в том числе определяют и те документы, которые на основании перечня подлежат вечному хранению. Вот буквально на той неделе один из таких перечней я утвердил, и по нему практически будет вестись работа всех государственных структур в части, касающейся определения сроков хранения и, самое главное, определения того, подлежит тот или иной документ вечному хранению или нет.

Так документ переходит в третью стадию – архивный документ. Здесь самое интересное и начинается. Я бы хотел напомнить об очень важном докладе, с которым выступил вчера Игорь Николаевич. Доступ к архивному документу – это проблема не только его рассекречивания или засекречивания.

Документ может быть рассекречен, но если он не описан, если он не включен в публичный научно-справочный аппарат, такой документ все равно остается вещью в себе, непознанной и, в общем-то, недоступной.

Поэтому первая проблема обеспечения доступа к архивной информации – это проблема описания архивного документа, проблема превращения этого описания в публичное описание для того, чтобы он был равнодоступен и общедоступен. Когда произошло это описание, когда информация о нем помещена в публичные справочники, когда пользователь может воспользоваться любым публичным справочником – вот тогда документ, на мой взгляд, становится историческим источником.

На этой стадии действует еще одна возмущающая сила, о чем очень много говорилось вчера. Я имею в виду засекречивание, гриф секретности или же какие-либо ограничения на доступ, связанные с персональной информацией, информацией о частной жизни – неважно.

Для того чтобы все-таки понять, почему документы, переданные в архив и утратившие свое оперативное бытование, иногда остаются засекреченными, следует учитывать, что, начиная с создания документа и его оперативного бытования, то есть на первой и на второй стадиях, у авторов, которые создавали этот документ, была и существует какая-то определенная философия засекречивания. Применительно к документации советского периода эта философия вполне понятна. Первая группа, по отношению к которой существовало это безусловное стремление закрыть, сделать ограниченными сведения, действительно составлявшие государственную тайну: какие-то новые образцы вооружений или техники, какие-то сведения оборонного характера, имеющиеся в любом государстве. Вторая группа засекречивавшихся сведений засекречивалась, исходя из соображений той политической, идеологической системы, которая существовала. Сегодня в государственных архивах России таких документов огромное количество. Таким образом, если относительно первой группы можно спорить, стоит допускать пользователей к этим сведениям или не стоит, то совершенно оче-

видно, что вторая группа сведений теперь (и об этом много говорили вчера) не составляет государственной тайны. Но определение этой группы сведений как раз и представляет собой всегда очень большие сложности. В любом случае – и сегодня, и завтра, и в нашей стране, и в других странах этот процесс неизбежно будет носить субъективный характер. Я в этом глубоко убежден. Особенно в той части, которая касается персональных данных или данных о личности.

Теперь перехожу непосредственно к конкретным вопросам. В 1992 году мне пришлось вскрывать конверт с последними прижизненными фотографиями Ленина. Мы не знали, что там находятся фотографии, поэтому нужно было проверить, что там такое. Конверт находился на сверхсекретном хранении. И гриф секретности был снят мною персонально, несмотря на огромное сопротивление моих коллег, подчиненных, которые говорили, что подобного рода документы делать открытыми нельзя.

Я тогда говорил приблизительно то, что скажу и сейчас. Я сказал, что, поскольку эти документы сегодня (перед смертью Ленина это, возможно, составляло государственную тайну, так как характеризовало здоровье тогдашнего главы государства) государственной тайны не составляют, и поэтому они должны быть доступны.

Я глубоко убежден, что проблема доступа к персональным данным – это не законодательная проблема, это проблема нравственная. Как историк-исследователь я никогда бы эту страшную фотографию Ленина на обложку книги, как это сделал Дмитрий Антонович Волкогонов, мною уважаемый, не поместил бы.

Я никогда бы не стал ее публиковать, ибо не хочу, чтобы, скажем, когда-нибудь, лет через сто, «больную» фотографию, допустим, мою кто-то поместил в какой-то книге. Вот этот нравственный аспект в определении доступа и в использовании документов персонального характера, мне кажется, и есть самый-самый главный нравственный аспект. И никакими законодательными нормами мы никогда эту нравственную дилемму доступа и использования – подчас очень деликатной информации – не решим.

Спасибо.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Спасибо.

Но если человек претендует на столь высокую публичную должность, он, безусловно, обрекает себя на отсутствие права на частную жизнь. Он должен быть готов к тому, что любая информация о нем, в том числе и о его последних днях, станет достоянием общественности. Это, по-моему, аксиома.

В.П.КОЗЛОВ

Но это не его информация, это информация о нем.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Совершенно верно. Это и есть информация о нем.

Что здесь нравственнее: опубликовывать такую фотографию или скрывать от общества, в каком состоянии находился глава государства в последние годы?

Прошу вас, Вениамин Викторович.

В.В.ИОФЕ

Я очень раз, что это выступление предшествовало моему, потому что я хотел говорить примерно о том же.

Поскольку мы (имеется в виду «Мемориал») давно занимаемся историей политических репрессий, то, естественно, знакомясь с теми или иными архивными документами государственных, частных, каких угодно архивов, рано или поздно все равно становимся облада-

телем каких-то сведений, которые, вообще говоря, не надо публиковать по разным причинам.

Я бы хотел, чтобы вы немножко поменяли точку зрения, вот по какому вопросу. Дело в том, что, попытки создать архивную полицию, которая по точно прописанным правилам будет что-то закрывать или запрещать, бессмысленны. Мы все равно полноту жизни в полицейские нормы, даже архивно-полицейские нормы, не уместим никогда. Так или иначе, это все равно дело пользователя, его нравственных основ. Понимаете, самое главное, как информация будет использована, и кто несет ответственность за ее использование. Ответственность за использование этой информации несет, в конечном счете, пользователь, а не архив; и незачем придумывать архивную полицию.

Я хотел бы отметить еще один важный аспект. Здесь говорилось о том, что служебная деятельность человека должна быть абсолютно открытой. Я бы сказал «публичная деятельность», потому что понятие «публичная деятельность» шире, чем «служебная». И существующая тенденция всё закрывать (мы с этим часто сталкиваемся и в государственных архивах, я уж не говорю про архивы ФСБ), вообще говоря, базируется на ложных основаниях. Выступления на собраниях – это тоже публичная деятельность. Кстати, о заявлениях в государственные организации. Человек пишет заявление, и это, простите меня, акт его публичной деятельности. И не надо считать, что он писал, не думая, что это, возможно, будут публиковать. Если человек обращается в государственную организацию, то он понимает, что обращается в государственную организацию, это открытый поступок.

Тут прозвучал вопрос: «А если он пишет донос?» Если он это делает в порядке оперативной деятельности, и государство ему гарантировало секретность – это один вопрос, и он определяется совсем другими параметрами. А открытые доносы попадают в архивно-следственные дела, потому что государство никаких обязательств по этому документу не давало, такой донос включается в следственное дело, – в отличие от оперативной информации. Как раз здесь нет больших сложностей в том, чтобы различить эти вещи.

А если взять публичные выступления, которые зачастую не лучше, чем доносы? Мы сталкивались с этим в Партархиве, когда речь зашла о публикации выступлений писателей по поводу Постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». Нам стали говорить, что они «компрометируют». Компрометируют кого? Зощенко и Ахматову или выступавших?

Выступление – это публичный акт, значит, им можно распоряжаться, и распоряжаться им будет пользователь.

Я бы хотел подчеркнуть, что не надо забывать, – мы живем, в общем-то, в открытом мире. Мы все очень склонны к тому, чтобы что-то запретить, закрыть. Но мир, в котором мы живем, вообще говоря, открыт, и нет необходимости скрывать эти сведения.

Вы меня простите, но набор персональных данных о жителе нашего города можно купить, как известно, на черном рынке за 50 долларов. И поэтому что-то комбинировать с данными, которые, так или иначе, может получить любой, не имеет смысла. Да, получить, возможно, противозаконным путем; так мы и живем в довольно криминогенном, аморальном мире.

Прежде всего, мы должны создать моральное государство, а потом оно уже будет правовым. Мне это известно, к сожалению. В частности, чтобы оно было моральным, каждый человек должен знать, что любой его публичный акт, в принципе, открыт. И если мы этого будем придерживаться, это и будет основой для морального и правового государства. Всё, спасибо.

В.М.ПАНЕЯХ

Я хотел коснуться некоторых вопросов, которые здесь обсуждались вчера и сегодня. В частности, вопроса о проблеме частной жизни, закрытости частной жизни.

Волей случая, я оказался одним из участников публикации «Академического дела» 1929-1931 годов. И как оказалось, стал нарушителем закона, поскольку на эти дела существует 75-летний мораторий. Хотя разрешение от архива ФСБ было получено. Но тут, оказы-

вается, имеет место некий селективный подход: архив ФСБ дает разрешение на печатание того, что он хочет, чтобы было напечатано. А на то, что не хочет, — не дает разрешения. Вот, пожалуйста, сейчас, в 2000 году опубликовано «Академическое» дело, дело Союзного бюро меньшевиков. А дела-близнецы — Трудовой крестьянской партии и дело Промпартии не опубликованы, и на их публикацию не дают разрешение.

Здесь, мне кажется, сам по себе закон, налагающий 75-летнее ограничение, по-моему, не правовой закон. Мне кажется, раздававшиеся здесь призывы не публиковать следственные дела, допросы, в наших условиях совершенно неправильные призывы. Это очень важный исторический источник. Невозможно обезличивать нашу историю. И это очень важный источник, как оказывается, в совершенно неожиданных аспектах. Например, одним из персонажей «академического дела» был будущий академик Дружинин, который был арестован в Москве в сентябре 1930 года и через шесть недель был освобожден. В этом деле есть сведения о том, что он обязуется давать сведения, как сказано, государственным организациям (ОГПУ) о контрреволюционной деятельности коллег.

Мы с моими коллегами по работе долго думали, что же с этим делать. С одной стороны, это необходимо было опубликовать, потому что страна должна знать своих доносчиков. С другой стороны, жива его жена. И мы предполагали, что если мы это опубликуем, то она нас просто сотрет в порошок. Но возникла совершенно неожиданная ситуация. Она опубликовала сама мемуары Дружинина «Мои аресты» (1918, 1922 и 1930 годы), в которых он все это описывает, заканчивая словами: «Я взял телефон и ушел». Потом это стало известно, помимо этого следственного дела. И, конечно, мы теперь это опубликуем. Но тут возникает целый ряд проблем. Например, после того, как мы издали «Академическое» дело, в наших газетах (в «Невском времени») было напечатано два письма с протестом против его публикации. В них говорилось, что это, де, порочит крупнейших ученых. Мы считаем, что это порочит не ученых, а систему, что это порочит строй.

Почему важны, в частности, такого рода публикации? Вот я вам приведу такой пример. Существует концепция всеобщего масонского заговора, который и привел к февральской революции, затем октябрьской и так далее, и тому подобное. Это было и в мемуарах Берберовой, и в целом ряде статей. И ссылались, в частности (очень такой существенный источник), на воспоминания бывшего министра временного правительства Некрасова, который, якобы, вспоминал о том, как это все происходило в семнадцатом году.

Теперь стало известно, что эти документы на самом деле являются не его воспоминаниями, а его допросом в 39-ом году, на котором он всё это рассказывал. Эти документы лежали в архиве неиспользованными. В семидесятых годах одиозный историк Николай Николаевич Яковлев был вызван к Андропову, который дал ему это следственное дело и предложил использовать его в книге «Первое августа 1914 года» с целью дискредитации либералов, сионистов и всех прочих. В очередном издании своей книги Николай Николаевич Яковлев рассказал об этом в послесловии. И теперь понятно, откуда это взялось. Так вот, возникает вопрос: следует публиковать такого рода следственные материалы 1939 года, выходящие за пределы, так сказать, разрешенного, или не следует? С моей точки зрения, тут вопроса нет. Это необходимо. Это, так сказать, одна из сторон следственных дел.

Здесь предлагалось публиковать приговоры, и не публиковать допросы. Это вообще бессмысленно, потому что приговоры без допросов непонятны. Что такое приговор? Статья 58 пункты 10, 11 — социально опасный элемент — пять лет лагерей. Всё. Вот и весь приговор, потому что он выносился «тройкой».

Теперь возникает еще ряд проблем, связанных с частной жизнью. Взять, к примеру, переписку, которая лежит в архиве. Я — историк, и не представляю себе, как можно писать о людях (ученых, писателях), не используя их переписку. Значит, история становится абсолютно обезличенной на протяжении последних 75 лет. Вот я, например, написал книгу об одном историке (книга только что вышла) и должен вам сказать, что я нарушил все законы, которые только возможно было нарушить. Я нарушил законы, здесь вот их называли нрав-

ственными законами. Но невозможно написать о человеке, не прибегая к вторжению в его личную жизнь, и я это сделал – осознанно. Я должен сказать, что я писал о своем учителе. Но это накладывало на меня дополнительные обязательства. Я, например, написал, что после лагеря, из которого он вышел в 1933 году, он лечился у психиатра. Вы можете сказать, что это вторжение в личную жизнь. А я вам возражу, что это позволило ему остаться в Ленинграде, его не выслали, потому что он представил справку, что лечился у психиатра. Тут можно очень много приводить такого рода примеров. Мне кажется, что существующая система использования личной информации несовершенна. Во всяком случае, для историков она абсолютно непригодна.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Извините, что значит «несовершенна»? Системы вообще нет как таковой.

В.М.ПАНЕЯХ

Здесь говорят: следственные дела нельзя публиковать...

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Ссылаются, в основном, на ведомственные распоряжения, а в отсутствие закона о персональных данных, системы такой нет. Но вопрос этот очень сложный. Я, например, согласен больше с Татьяной Федоровной, чем с вами, что гражданин, конечно же, должен быть защищен от вторжения в его частную жизнь. Другое дело, – что считать частной жизнью?

В случае с вдовой писателя, – да. Это – крайне сложный вопрос. Я не представляю, на каком основании можно снимать ограничения с этой информации. Если академик Дружинин дал подписку, что он будет стучать на коллег, на кого угодно, и не стал этого делать, и никто в результате этого не пострадал ...

В.М.ПАНЕЯХ

Мы не знаем этого.

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Вот. Понимаете, вот это очень важно. Если никто не пострадал, этот факт остается фактом его личной жизни.

Здесь вступают в игру и другие моменты. Но если в результате этой его подписки пострадали многие люди, то это, конечно, из частной сферы переходит в сферу общественную. И тогда совершенно естественен интерес и современников его, и потомков тех людей, которые пострадали, и этот интерес должен быть удовлетворен. В данном случае эта информация не подлежит защите по закону, по будущему Закону о защите персональных данных, который, надеюсь, все-таки будет принят.

В.М.ПАНЕЯХ

Борис Павлович, а если мы не знаем, – пострадали или не пострадали?

Б.П.ПУСТЫНЦЕВ

Если мы не знаем, значит, не будет заявления, значит, никто не будет говорить: «Я пострадал от него». Вот если кто-то сказал, то это уже факт.

Прошу прощения, у нас еще несколько выступающих: господин Вдовин, господин Воронков, господин Нетупский, потом господин Раскин. Я чувствую, у нас будет живая дискуссия.

Сейчас позвольте предоставить слово Юрию Иннокентьевичу Вдовину, другому ведущему нашей конференции, заместителю председателя правозащитной организации «Гражданский контроль».

Прошу вас.

Ю.И.ВДОВИН

Спасибо.

Разговоры, которые у нас здесь идут, они побуждают всех обязательно что-нибудь сказать. Я тоже решил выступить.

Для сведения хочу сообщить гражданам о том, что партия и правительство, – или как у нас теперь, без партии и правительства – приняли решение о создании реестра граждан. Существует документ, который это регламентирует. И петербургская часть этого реестра уже вроде бы составляется. Попытки получить сведения об этом реестре, и, в частности – кто к нему будет допущен, пока у меня не увенчались успехом. Я знаю, что в этом реестре 17 позиций персональных данных о каждом из нас; доступ к этому реестру будут иметь чиновники почти всех уровней, и депутаты всех уровней. Я не сомневаюсь, что этот реестр тоже поступит на рынок. И стоить он будет не 50 долларов, а значительно дешевле. Сейчас два доллара стоит болванка для записи, запись этих данные – ну еще доллар. Так что стоить он будет доллара три-четыре. И каждый сможет купить персональные данные о любом из нас.

Мне довелось комментировать известие об этом решении в нескольких средствах массовой информации. Господин Козлов сказал, что не нужно принимать Закон о персональных данных. Пока не будет Закона о защите персональных данных, никакие реестры данных не должны возникать. Потому что пока не будет каких-то механизмов, защищающих персональные данные, мы не можем рассчитывать на их законное использование.

Есть еще одна проблема. Например, чиновникам нужны эти наши персональные данные, но мне кажется, они должны быть анонимными. Например, чиновники должны знать, сколько на каждого из нас приходится квадратных метров жилой площади. Но зачем им сведения о фамилиях, днях рождения, еще какие-то наши данные? Чиновник должен думать, каким образом статистически решить поставленные перед ним задачи. Поэтому персонифицированные данные чиновникам вообще не должны, по-моему, поступать. Они могут поступать только с нашего с вами согласия. Что касается другой информации, – чиновник должен иметь какие-то статистические выборки, на основании которых он может принимать то или иное решение.

Поэтому, мне кажется, что одна из основных задач, которую мы все на своем уровне должны решить, – это любым способом содействовать принятию Закона о защите персональных данных. Проект этого закона здесь, у нас, уже обсуждался. Этот проект родился в стенах Совета безопасности. Это не та организация, которая, как мне кажется, должна была сформулировать Закон о защите персональных данных. Но, тем не менее, он как раз оттуда вышел, и в нем отражаются именно интересы спецслужб: иметь возможность держать под контролем каждую «персоналию». С этим категорически нельзя согласиться.

Потом дальнейшее продвижение проекта этого закона, так сказать, застопорилось; менялись люди, входившие в команду разработчиков и т.д. И этот закон тихо «почил в Бозе», точно так же, к сожалению, как и Закон о доступе к информации, название которого менялось (О праве граждан на доступ к информации); этот закон тоже был сформулирован в интересах организаций, которые не хотят, чтобы граждане имели доступ к информации. Оба эти документа (Закон о защите персональных данных и Закон о праве граждан на доступ к информации) должны дополнять друг друга, должны и обеспечивать права граждан на доступ к информации, и защищать при этом права граждан.

Потому что в нашей стране, по большому счету, еще не созрело ощущение того, что всё (абсолютно всё!), что в ней делается, должно делаться с одной единственной целью, если хотите – национальной идеей: защитить права и законные интересы граждан. Если государство преследуют какие-то другие цели, тогда я не знаю, зачем мне это государство нужно. Можно сколько угодно разглагольствовать о геополитических интересах, национальных ин-

тересах, еще о каких-то интересах. Однако если эти интересы противоречат интересам защиты прав граждан, такие интересы не нужны, с моей точки зрения.

Теперь к разговору о персональных данных, личных данных, архивных данных в делах. Мне довелось (когда я был депутатом городского Совета) участвовать в одной акции. Специалисты, занимавшиеся изучением творчества Ахматовой, обратились ко мне с просьбой посодействовать в получении следственных материалов по Ахматовой. Я обратился в наш «Большой дом» и получил такой ответ: дело Ахматовой содержит много информации, которая не может быть разглашена именно по соображениям такта, этики и так далее. И тут я тоже задумался, подобные истории мне знакомы. Но мне кажется, что все-таки распоряжаться тем, какие архивные материалы можно предоставлять и кому, должны не ЭфЭсБэшники, а архивные работники и те ученые, которые являются специалистами по этим материалам или делам. Я надеюсь, что у них все-таки понятия о чести и достоинстве значительно больше, чем в недрах КГБ. Я так, во всяком случае, думаю.

Теперь о вопросе, который только что поднимал предыдущий оратор. Он говорил о том, что целый ряд обстоятельств обусловил необходимость опубликовать упомянутые им материалы. Я с ним полностью согласен, и вот почему. Мы часто сталкиваемся с фальсифицированным делом, из материалов которого можно выяснить, насколько были обоснованы, скажем, репрессии, которые применялись по отношению к тем или иным людям. Обязательно нужно все это знать, потому что иначе мы не сможем оценить в их полноте события, связанные с конкретными людьми; не сможем доказать, что люди были оклеветаны, что людей вынудили давать какие-то показания, а ведь показания, как мы знаем, вырывались силой. Когда и какие показания давал человек (и наверняка не с букетом цветов его допрашивали о мажонских ложах или еще о чем-то), он не написал об этом в своих мемуарах, — ему потом могли приписать что угодно. Вся эта ложь, конечно, нуждается в разоблачении сегодня, а не через триста лет, и даже не через 75.

Еще один вопрос. По теперешним законам, наверное, такое было бы невозможно, но если кто-то помнит, примерно в 70-е годы в одной из книжек "Нового мира" (я просто случайно вспомнил) были опубликованы черновики личных писем Цветаевой. Я прочитал эти письма. Я просто был потрясен этими письмами, потому что в наш очень быстрый век само понятие «черновик» письма уже отсутствовало. Каждый черновик этого письма я читал, наслаждаясь эмоционально, получая удовольствие от стиля письма, от интеллектуального и какого-то духовного напряжения, которое сейчас утрачено; мне оно было, во всяком случае, незнакомо. Грандиозность фигуры Цветаевой для меня предстала просто совершенно на другом уровне. И мне было бы очень жалко, если бы эти письма опубликовали после моей смерти, и я не смог бы их прочитать. Я очень рад, что мне удалось эти письма прочитать. А тогда со времени их написания прошло значительно меньше, чем 75 лет.

Здесь, конечно, следует различать: одно дело — 75 лет, когда речь идет об обывателе Вдовине, тогда это нормально. Если обо мне имеются какие-то неприятные для моих родственников сведения, то их не надо публиковать. Это нарушение закона. Но к персональной информации людей известных, игравших значительную роль в обществе, к которой имеется общественный интерес, к ней, безусловно, должен быть иной подход. Но решать вопрос о доступе к этой информации надо, наверное, не на основе закона. В законе только должны быть обозначены «ворота», граница дозволенного для этого, а решать все-таки должны, абсолютно точно, ученые вместе со специальной комиссией, руководствуясь при этом принципами этики, — но никоим образом не офицеры службы безопасности.

Вот то, что я хотел сказать. И все-таки я хотел бы даже обратиться к вам с призывом: на любом уровне, доступном вам, надо содействовать принятию Закона о защите персональных данных и Закона о праве граждан на доступ к информации. Потому что сейчас ни того, ни другого нет, а чиновник в этом море беззакония плавает как акула, и творит все, что хочет.

Сейчас слово имеет Воронков, социолог (Санкт-Петербург).

В.М.ВОРОНКОВ

Я вижу, что вырабатывается некоторая общая позиция у работников архивов, у части работников архивов. И несколько другая позиция – у тех, кто пользуется этими архивами. Я имею в виду вопросы защиты персональных данных и определения частной жизни.

Все согласны с тем, что мы должны определить, что такое «частная жизнь», но вопрос об этом определении рассматривается двумя сторонами по-разному.

Архивные работники предполагают, что это их право – определять, что относится к частной жизни, а что не относится, хотя само понятие «частная жизнь» очень расплывчатое. И границы между ней и публичной жизнью даже в социологии рассматриваются в четырех различных дискурсах. Конечно, можно предложить, чтобы это определение дали ученые, которые между собой сразу начнут дискутировать и вряд ли придут к единому мнению. Но, наверно, это должны сделать государственные чиновники, приняв хоть какое-нибудь определение.

Но что там такое будет происходить в этой частной жизни, где будет пролегать ее граница с публичной? Ну, например, «Я гулял с тети-Пашиной племянницей, водил ее в кино и в Сокольники». Это факт частной жизни. А вот если людям рассказать об этом на собрании, это уже факт публичной жизни. И если комиссия по архивному контролю что-то там рассматривает, то, безусловно, как факт публичной жизни, чтобы это не навредило (или могло навредить) тем людям, о которых там идет речь. И не надо говорить о том, что это факт частной жизни. По всем определениям публичности – это публичность.

Я предполагаю, что это вольное определение приватности может довести до произвола, если те или иные ангажированные люди (ангажированные разными социальными группами) будут определять, что может навредить, а что – нет. Потому что есть разные, а именно нравственные представления о том, какие границы должны соблюдаться и в чем. Я бы вообще запретил употреблять слово «нравственность» в таких дискуссиях, потому что «нравственность» это понятие, во-первых, исторически сильно меняющееся во времени. Во-вторых, разные социальные слои совершенно по-разному понимают слово «нравственность». И в этом зале найдутся люди (и мы можем судить об этом по дискуссии), у которых представления о нравственности в отношении некоторых вещей диаметрально противоположны.

Вот Юрий Иннокентьевич предлагает, что кто-то должен решать, что нравственно, а что безнравственно. Но, во всяком случае, кто не должен этого делать, – так это архивные работники. Мне представляется, что архивные работники хотят обладать некоторой властью над людьми. Это такое представление, как у всех советских людей: нужно максимально реализовать возможности, которые могут быть даны кому-то, в том числе и архивным работникам. А их задача – максимально облегчить доступ к источникам, а не определять, какие материалы можно выдавать, какие нет. Архивные работники должны руководствоваться теми законами, которые устанавливает государство, и просто действовать в рамках этих законов.

Другой вопрос, что эти законы несовершенны, может быть. Или противоречивы. Давайте требовать, чтобы эти законы были совершенны, давайте бороться за такие законы, которые будут совершенны. Но не будем их толковать таким образом, чтобы те или иные архивные работники, в зависимости от своих представлений о нравственности, или предоставляли нам документы, или устанавливали определенные ограничения, которые законом не предусмотрены. Спасибо.

Ю.И.ВДОВИН

Господа, я немножко упорядочу нашу дискуссию. У меня есть список выступающих. Давайте, мы все-таки установим регламент: будем ограничиваться, скажем, пятью минутами (попробуем, по крайней мере). Сейчас, перед выступлением Павла Нетупского, просит одну минуту на реплику господин Козлов.

В.П.КОЗЛОВ

Когда я говорил о нравственности, я имел в виду, что нравственными должны быть не только архивисты, но и пользователи. Это первое.

И второе. Четыре года назад в Брянской области группа преступников пришла в муниципальный архив, просмотрела все личные дела, выявила тех, кто имел орден Ленина, – и потом всех их ограбила. Это к вопросу о том, в каких сложных ситуациях иногда оказывается сегодняшний архивист.

Я уже не говорю о том, что случилось с судебно-следственными делами в Чечне. О тех 90 тысячах дел, которые оказались в распоряжении некоторых наших политических деятелей. Всё.

Ю.И.ВДОВИН

Спасибо большое. Проблема есть.

Слово Павлу Нетупскому.

П.И.НЕТУПСКИЙ

Вы простите мою журналистскую, молодежную атаку, но вот у меня такой вопрос: почему мы так боимся исследованной информации?

Дело в том, что сейчас говорится об открытии баз данных, об открытии архивов. И нужно рассматривать не секретность самих архивов, а секретность этой информации, каждого элемента информации. Если дело прошло через суд, и состоялся процесс, который должен быть гласным (я не говорю, что он был гласным, но он должен быть таким), не надо его засекречивать. В случае, когда процесс носит закрытый характер, перечень тех, кто может пользоваться этой информацией, ограничен. Почему, если я мог прийти в зал суда и записать этот процесс (неважно – на диктофон или на бумагу), почему это дело теперь надо засекречивать?

Несколько слов о базе данных пенсионного фонда. Трудовые договоры не являются коммерческой тайной, теоретически они должны быть открытыми. Если мы эти трудовые договоры соберем в базу данных, почему она должна быть закрытой? Возможно, мне самому не хотелось бы, чтобы вся моя трудовая деятельность была открыта. Да, мне это неприятно. Но в юридическом плане ограничений для этого нет. Если каждый элемент информации открыт, и кто-то, – будь то государственный орган или исследователь – неважно, за час или за год работы это соберет, почему нам надо бояться этого?

И действительно, тогда мы придем к тому, что надо определить даже не то, что такое частная жизнь, а то, что такое личная жизнь. Вот информация о личной жизни действительно должна быть закрыта. Но эта информация, мне кажется, редко попадает в архивы.

То есть любую информацию надо разбирать поэлементно, а то, что она где-то собирается – это естественный процесс. И неважно, кто это делает – архив ли, государственный ли орган или исследователь.

И последний вопрос, он касается Закона о праве граждан на доступ к информации, о персонифицированной информации.

Мне кажется, Закон об информации, информатизации и защите информации достаточно хорош. Просто надо его реализовывать. А новые законы, по крайней мере, – те их редакции, которые я видел, опять же подразумевают принятие подзаконных актов. Если они будут приниматься с такой же скоростью, как Закон об информации, то такой закон никогда не будет реализован. Спасибо.

Ю.И.ВДОВИН

Спасибо, Павел.

Я единственное могу сказать, что не все разделяют ваше мнение о том, что Закон об

информации, информатизации и защите информационных ресурсов хороший. Многие полагают, что он очень плохой.

Сейчас я предоставляю слово господину Раскину.

Д.И.РАСКИН

Я буду краток; многое из того, что мне хотелось сказать, здесь уже прозвучало. Но я бы хотел обратить ваше внимание на три момента.

Первое. Далеко не все архивисты стремятся перестраховаться или с помощью введения ограничений обязательно повысить свою социальную значимость. Бывают ситуации и обратные. Но то, что архив как учреждение государственное не может не руководствоваться определенными нормативными документами, прежде всего законом – это тоже очевидно. Поэтому в нашей дискуссии следует различать моральную научную проблематику и вполне естественное желание представителей определенного ведомства иметь такие регламентирующие нормы, которые позволяли бы во всех случаях превращать проблему морального выбора в проблему исполнения закона или должностной инструкции. И то, и другое может быть и хорошо, и плохо. Но не в этом дело.

Обращаю ваше внимание вот еще на что. Традиционно для правозащитных организаций, а «Гражданский контроль» – это, прежде всего, правозащитная организация, главной была коллизия «человек – государство». И это нормально и правильно. Но сегодня мы имеем в виду не только эту коллизию, но и коллизию другую – «частный человек и историческая наука». Помню, когда я тридцать с лишним лет назад начинал свою деятельность в архиве, мне казалось странным и необычным то, что я читаю чужие письма хотя бы столетней давности, интимные чужие дневники. В то же время совершенно очевидно, что существует определенная тенденция современной исторической науки, которая, как известно, отказалась от социологического подхода: обращаться к особенностям характерологическим, персональным и т.д. Это проявление внимания именно к личной, если угодно, – частной жизни. Вопрос только в существующих временных ограничениях. И в этом смысле совершенно очевидно желание историков узнать как можно больше, в том числе и об интимных подробностях изучаемых персонажей, подробностях, которые, безусловно, относятся к частной жизни. Например, о состоянии здоровья и физиологических особенностях такого государственного деятеля как Иосиф Виссарионович Сталин. И 75 лет еще не истекло. Для историков это представляет несомненный интерес, и многие из них, в том числе и наши коллеги в прошлом, на это ссылаются. Совершенно очевидно, что такая информация была бы недоступна, если бы речь шла о фигуре менее значимой.

И теперь, к вопросу о том, что должна быть разница в подходе к отдельно взятому частному лицу, – рядовому обывателю или крупному государственному деятелю. В условиях нашей современности, вообще говоря, закон, а отчасти действующие обычаи такую разницу проводят. Если я – частное лицо, но хочу стать губернатором, президентом или депутатом, то я должен обнародовать о себе такие сведения, которые, в принципе, никого не должны касаться: женат я или нет, есть у меня дети или нет, и даже каким имуществом я обладаю. И если сведения об имуществе я укажу неточно, то у меня могут быть неприятности.

Я думаю, что такой подход (объем сведений, в зависимости от претензий данного лица на активное участие в истории), может быть (естественно, с соответствующими поправками) реализован при выработке нормативных и, возможно, моральных норм применительно и к обнародованию сведений о прошлом человека, когда законодательно такой регламентации не существовало. Во всяком случае, это, как мне представляется, одно из направлений нашей дискуссии, а может быть, и одно из направлений при выработке соответствующих документов, на которое следовало бы обратить внимание.

Благодарю за внимание.

Ю.И.ВДОВИН

Спасибо большое.

Сейчас я хочу попросить выступить господина Гассельблата. Герман Витальевич просил слова.

Г.В.ГАССЕЛЬБЛАТ

В основном я буду говорить (я не архивист) с позиций пользователей архивов.

Я представляю, в одном лице, Уральское генеалогическое общество и Русское генеалогическое общество.

Мне приходится работать в архивах разных регионов: Москвы, Петербурга, Урала. И, в общем-то, картина везде более или менее одинакова. Во-первых, читальные залы открыты в рабочее время. То есть практически люди, которые занимаются какой-то трудовой деятельностью или учатся, не в состоянии работать в архивах. Это раз.

Далее. О самой организации сохранности и готовности дел для работы с ними исследователей. То, что дела подшиваются, это очень приятно. Но иногда они подшиваются так, что корешок подшивки закрывает треть листа, и нет возможности прочесть полностью документ, не «разжимая» дела и не подвергая себя опасности, порвав веревочку, повредить дело. Ксерокопировать такой документ практически невозможно. Когда просишь отксерокопировать (даже за деньги), ксерокопируют те самые три четверти листа. Поди, догадайся, что написано на оставшейся четверти.

Конечно, очень хорошо, что архивы решили не уповать на государственное финансирование, а строят свою деятельность на какой-то коммерческой основе. Но в некоторых случаях эта коммерциализация принимает несколько уродливые формы, и создается впечатление, что работники архивов приватизируют архив, не допуская исследователей к метрическим книгам вообще, а предоставляя возможность получать только платную архивную справку, когда исследователь может за какие-то полчаса сделать себе выписку и успокоиться. А такая архивная справка обходится где-то рублей в сто пятьдесят, и делают ее в течение, допустим, полумесяца. Я считаю, что это, мягко выражаясь, нарушение гражданских прав.

Очень бы хотелось, учитывая, что раз архивы у нас предприятия государственные (так?), то предоставление им возможности заниматься коммерческой деятельностью (оказанием платных услуг), должно как-то оговариваться либо в общероссийском законе, либо в каком-то подзаконном акте. И обязательно должна определяться стоимость предоставляемых услуг.

Я сейчас не буду называть конкретные архивы, где мне приходилось заказывать копии документов, но я вам скажу, что десяток ксерокопированных листов мне обошелся в 500 рублей. Я – исследователь, и бизнеса на своих исследованиях не делаю. Наоборот, я считаю, что нужно в меру своих сил «сеять разумное, доброе, вечное»; но мне как пенсионеру, конечно, это дороговато обходится.

Хотелось бы, чтобы ценники на услуги вывешивались на видном месте и были бы едиными по всей России, чтобы не директор каждого архива свои цены устанавливал, периодически их повышая и чтобы при определении цены учитывался бы прожиточный минимум в России, а не в Соединенных Штатах Америки, потому что все цены указываются в так называемых «у.е». Понимаете, наши архивы избаловали иностранцы. Для них заплатить 15 долларов за документ, который находится в России, – не деньги. А для россиянина – это деньги. Несколько слов в отношении закона. Вы понимаете, никогда нельзя все узаконить, общество постоянно развивается, меняются условия. Американцы говорят, что если бы они работали, все время скрупулезно соблюдая законы, то промышленность развалилась бы сразу.

Здесь много говорилось о сохранности документов. Действительно, против нарушителей, преступников нужно жестко бороться. И я полностью разделяю позицию уважаемого докладчика – Виноградова, но все должно быть оформлено законным путем. Как? Например,

в каждом архиве, прежде чем человек получает пропуск в архив, ему должны быть обязательно представлены правила работы в архиве. И там должны быть определены те самые санкции, о которых говорил Юрий Абрамович. Если, к примеру, он вор, то об этом будет сообщено научной общественности России.

Ю.И.ВДОВИН

Спасибо большое. Господин Виноградов, пять минут ваши.

Ю.А.ВИНОГРАДОВ

Я хотел бы начать не со своей проблемы, а с той, которая здесь упоминалась, – о нравственных категориях. Должен сказать, что имело бы смысл практиковать моральные кодексы профессионалов вообще. Если такие моральные кодексы не будут разработаны, то нам очень трудно будет работать – в силу незнания всех законов, которые могут рано или поздно появиться.

Я хочу рассказать об одном случае, который произошел со мной лично. Лет двадцать тому назад к нам в архив Академии наук обратилась совершенно расстроенная женщина. У нее произошла большая трагедия: ее сына привлекли по уголовному делу, по делу об убийстве. И она обратилась с просьбой в архив Академии наук, лично ко мне, как ученому секретарю комиссии по документальному наследию Ивана Петровича Павлова, с просьбой найти доказательства того, что ее сын ненормален, сыграл свою роль наследственный фактор: его отец в свое время был направлен на принудительное лечение как психически больной.

Можете себе представить, что, оказывается, факт этот был опубликован в «Научных средах» Ивана Петровича Павлова, но только с ограничением: фамилия больного была обозначена одной буквой. И мы нашли доказательство того, что, действительно, известный ученый, член-корреспондент Академии наук СССР лечился в свое время от психического заболевания, и его сыну эта болезнь могла перейти по наследству. Этот факт повлиял на приговор суда и спас молодого человека от наказания, что ему, к сожалению, не помогло стать достойной личностью в дальнейшем.

Но я хочу сказать: для того, чтобы факт, что член-корреспондент Академии наук некоторое время был психически больным не мог быть опубликован, заседание суда должно быть закрытым. Чтобы судья, опираясь на свой профессиональный моральный кодекс, имел право закрыть заседание или сделать эту часть заседания закрытой.

Ю.И.ВДОВИН

По УПК так и должно быть.

Ю.А.ВИНОГРАДОВ

Правильно, правильно. Но я просто хочу сказать, приводя этот пример, что деятельность других профессионалов также должна опираться на соответствующий моральный кодекс.

Теперь – дальше. Об ограничениях и препятствиях, о которых здесь уже говорили. То есть о том, что архивы не обеспечивают пользователей соответствующей информацией об архивных документах.

Здесь вчера упоминалась дискуссия между Калачевым и Самоквасовым – дискуссия, носящая принципиальный характер. В XX веке подобная дискуссия шла между мною и одним из руководителей Академического архивного сообщества. Она на самом деле была принципиальной, потому что я в свое время написал диссертацию, которую не смог, а потом не стал защищать, – дело касалось анализа работы академических архивов стран социализма. В своей диссертации я показал, что из всех академических архивов, которые были в этих странах, по-настоящему свою функцию выполнял только архив Польской Академии наук. Пан Колянковский действительно был истинным архивистом: теоретиком, практиком и че-

ловеком, полностью преданным интересам пользователей. Он регулярно, раз в год, публиковал справочники и так далее.

Я хотел сказать, что архивисты должны выполнять свою главную функцию – предоставлять научную информацию. И если они эту функцию не выполняют, а сами начинают заниматься исследовательской работой, да еще стараются привлечь в соавторы читателей, я считаю, что это неразумно. Потому что главная функция архивов – это информационная функция.

Ю.И.ВДОВИН

Спасибо.

И последние пять минут перед обедом слушаем выступление.

А.В.ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

Очень коротко. Мы немножко отошли от разговора о персональных данных, я бы хотел к нему вернуться. Мне бы хотелось в целом поддержать то, о чем говорила Татьяна Федоровна, за исключением, может быть, только одного-единственного ее положения.

Я бы воздержался от употребления и от применения понятия, которое формулируется примерно так: «документы, не предназначенные для их архивирования, для их последующего пользования».

Я десять лет проработал экспертом. Мы никогда не применяли этого критерия, ибо, если этот критерий применять, то большую часть архивного фонда можно на основании этого критерия спокойно уничтожить, ибо большая часть документов как раз не создается для того, чтобы их потом изучали историки или другие пользователи, или чтобы они хранились в архивах. Большая часть документов создается совершенно с другими целями. Поэтому такой подход даже к нашим сегодняшним предметам я бы считал опасным и не подлежащим, так сказать, применению. Это первое.

Второе. Хотелось бы ответить вкратце господину Панеяху. Конечно, это ценнейшие источники. Все то, о чем он говорил, это бесспорно важнейшие, необходимые для изучения истории материалы. Те, кто выступал передо мной, об этом тоже говорили: история обращается к человеку. Нельзя изучить историю человечества без изучения конкретной личности – с фамилией, именем, отчеством, со своей конкретной судьбой. Но возникает вопрос о времени обращения и о законности этого обращения.

И я бы хотел вернуться опять к тому, что я говорил вчера. В дневнике известного, может быть, многим французского писателя Ренара есть такая маленькая миниатюра. Министру сказали: «Ваша жена вам изменяет». Он спросил: «А это известно из официальных источников?» Это не просто юмор, уважаемые граждане. Это, применительно к нашим обстоятельствам, я считаю, серьезный ответ.

Речь должна идти, подчеркиваю, об официальных документах, за которые архив не может не нести ответственности как хранитель. Некоторым действительно хочется быть унтерами Пришибеевыми или получать за выполнение своих обязанностей дополнительное вознаграждение; но они должны действовать в рамках закона. Я, например, составил базу на пять тысяч испанских эмигрантов, ни разу не обратившись к личным делам, а пользуясь лишь разными другими источниками неофициального характера, начиная от составленного кастеляншей детдома списка детдомовцев на выдачу ярлычков, которые они пришивали себе на пальто и другую одежду, и кончая, к примеру, списками на выдачу пропусков на парад на Красной площади. Это все документы, которые не носят официального характера применительно к фиксации личных данных. В отличие от личного, персонального дела по рассмотрению, когда во главу угла ставится именно фамилия: дело о рассмотрении преступления, дело о рассмотрении такого-то имярек.

Тут уж я как исследователь несу полную ответственность, а архив не несет этой ответственности. И не должен нести. Вот в чем смысл. И мне бы хотелось еще раз подчерк-

нута, что из всего объема персональных данных, который очень трудно ограничить (ибо любая подпись под документом – уже персональные данные), необходимо выделить ту относительно узкую часть, за которую архив как государственное учреждение действительно несет ответственность. Несет ответственность за сохранение той информации, которая защищает интересы отдельной конкретной личности.

Вот что бы хотелось сказать.

В.М.ПАНЕЯХ

Я не понял, в чем вы мне возражаете?

А.В.ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

Я вам не возражаю. Вы говорите, что якобы мы, архивисты, мешаем тому, чтобы вы, исследователи и историки, публиковали документы. Мы этому не препятствуем, мы согласны с вашими требованиями полностью. Я уверен, что и Владимир Петрович, руководитель нашей архивной службы, и любой архивист, которого я вижу здесь, – они все в душе историки. Они прекрасно понимают, что да, это ценнейшие источники, которые надо публиковать. Но возникает вопрос о срочности. И здесь мы должны подчиняться законам. Мы – архивисты. Вы как исследователи, также как и я как исследователь, вправе этот закон нарушить, но тогда ответственность за это ложится на нас. Но мы не должны ставить наших коллег-архивистов под удар, используя незаконные средства.

Вот моя позиция.

В.М.ПАНЕЯХ

Дело в том, что ваша позиция сводится к тому, чтобы не давать исследователям заниматься своей работой.

А.В.ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

Только той работой, которая запрещена законом.

В.М.ПАНЕЯХ

Это значит, что все документы, касающиеся репрессивной системе, которая существовала, начиная с 1925-го года, находятся под запретом.

А.В.ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

Нет.

Ю.И.ВДОВИН

Господа, извините, но мы сейчас идем обедать.

Я рад, что дискуссия принимает такой хороший оборот. И продолжим мы ее после обеда, набравшись сил.

(П е р е р ы в)

Ю.И.ВДОВИН

Во время обеда меня спрашивали, будем ли мы работать ровно до шести часов. Я сказал, что мы будем работать до полного насыщения своих потребностей. На самом деле, у нас абсолютно свободная организация, мы абсолютно свободны в выборе режима нашей работы. Тот режим работы, который мы предложили, безусловно, может быть скорректирован в зависимости от ваших пожеланий. Через час у нас будет небольшой перерыв на кофе. А здесь мы с вами намечали обсудить еще кое-какие темы.

Вопрос, который мы начинали обсуждать, вот с этой интересной табличкой, касался проблем персональных данных. Можно считать, мы завершили его обсуждение, да? Теперь о понятии «компрогат», применительно к архивной документации.

Вот наш коллега хочет сказать несколько слов.

И.СЕКЕЙ

Перед тем, как мы перейдем к другой теме, разрешите мне поделиться с вами некоторым опытом ваших венгерских коллег и моим личным опытом, касающимся личных данных.

Мы начали спор по информационным правам и вообще информационной системе сразу после изменения политической системы или даже незадолго до этого.

Прежде всего, мы попытались сформулировать, что такое «персональные данные» и постарались сделать это снизу вверх. Но нам пришлось признать, что если мы будем двигаться таким образом, – снизу вверх – нам все равно придется выпустить некоторые аспекты, оставить их без внимания. Поэтому вместо этого подхода мы избрали другой подход; подход, состоящий в движении сверху вниз.

Мы определили два типа информации, два типа данных, которые могут быть записаны в документах. Первый – это персональные данные. Второй – это публичные, общественные данные. Это информация, которая не обязательно публикуется, но которая является общественной по своей природе.

И все другие типы данных, все другие используемые процедуры являются исключениями. Не могу сказать, что этот подход был простым и позволил нам решить все проблемы. Но разрешите мне нарисовать модель, которую мы используем при этом подходе.

Выглядит все это таким образом. Вот персональные данные, персональная информация, записанная в документах, а вот общественные данные или информация. Для обоих этих типов данных мы сформулировали очень простое правило, использовали очень простой подход. Основное правило обращения с общественной информацией – это открытость. А для обращения с личной информации, персональной информации основной подход должен состоять, мы считаем, не в окутывании ее покровом секретности, а скорее, как мы говорим, в самоопределении. Это значит, что личное определение или самоопределение подразумевает, что каждый вправе сам решать, что делать с подобной информацией. И здесь, конечно, присутствует эта область наложения, – когда речь идет о личных данных людей, которые выполняют различные общественные функции.

Это как раз то, о чем многие из вас упоминали во время дискуссии. Есть люди, которые выступают не от собственного лица, а от лица некой общественной функции, то есть государства, партии и т.д. И, конечно, именно поэтому их личные данные относятся не к сфере персональных, а, скорее, к сфере общественных данных, подход к которым должен осуществляться с точки зрения открытости. Хотя, конечно, существует и такой моральный аспект: насколько широкой должна быть эта область наложения? Но это другой вопрос.

И, конечно, везде есть некоторое количество исключений. Скажем так: выше этой линии лежат исключения, ниже ее лежат общие случаи.

Если вы закрываете информацию, которая принципиально должна быть открытой, должна принадлежать общественности, то эти случаи лежат вот в этой зоне. Это касается государственных секретов, государственных тайн и других типов секретных документов.

Это значит, что сейчас эти общественные документы являются, скорее, исключением из правила. Однако когда пройдет определенный промежуток времени, они возвратятся вот в эту область применения общих случаев.

При этом также необходимо заметить, что если эта зона, эта сфера у вас каким-то образом ограничена, потому что права не абсолютны, права можно ограничить, то тогда эта зона не должна подпадать под гриф секретности, потому что засекречивание – это действие государственное. Государство не должно засекречивать, или объявлять засекреченной ин-

формацию о людях. Оно обладает полномочиями в сфере общественной информации, но не в сфере информации личной.

Конечно, государство имеет возможность ограничивать права граждан и делать некие исключения, такие как действия полиции, действия налоговых органов, но это не будет засекречиванием в классическом понимании этого слова.

Та модель, которую мы использовали для решения этого вопроса, (я понимаю, что правовая традиция у вас может быть другая, и вы не можете уничтожить то, что у вас уже в рамках этой традиции создано) позволила нам решить некоторые концептуальные проблемы, проблемы с определением типов информации. Может быть, она поможет вам, и вы сможете отсюда что-то позаимствовать.

Ю.И.ВДОВИН

Спасибо, господин Секей.

Я просто напоминаю, что в одном из сборников, которые вы вчера получили, – это стенографический отчет о нашем семинаре «Персональные данные в эпоху современных информационных технологий», есть довольно подробное изложение идей, которые господин Секей предложил, сделав тогда интересный и содержательный доклад на эту тему, и даже сопроводив его иллюстрациями. В стенографическом отчете у нас приведено еще больше иллюстраций.

Есть ли необходимость еще говорить о персональных данных, господа? И хотя необходимость, наверное, есть, но мы уже ничего нового друг другу не скажем.

Я думаю, что у нас есть возможность, послушав друг друга, потом спокойно подумать об этом самостоятельно, может быть, изменить какие-то свои позиции. Но я еще раз подчеркиваю и призываю вас, что если у вас есть хоть какая-то возможность подвигнуть наших законодателей принять, наконец, Закон о защите персональных данных – это надо делать. Потому что в отсутствие этого закона регулирование будет осуществляться на уровне подзаконных актов и произвола чиновников, что нас удовлетворить никак не может.

А теперь я позволю себе обсудить с вами, чем мы будем заниматься дальше. Насколько я понимаю, у нас остались две темы, которые были предложены для обсуждения.

Я думаю, что обсуждать проблему конституционного права граждан на доступ к открытой информации пока тоже бессмысленно, потому что, с моей точки зрения, должны быть приняты два закона, которых пока нет в России. Это Закон о праве граждан на доступ к информации. И закон, который бы обязывал чиновников предоставлять информацию, потому что практика показывает, что в России законов, предоставляющих гражданам какое-либо право, увы, мало. Если помните, был такой анекдот: «Человек приходит к адвокату и говорит:

– Скажите, я имею право...

– Конечно.

– Да вы же меня не выслушали до конца, на что я имею право. Скажите, я имею право...

– Конечно.

– Скажите, я могу...?

– О, нет, батенька мой, а этого нет».

Так что «имею право» и «могу» – это разные вещи. Потому и нужен Закон о праве граждан на доступ к информации, где бы говорилось об обязанности чиновников предоставлять информацию, об ответственности за непредставление информации.

Теперь проблема, которую я здесь сформулировал. Я не знаю, может быть, даже не очень хорошо по-русски написано было, – «проблема необходимости и достаточности причин засекречивания документов». Есть такая проблема или нет?

Это, конечно, не проблема. Гриф секретности архивы не ставят. Можно я выскажу свои сомнения, которые побудили меня записать эту тему, и предложить для разговора в этой аудитории?

Конечно такая позиция, когда архивист получил документ, на котором стоит гриф секретности, взял «под козырек» и никого до него не допускает, очень удобна. Мы за семьдесят с лишним лет советской власти привыкли к этому, и продолжаем, по инерции, считать, что это должно быть секретно, потому что так «там решили». И мы на практике сталкиваемся с разными случаями, когда по какой-то причине нельзя показывать тот или иной документ. Только что мы здесь говорили об «Академическом» деле, на нем стоит какой-то гриф в архиве. Почему стоит этот гриф? Имели ли право его там поставить? И здесь, как мне кажется, рассматривать чисто архивную историю о том, стоит ли на документе гриф «секретно», «совершенно секретно» или какой-нибудь еще в отрыве от общегражданской позиции и понятий о правах человека и праве граждан на доступ к информации, как мне кажется, нельзя.

Гражданский долг каждого сотрудника архива, как мне кажется, вполне определенный. Он видит это секретный документ, и он-то может понять, правильно ли с его точки зрения, с его гражданских позиций, с точки зрения соответствия действующему законодательству о тайне и прочее, стоит на этом документе гриф секретности. Ведь совершенно очевидно, что ФСБ, КГБ стремится (и нужно, и не нужно) сохранить как можно дольше свои кровавые тайны. Засекречивает как можно сильнее, чтобы даже интерес к их раскрытию пропал.

Я позволю себе зачитать цитату (из области засекречивания технических сведений).

«Существовавшие в СССР перечни сведений, подлежащих защите от несанкционированного доступа, были составлены, скорее всего, органами, в большинстве своем не осознающими характера циркуляции информации в обществе и управленческой сфере. Делали они это из стремления перестраховаться. По этой причине секретной становилась фактологическая информация, оглашение которой, в принципе, не может нанести реального вреда государству».

Это цитата из большой книги «Военно-Морской Флот СССР в 1945 – 1991 году». Авторы этой книги – военно-морские офицеры высокого ранга, один из них кандидат наук, другой – доктор исторических наук (Кузин и Никольский). Книга эта вышла несколько лет назад. И это очень показательно. Но вот этот принцип засекречивания всего и вся, направленный на то, чтобы обеспечить некое спокойное существование для определенного круга людей, занятых какими-то проблемами, на самом деле не безобиден. Он очень «обиден», если мы посмотрим расширительно, какие последствия для общества несли за собой эти бесконечные засекречивания.

Я думаю, каждый из вас может спроецировать подобный случай на себя, и хоть раз, но сталкивался с этим. Я, например, технарь по образованию и технарь по своей основной профессии. Я знаю, убежден, что совершенно чудовищные запреты на обмен информацией привели к сильнейшему отставанию в области технологии в нашей стране. Повторяю, именно благодаря бесконечному засекречиванию и несвободной циркуляции информации.

Но если (как кто-то сказал сегодня) архивные работники все-таки берут на себя некоторую функцию определения доступа, скажем, к той информации, которой они владеют и исполнение роли распорядителей этой информации, а не только технических хранителей, то они тогда должны все-таки взять на себя и какую-то долю ответственности. Ответственности за то, что какие-то пласты информации становятся недоступны, хотя в этом нет никакой необходимости: ни государственной, ни персональной, ни какой-нибудь еще.

Вот поэтому я и хотел сказать о том, что для людей, связанных с хранением документов, вопросы целесообразности сохранения этих документов с определенными грифами не должны быть чуждыми. Надо исходить из основного принципа: каждый гражданин имеет право доступа ко всему, на что не наложен запрет; а сам запрет должен быть очень и очень обоснован, а необоснованные запреты все-таки должны быть ликвидированы.

Я очень сумбурно говорил, по-моему. Но то, о чем я говорю, – это накипевшее и связано с тем, что мы уже много раз в деятельности нашей организации сталкивались с существованием надуманных проблем секретности, в том числе и в архивах. Я сказал: в том числе и в архивах, потому что мы сталкиваемся с этим и в других организациях.

Первым слово попросил Гассельблат Герман Витальевич. Пожалуйста

Г.В.ГАССЕЛЬБЛАТ

Когда мы говорим о какой-то засекреченности, это не просто вопрос засекреченности. Дело в том, что мое поколение изучало не историю России двадцатого века, а историю Коммунистической партии Советского Союза. И основным догматом исторической науки был «Краткий курс истории ВКП (б)».

То есть группа людей, которая называла себя историками, сочинила историю России, выдирая отдельные факты из истинной истории России и подавая их в качестве иллюстративного материала к «Краткому курсу».

Поэтому говорить о какой-то случайности в засекречивании архивов, – нельзя. Ибо нормальный человек, историк, работающий в архивах, сразу определяет, что «Краткий курс» – не история России. Вы не найдете там фамилии людей, которые делали историю России и которые в дальнейшем остались жить в нашей стране и продолжали принимать участие в её развитии. Я близко сталкивался с проблемами и судьбами российской технической интеллигенции Урала, в частности, проходившими по уральскому делу Промпартии, и обратил внимание, что, когда приходишь в архив, в любой архив России, фамилии тех людей, которые проходили по делам ОГПУ, просто-напросто вместе с документами из архивов изъяты. Я не знаю, – уничтожены эти документы или переданы в архивы ОГПУ в то время, или до сих пор где-то лежат на определенном секретном хранении. Во всяком случае, я могу рассказать о моем дед, который до революции был видным горным инженером, управляющим горным округом. Он многократно награждался, получал чины. При каждом получении чина или награды, на него должен был составляться формулярный список. Вы понимаете, что это такое. И ни одного его формулярного списка в фондах горного департамента я не нашел, хотя в описях они есть. И тут же стоит такой маленький симпатичный штамп: «Выбыло». Возникает вопрос, – куда выбыло? В помойку, в ОГПУ, в НКВД? Куда? Никто на это вразумительно-го ответа не дает. И чуть ли не через зарубежные источники я раскопал его истинную биографию.

То же самое произошло с несколькими студенческими делами (когда дед был студентом). Длительное время в ГАРФе были засекречены дела жандармского управления. Может быть, кто-то работал с этими делами. Почему они были засекречены? Потому что когда-то жандармское управление поставило там гриф «Секретно», а нашим советским архивистам некогда было поднять вопрос о рассекречивании этих документов. И только где-то в 80-х годах я получил доступ к этим документам, потому что эти дела были рассекречены. Мой дед сидел в «Крестах» за организацию студенческих демонстраций в Петербурге. Удалось найти и такие вещи.

Вопрос о праве на информацию. Здесь есть и технари, и гуманитарии. Я по профессии юрист, достаточно хорошо знающий уголовный процесс, уголовное право.

Буквально в прошлом году (это к разговору о праве на информацию) я обращался в один муниципальный совет с официальным заявлением. Ими было принято решение не в мою пользу, так будем говорить. Я обратился к главе муниципального совета как гражданин, по Конституции имеющий право на информацию, с просьбой ознакомить меня с материалами заседания муниципального совета по моему вопросу. Мне было отказано в просьбе, хотя я имею на это право по Конституции. Тогда я обратился к прокурору района с заявлением привлечь к уголовной ответственности главу администрации за непредставление информации, потому что в Уголовном кодексе Российской Федерации есть такая статья: «Непредставление информации гражданину государственным чиновником». Прокурор мне ответил,

что состава преступления нет, хотя там имелся состав преступления в чистом виде. Вот такие дела.

Так что, раз мы с вами собрались и решаем эти вопросы, обсуждаем их, очень важно затронуть весь круг вопросов. Во-первых, вопрос обеспечения конституционных прав граждан на доступ к информации. И, конечно, у меня большая просьба к представителям Росархива: переговорите со своими коллегами из ведомственных архивов ФСБ. Если у них остались документы, изъятые из государственных архивов, пусть они их вернут, если они там не нужны. Если, конечно, такие документы там остались. Вот у меня к вам такая большая просьба.

В.П.КОЗЛОВ

Вы говорили о формулировке «Выбыло». Вы после этого не обращались к руководству архива с просьбой, чтобы они проверили, куда?

Г.В.ГАССЕЛЬБЛАТ

Обращался. Разводили руками: не знаем.

В.П.КОЗЛОВ

Но в деле фонда, если дело было, обязательно должны остаться документы.

Г.В.ГАССЕЛЬБЛАТ

Да? Вы меня порадовали. Как он правильно этот документ называется? Акт?

Т.Ф.ПАВЛОВА

Дело фонда. Надо обратиться к помощи архивистов.

Дело фонда дает возможность восстановить выбытие любых категорий дел из состава фонда. Мы столкнулись с этим, когда готовили к открытию материалы антифашистского еврейского комитета, рассекречивали их в конце восьмидесятых годов, чем потом очень удивили всех. На очень многих делах стояло: «выбыло», «выбыло», «выбыло». Проанализировали состав этих дел, подняли дело фонда. Всё четко и ясно: было в связи с тем, что был процесс, и против фамилий определенных лиц пометки: их личные дела или их личная переписка и даже творческие материалы были изъяты органами. Мы обратились в ФСБ. Они нам ответили, что вернуть нам эти материалы они не имеют возможности, поскольку те присвоены к конкретным делам как вещественное доказательство. Возврат не произошел. Но по нашей убедительной просьбе, когда готовился сборник документов, сотрудник РГА, который участвовал в подготовке этого сборника, получил полный доступ к этим документам в составе большого судебно-следственного дела по деятелям антифашистского еврейского комитета. Вот это один из путей обнаружения этих материалов.

Другое дело, что очень часто, особенно в Центральном архиве ФСБ отвечают, что таких дел у них нет. Совершенно правильно говорят о том, что многие документы в период паники в Москве в 1941 году были сожжены во внутреннем дворе здания НКВД-КГБ. В первую очередь сжигались, конечно, изъятые при арестах книги, рукописи, то есть документы, не представляющие оперативного значения. То есть огромное количество творческих материалов в этот период, к сожалению, погибло.

Если можно, несколько слов по вопросу достаточности причин для засекречивания документов. Это проблема вообще не архивная. Я имею в виду, если говорить об ответственности или, в вашей интерпретации, причастности архивиста к процессу работы с секретными документами. Во-первых, существует закон. Существуют некие нормативные документы. В частности, есть такое Положение по защите государственной тайны, утвержденное совместно Росархивом и Гостехкомиссией России (в то время еще не был сформирован МВК), кото-

рое говорит о том, что архивисты осуществляют контроль за сроками секретного хранения хранящихся у них секретных материалов. Что сие значит? Если архивисты видят, что документы лежат у них свыше тридцати лет, и никто к ним не обращается из тех ведомств, которые их засекречивали, они обращаются к руководителям этих ведомств. В министерство или, если это завод, к руководству завода на уровне областного архива. Те уже забыли про эти документы, поскольку сдавали их предшественники, и с тех пор прошло много лет. Составляется письмо о том, что у нас в государственном архиве находятся на хранении столько-то дел их секретного производства, просим организовать их рассекречивание. Кто-то приходит и занимается этим целенаправленно; иногда никто так и не появляется. У меня есть два примера очень плодотворной деятельности в этом плане за последние годы: это Министерство обороны, которое сейчас создало специализированную группу, которая просто как на работу ходит в наш военный архив и систематически просматривает дела. Рассекретили уже значительный объем приказов Реввоенсовета, Народного комитета обороны и Министерства обороны СССР. Это огромные перечни, толстые книги только с номерами приказов и датами, там даже заголовков нет, чтобы сократить объем. То есть идет системная работа.

Также работало МВД в ГАРФе. По инициативе ГАРФа туда пришла большая бригада. Они просмотрели практически все материалы НКВД, которые были переданы в этот архив – вплоть до 1954 года. Фактически, можно считать эту работу завершенной. Был рассекречен огромный комплекс, который позволил архиву опубликовать "Особые папки" Сталина, Берии, Молотова и приказы НКВД, МВД – это все подокументная публикация. Она, в общем-то, уникальная. И ГАРФ впервые применил ранее совершенно недопустимый и до настоящего времени не закрепленный конституционно метод публикации заголовков даже не рассекреченных документов. Они их поместили в своих сборниках, отметив звездочкой и оговорив, что эти документы не рассекречены даже после просмотра их комиссией МВД.

В нашей практике этого нет, законодательно это тоже не закреплено. В западной практике существует точное определение, что необходимо знать о наличии и содержании секретных документов. У нас, к сожалению, этого нет ни в законе, ни в каких-либо других правовых актах. Поэтому те, кто инициирует рассекречивание (имеются в виду пользователи), они, конечно, находятся в сложном положении, потому что не знают, какие, собственно, документы находятся в наличии по интересующей их проблеме. То есть они это узнают об этом косвенным путем: обнаруживают где-то ссылку, упоминание в каком-то акте или документе или еще как-нибудь. А вот законных прав узнать, что же все-таки есть по данному вопросу на закрытом хранении, у них в настоящее время нет. Это тоже проблема.

И архивисты, я уже говорю об этом не в первый раз, в принципе прошли. Они обратились к руководителям всех ведомств, их правопреемникам, обратив их внимание на недопустимость хранения до сих пор документов с истекшими сроками секретности. Распоряжение 489 от 22 сентября 1994 года предписывало всем руководителям федеральных органов государственной власти организовать пересмотр сроков секретности документов, хранящихся в государственных и ведомственных архивах. Некоторые министерства, как я уже сказала, проводили и продолжают проводить эту работу. Другие – нет. И я могу понять, почему. Думаю, чисто по житейским соображениям. Наши органы власти постоянно находятся в реорганизации. Посмотрите, какие происходят перемены в структуре органов власти. Потому и разваливаются все эти архивные системы: укрупненные министерства вобрали в себя другие, которые не были их прямыми предшественниками ранее. То есть у них имеются свои оправдания и свои объяснения этих причин. Организовать плановое рассекречивание, – это значит отвлекать людей, значительное число профессионалов, для серьезной плановой работы в архивах – государственных и ведомственных. Так что на данный момент ситуация складывается таким образом.

Ю.И.ВЛОВИН

Спасибо вам большое.

У меня есть вопрос сразу и к вам, и к тем из присутствующих, кто сможет на них ответить.

Я этот вопрос задавал и в Европейском институте, но не получил вразумительного ответа. А вопрос у меня такой. Стереотип мышления такой: засекреченный документ должен быть рассекречен через тридцать лет. И вот кто-то его не рассекретил. Мы к нему обращаемся с просьбой сделать такую любезность – рассекретить его. А почему не поставить вопрос иначе? Если прошло тридцать лет, – документ автоматически должен рассекречиваться. Если какое-то ведомство, владелец этого документа, первоисточника полагает, что рассекречивание этого документа по тем или иным причинам может нанести ущерб экономике или еще чему-то, тогда он обращается в соответствующую инстанцию и просит продлить засекречивание документа номер такой-то еще на пять лет по таким-то и таким-то причинам.

Т.Ф.ПАВЛОВА

Можно я прокомментирую?

Ю.И.ВДОВИН

Да, я как раз этого хочу.

Т.Ф.ПАВЛОВА

Я могу прокомментировать, потому что не первый раз такой вариант возникает (и МIRONENKO его не единожды озвучивал). Это о том, что через тридцать лет секретность автоматически снимается, а кто этого не хочет, тот прибежит, посмотрит и продлит срок секретности.

Я обращаю ваше внимание на закон, если мы говорим, что живем в правовом пространстве: рассекречиваются не документы, а рассекречиваются сведения, составлявшие (или не составлявшие) государственную тайну. Значит, процесс рассекречивания – это снятие ранее поставленного грифа секретности: «Секретно», «Совершенно секретно», «Строго секретно», «Особой важности». Особая папка – это не гриф секретности, это форма хранения. Это процесс. Поэтому что такое тридцать лет? Это срок, который не носит абсолютного характера. Это срок, определенный для сведений. Вот есть перечни сведений, составляющих государственную тайну, есть энное количество органов, которые распоряжениями Президента уполномочены засекречивать и, соответственно, производить обратную работу, то есть рассекречивать. Каждый раз при любой реорганизации этот перечень пересматривается. Например, Росархив не входит в эту систему, Академия наук, как это ни смешно, тоже не имеет права засекречивать. То есть это некоторое количество органов, которые имеют право это делать. По закону раз в пять лет они должны пересматривать свои ведомственные перечни, и могут туда вносить изменения, – естественно логические изменения: или сокращать этот перечень, или вкладывать в его содержание какие-то новые понятийные вещи.

Вот поэтому речь идет именно о сведениях. А мы с вами говорим о документах. Это несколько разные вещи. В одном документе могут быть сведения трех – четырех перечней, то есть там может быть три – четыре «хозяина» секретной информации. В сложных документах, глобальных серьезнейших документах, зачастую отражены интересы владельцев разных секретов. У нас, в бывшем ЦХСД, был такой случай. Шесть экспертов из разных министерств давали свое заключение: можно рассекретить один серьезнейший документ, или нет. Вот такая существует практика.

Автоматизма, то есть автоматического снятия секретности просто не может быть, потому что, как я уже сказала, срок секретности не носит абсолютного характера. Нигде не сказано, что рассекречивать надо именно через тридцать лет. Просто секретными сведения могут быть не более тридцати лет. Если для соблюдения секретности необходимо более тридцати лет, то это нужно доказывать, тогда этот перечень продлевается.

Но всем должно быть ясно, что есть области, в которых документы не утрачивают своего секретного характера и через тридцать лет. Самый простой пример – сведения о нахождении военных объектов (где они были, там и продолжают находиться), местах хранения мобилизационных запасов и тому подобное. Секрет не устаревает, его и тридцать лет можно хранить, и больше.

Вторая категория секретов – оперативно-розыскная деятельность. Есть Закон об оперативно-розыскной деятельности, есть Закон о федеральных органах безопасности. Там секреты не имеют срока давности. Пока агент или резидент (и, кстати, о разведке) не разоблачен, информация о нем может быть закрыта в течение любого отрезка времени.

Ю.И.ВДОВИН

Я думаю, что в таком случае эта информация в архивы вообще не попадает.

Т.Ф.ПАВЛОВА

Нет, почему? У нас есть такая информация.

Поэтому я хочу сказать, что здесь нельзя исходить из желания запугать кого-то, чтобы потом были основания открыть какие-то данные. Такая ситуация невозможна, она вне правового поля. Спасибо.

В.П.КОЗЛОВ

Я все-таки хочу вернуться к заявленной теме. Необходимость и достаточность. Я думаю, что у государства (у нашего, у любого другого) были, есть и будут тайны, которые необходимо защищать.

Эти тайны могут храниться в течение определенного хронологического периода, могут быть засекречены столь неопределенно долго, сколько необходимо, сколько предусмотрено международными договорами.

Вот, к примеру, документация и информация о производстве ядерного оружия. Как вам известно, по этому поводу существует специальный международный договор, который запрещает в целях борьбы с терроризмом подобного рода информацию каким-либо образом разглашать.

Если говорить о государственных архивах, то у нас есть очень серьезные документы, которые будут еще очень и очень долго находиться на закрытом хранении, например, фонд Верховного Совета. Там есть документация с характеристиками на награждаемых наших разведчиков с очень подробным описанием их действий и т.д. Конечно, эта информация не будет доступна очень многие годы, хотя представить себе, что это будет вечно, невозможно. Потому что очень трудно представить себе, чтобы фонд Департамента полиции был закрыт. Прошло всего столетие, и злободневность этой действительно государственной тайны потеряла свою актуальность. В этом смысле я думаю, что многие проблемы, которые мы сегодня обсуждаем, со временем решатся правильно, хорошо и спокойно.

Я, в принципе, удовлетворен теми законодательными нормами, которые определяют закрытость определенных категорий документов и определенной информации. Таких категорий, если я не ошибаюсь, двенадцать. И все они, кроме одной – последней, обозначены достаточно четко. Эта категория информации обозначена очень и очень неопределенно: «а также другие сведения, составляющие государственную тайну и могущие нанести ущерб государству».

Ю.И.ВДОВИН

Это называется: «а также все, что понадобится впредь».

В.П.КОЗЛОВ

Совершенно верно. Я в своей книге как раз анализирую эту норму и высказываю к ней отношение.

Итак, в государстве существует необходимость защиты определенных сведений. Она была, есть и будет. Иногда эта необходимость неожиданно как бы актуализируется. Например, мы вынуждены были после терактов в Москве дать указание не засекретить, а закрыть некоторые документы, характеризующие городское хозяйство Москвы. В частности, схемы вентиляции метрополитена. И вы сами понимаете, по каким соображениям мы это сделали.

Теперь – о категории достаточности. Достаточность – категория чрезвычайно неопределенная, но я вам могу повторить, что в архивах России существует огромный слой материалов, еще находящийся на секретном хранении и не имеющих никакого отношения к государственной тайне.

Вот два последних примера. Татьяна Федоровна почему-то их не упомянула. В 1942 году Совет Народных Комиссаров (по решению Политбюро) принял решение о наборе в части ПВО девушек-комсомолок определенного возраста – до 22 лет. Нам потребовалось минимум два года, чтобы рассекретить это решение. Вот Татьяна Федоровна подсказывает, что даже до сих пор не рассекретили, но по чисто техническим причинам.

Четыре года назад дочь Чкалова готовила книгу о своем отце и попросила рассекретить документ, характеризующий подготовку полета экипажа в Соединенные Штаты Америки. Три года мы его рассекречивали. Три года! И только терпение дочери Чкалова, ее мудрость, ее понимание, что не все всегда зависит от архивиста, спасли нас от крупного скандала, потому что никаких секретов в этом документе, очень интересном для характеристики этого события, конечно, не было. Поэтому, достаточность – категория неопределенная, но сегодня она, действительно, для архивов России имеет очень и очень злободневное звучание.

Татьяна Федоровна упоминала Распоряжение Президента 1994 года. Я его сам готовил, это распоряжение. Мне казалось, что оно, в принципе, в нормативном виде полностью решает проблему рассекречивания, но оно, увы, к сожалению, не выполняется.

Ю.И.ВДОВИН

Все-таки, может быть, какую-нибудь запугивающую процедуру можно попытаться ввести. Раз пять лет прошло после того, как истек тридцатилетний срок, а соответствующее ведомство ничего не предприняло для рассекречивания, значит, им наплевать на это. Выходит, эти сведения можно рассекретить.

В.П.КОЗЛОВ

Да, наверно, и не наверно, а абсолютно точно, это необходимо. Но, зная реалии (сегодняшние реалии), я могу представить, что даже наличие такой нормы, проблемы, все равно, не решит.

Ю.И.ВДОВИН

Почему? Рассекретим.

В.П.КОЗЛОВ

Представьте себе материалы Госплана – советского Госплана, в том числе материалы наших оборонных комплексов. Туда входила целая система министерств: среднего машиностроения, тяжелого машиностроения, – то есть все те, кто работал на оборону. Сейчас это все находится в Министерстве экономики в двенадцати зданиях в различных клетушках в абсолютно не разобранном виде и так далее, и так далее, и так далее. И, слава Богу, что они хотя бы сохраняются.

Вот с этой точки зрения, с точки зрения знания реалий, я и говорю, что такую норму ответственности необходимо ввести, но мы живем в нашей стране в теперешних, к сожалению,

нию, условиях. Я не хочу говорить в качестве самооправдания или оправдания тех, кто, в общем-то, в значительной степени сдерживает и исторические исследования, и какие-то процессы реабилитации и прочее, и прочее. Я просто констатирую сегодняшнюю ситуацию. Спасибо.

Ю.И.ВДОВИН

Спасибо большое. Грустно только. Я слушаю всех, и мне становится все более грустно.

Пожалуйста, ваше слово, только сначала представьтесь.

И.Г.КИСЕЛЕВ

Когда говорится о проблемах рассекречивания, то создается такое впечатление, что пользователь считает так: злые дяди сидят, но вдруг наступает срок, и нужно всего-то щелкнуть пальцами или зачеркнуть буквы «С» или «СС», – и все будет хорошо. Я просто хотел напомнить (и об этом тут частично говорилось, надеюсь, все это понимают), что рассекречивание – это процесс, который требует определенной работы. Это действительно длительная работа, работа специалистов. Это, во-первых. И привлечь этих специалистов иногда бывает трудно, потому что у них есть и другая работа. Кроме того, бывает, что эта работа требует и материальных затрат. Не все комиссии работают на общественных началах, поэтому необходимо и соответствующее финансирование.

Нужно организовать работу специалистов. В свое время мы обращались в соответствующие органы с письмом, в котором мы спрашивали, можно ли помещать в открытые базы данных информацию о закрытых (типа заголовков тем или названий фондов, объемные показатели и так далее) базах. Мы исходили из искреннего желания продвинуться в этом отношении, а также наилучшим образом наладить учет. Ответ был таков: «Вы это можете делать, если указанные сведения не содержат государственной тайны».

Очень простой ответ, но, с другой стороны, что это означает для нас, архивистов? Мы не знаем, содержат те или иные сведения государственную тайну или нет; для этого нам надо вызывать специалистов, которые каждый раз будут рассматривать десятки тысяч дел и определять – содержат или нет. Такой возможности, как правило, у нас не бывает.

И поскольку я оказался у микрофона, маленькая реплика по дискуссии, в которой я не участвовал – о персональных данных, о том, публиковать или нет документы. Я думаю, что все уже пришли к достаточно единодушному выводу, что такой вопрос законодательно вряд ли может быть решен, скорее это вопрос нравственности. И я хотел бы привести один пример, когда такие вопросы могут решаться легко и просто.

В свое время, где-то лет пятнадцать назад, была, наконец, найдена секретная переписка 1937 года. Мы впервые опубликовали ее результаты. Это было как раз в разгар грузино-абхазского конфликта, в очень горячее время. Среди документов, которые сопутствовали переписи, а ей сопутствовало очень много документов, было и письмо секретаря ЦК компартии Грузии в комиссию, которая занималась подготовкой переписи. Перед всякой переписью населения делается словарь национальностей, перечень всех национальностей с тем, чтобы потом на основании его уже проводить перепись. Так вот, среди материалов было письмо секретаря ЦК компартии Грузии о том, чтобы в этот перечень национальностей не вносить абхазов. Потому что, как он написал, «это не национальность, а просто омусульманенные грузины». Очень интересно.

Ю.И.ВДОВИН

Это, конечно, необходимо засекречивать.

И.Н.КИСЕЛЕВ

Это несекретный документ, но в разгар абхазо-грузинского конфликта мы решили его

не публиковать.

Ю.И.ВДОВИН

Это, действительно, может быть, было разумно.

Предоставляю слово Воронкову.

В.М.ВОРОНКОВ

Я бы разделил две проблемы доступности архивов; и хочу поговорить только по одной.

Первая – это государственная проблема: закрыть как можно больше материалов или побольше открыть, что засекретить или не засекретить. Как граждане, мы будем бороться за рассекречивание и максимальный доступ к информации, но если уж какие законы приняли, то, работники архивов, выполняйте эти законы.

А теперь – несколько слов о реальном доступе к этой информации, которая лежит в архивах. Здесь уже и в докладах довольно много упоминалось, да и мы все знаем из нашей исследовательской работы, какие реальные проблемы возникают в архивах. Я понимаю, когда сотрудники архивов жалуются на недостаток средств, оргтехники и так далее, и этим оправдывают затруднение доступа в архивы. Это, наверное, очень важные проблемы. Я вспоминаю, что при советской власти, когда людям надо было обедать, в то же время обеденный перерыв был и у работников столовых. И конечно те, которые хотят посидеть в архивах вне рабочего времени работников архивов, они этого сделать не могут, потому что работники архивов тоже люди; но как-то эти проблемы постепенно решаются. И за рубежом они решены. Но, надо сказать, что тех же самых финансовых средств и техники в той же мере не хватает и пользователям. Но работникам архивов в этих трудных условиях, когда они вынуждены пользоваться рыночными механизмами, наверное, следовало бы увеличить количество обслуживаемых пользователей, причем на достаточно льготных условиях, чтобы потом те, завершив свою работу, заработали деньги, заплатили налоги, а государство эти налоговые поступления направило в те же архивы для лучшего их материального обеспечения.

Когда мне говорят, почему я требую те или иные дела, ведь это, мол, не в моей компетенции, и не этой темой я занимаюсь, то напрашивается ответ: кто лучший эксперт, чем сам исследователь, который один знает, что ему нужно. Я уж не говорю про вообще методологию исследовательской деятельности, и в архивах в том числе. Это как с пропиской, верно? Система должна быть уведомительной, а не разрешительной. Я хочу, – и мне, пожалуйста, дайте. Я на это имею право, а не то, что мне кто-то что-то должен разрешить.

Так вот я хотел обратить внимание на одну сторону, на одно социальное следствие этой ситуации неравного доступа в архивы разных исследователей. Я не говорю про финансовые вопросы, вымогательство отдельных работников архивов или скрытую коррупцию, даже достаточно формально существующую. Я хочу сказать именно о том неравенстве, когда одним можно получить информацию, а другим нельзя, не положено. Это было особенно характерно в советское время (доступы во всякие спецхраны, в том числе в библиотеках и в архивах).

Что из этого следовало? Во-первых, возникали доминирующие версии общественных событий истории. Некоторые наиболее лояльные господствующей идеологии граждане получали такие разрешения, и они формировали раньше единственную, да и сейчас тоже господствующую версию нашей истории. Поэтому все альтернативные возможности затруднены именно в силу того, что людям недоступны те документы, которые бы они могли интерпретировать иначе.

Второе следствие, мне кажется, еще более важное. Это дифференциация исследователей, связанная с их доступом к информации. Значит, опять лояльно настроенные исследователи получают возможность быстро повышать свой статус, благодаря этому доступу, и полу-

чать все те блага, которые соответствуют данным статусам. Нарушается равенство индивидуальных возможностей. Это равенство декларировано во всех демократических обществах. Его нарушение, соответственно, тоже ведет к усилению господствующей идеологии, потому что альтернативные (при чем обоснованные) высказывания опять затруднены. То есть информация как дифференцирующий ресурс является даже более сильным фактором, чем доход, потому что способствует в определенной мере достижению власти, вхождению во власть.

Я могу сказать, почему сегодня так консервативно руководство официальной наукой, почему так консервативна академическая наука, почему общественные науки так консервативны. Да потому что те, кто имел доступ к информации раньше, они, благодаря этой информации, заняли господствующие позиции, которые сегодня мешают реформировать наше научное сообщество как организацию, как институт.

Поэтому я поддерживаю, конечно же, замечательное высказывание господина Козлова, который говорит, что информация должна быть совершенно равнодоступной и общедоступной. Спасибо.

В.М.ПАНЕЯХ

Я хочу вернуться к вопросу засекречивания и рассекречивания. Я хочу сказать о том, что существует (имеется в виду архив Президента) так называемое мнимое рассекречивание. Вот сегодня выступал Владимир Дмитриевич Есаков и говорил о том, что издан замечательный сборник документов о Политбюро и Академии наук (1922 – 1952 годы). Но там есть ряд документов мнимо рассекреченных, они только кажутся рассекреченными.

Вот, например, решение: о приговорах академикам: Дело «Об Академии наук» – на нем резолюция: «Секретариату ЦК составить инструкцию». И все.

Это все относится к «Академическому» делу. Я вам скажу, о чем идет речь. Аресты академиков начались в октябре 1929 года, а массовые аресты начались 12 января 1930 года, когда был арестован академик Платонов. Для того чтобы арестовать академика Платонова и других академиков, которые были арестованы после него, надо было получить санкцию Политбюро. И 9 января 1930 года была послана докладная записка Сталину и Молотову по поводу этих предполагаемых арестов. Девятого – докладная записка: «Арестовать Платонова и других»; двенадцатого его арестовали. Потом что-то ОГПУ надо делать. И назначается одно заседание Политбюро об Академии наук, потом переносится, потом второе – переносится, потом 25 января состоялось, кажется, заседание Политбюро, которое постановило, чтобы секретариат ЦК составил инструкцию. А я вам объясню, в чем здесь дело. Двадцать третьего, за два дня до этого, была получена докладная записка от Ягоды. Она не дошла до нас, но в докладной записке от 15 сентября этого же года есть ссылка на докладную записку от девятого (которая до нас дошла) и от 23 января. Вот что содержалось в докладной записке от 23-го – нам неизвестно, но, видимо, на основании этой записки и предложили секретариату ЦК составить инструкцию. Сколько бы я не добивался, нет инструкции секретариата ЦК, а инструкция секретариата ЦК – о том, как вести это дело, каков сценарий этого дела. Но ее нет. Вот вам мнимое рассекречивание.

И то же самое августовское постановление «Об Академии наук», «О приговорах академикам». Ясное дело, за два дня до того, как коллегия ОГПУ вынесла приговоры Платонову, Тарле, Лихачеву Николаю Петровичу, целому ряду других – и не только академикам, но и крупным ученым, было вынесено решение: отправить их в ссылку. Публикация есть, но опубликован слепой текст. Непонятно, о чем идет речь.

Ю.И.ВДОВИН

Архив виноват в этом или кто-то еще?

В.М.ПАНЕЯХ

Архив Президента!

В.П.КОЗЛОВ

Я позволю себе не согласиться с Виктором Моисеевичем, и вот по какой причине. Дело в том, что это разная проблематика документальных публикаций. Та публикация, подготовленная Владимиром Дмитриевичем, о которой говорит Виктор Моисеевич, называется «Академия наук в решениях Политбюро». То, о чем говорит Виктор Моисеевич, имеет отношение к документальной публикации под условным названием, допустим, «Академическое дело в истории Академии наук».

Я не знаю, есть ли инструкция, сохранилась ли, рассекречена она или нет. С точки зрения критериев подбора документов для данной конкретной документальной публикации составители поступили абсолютно правильно.

Я говорю о данной конкретной публикации, потому что там, в принципе, не должно было быть этой инструкции.

Другое дело, что эту инструкцию или докладную записку Ягоды можно было использовать в комментариях; я не знаю, как их Владимир Дмитриевич использовал. Но нужно было дать какие-то пояснения, но публиковать ее в данном документальном издании целесообразности не было, Виктор Моисеевич. Я повторяю, не знаю, рассекречена она или нет.

В.М.ПАНЕЯХ

Минуточку, минуточку, я отвечу. Что дает читателю, ученому «Постановление Политбюро о приговорах академикам»? – Всё.

В.Д.ЕСАКОВ

Позвольте, я скажу два слова.

Я хочу заверить почтенную публику в том, что вот эта книжка, которая вышла, включает в себя абсолютно все постановления, выявленные в результате постраничного просмотра, в которых упоминается Академия наук или ее действительные члены, или, естественно, академические учреждения.

К каждому из этих протоколов приложен только тот комплекс документов, который сочли необходимым приложить составители, работники секретариата, работники общего отдела ЦК. Он находится в двух своеобразных комплексах. Это непосредственно как приложение к реальному протоколу, в котором есть всё: машинописная запись, предварительный проект – рукописный или машинописный с подписями всех заинтересованных или просто присутствовавших членов Политбюро. Я могу сказать, что из этих 58 листов мне не удалось отстоять только один документ, причем самый, наверное, невинный и нейтральный, но который мне запретили туда поместить. Это документ о том, что после войны из Германии была вывезена химическая библиотека, и при отделении химии Академии наук создано было специальное хранилище. Поступила бумага от межведомственной комиссии, в которой было не рекомендовано публиковать этот документ. Моя попытка представить реальную справку о том, что эта библиотека была возвращена в Германию в 1961 году, не имела успеха, мне все равно запретили помещать этот документ. Это по поводу комплекса.

Дорогие мои коллеги, я могу вас уверить, если вы, при решении ваших исследовательских проблем хотите выйти на Политбюро (на высшие инстанции) и если вы не нашли их документы в этом сборнике, ищите в другом месте.

А теперь Виктор Моисеевич, по поводу этого конкретного документа. Мы с вами уже не первый раз к нему возвращаемся (мы однажды по этому поводу разговаривали с Виктором Моисеевичем). Понимаете, я категорически против публикации «Академического» дела, точно так же, как я категорически против публикации «Суда палача», посвященной Вавилону, и прочего, по одной простой причине. Понимаете, к сожалению, это ведомство, которое предоставило вам часть этих материалов, оно ведь предоставило вам материалы, про которые вы можете написать только одно: эти материалы фальсифицированы.

Опубликованные материалы фальсифицированы. Кто, когда, на основании каких разработок, под чьим руководством, по каким инструкциям секретариата (или не секретариата) фальсифицировал? Как это происходило? Сколько времени это продолжалось? Года полтора? Я глубоко уверен, что проводились еженедельные, ежемесячные заседания комиссий, следователей, оперативных руководителей, намечавших новые подходы к проведению следствия и допросов. Несомненно, собирали какую-то иную информацию. Где она? В качестве примера вы назвали Платонова. Это ведь бедствие совершеннейшее, если просматривать этот том, не учитывая той внутренней работы, которая проводилась в КГБ. Платонов ведь пишет, – по-моему, в августе— о том, что он жизнью своей клянется, что он не имел никакого отношения к каким бы то ни было антисоветским и контрреволюционным организациям. А через две недели идут страшные его документы, все подтверждающие и называющие фантастические перечни лиц, которые к этому были, якобы, причастны. Что произошло за эти две недели? До тех пор, пока мы не будем знать об оперативных разработках, проводившихся в этом ведомстве, мы не имеем права публиковать материалы, о которых мы можем сказать только то, что они сфальсифицированы. Кто, когда и каким образом проводил эту фальсификацию, – мы этого не знаем, а без этих знаний мы не можем бросать тень на тех людей, которые были осуждены этими судами.

Ю.И.ВДОВИН

А инструкция уже давала, наверно, подход к этому.

В.Д.ЕСАКОВ

Я глубоко убежден, что инструкции, отчеты следователей после каждого или нескольких допросов наверняка существуют. Наверняка существуют материалы аналитических разборок или проверок.

Дело в том, что я никогда не имел дела с теми судами, которые проходили в ГБ, но у меня был полный комплекс материалов с того, еще, увы, закрытого периода нашей истории. Это материалы о том, как действовали в 47 и 48 году «суды чести». Я знаю точно, когда появился первый документ, когда появилась первая виза. Я знаю, что прежде чем проводить расследование, Жданов провел собственное следствие, что он написал самостоятельное представление, что им были организованы многочисленные проверки, к этому привлекались многие люди. Сейчас мы знаем (это опубликовано), что общественным обвинителем на суде чести по делу Ключева и Роскина выступал чрезвычайно уважаемый человек – академик Куприянов, кардиолог. Это патриотическая, в принципе вполне соответствующая духу того времени речь, но Куприянов не писал текста этой речи. Он только озвучил текст обвинения против двух врачей; авторами текста речи общественного обвинителя являлись Александров Григорий Федорович, Смирнов – министр здравоохранения, и Горшенин – Генеральный прокурор СССР. И все это было отредактировано Ждановым.

Все это я реально знаю: сценарий, основные положения, тексты и прочее. Например, после предварительного следствия и в ходе суда Жданову как куратору показалось, что участники процесса недостаточно подчеркивают тот характер обвинений, который был предъявлен – антипатриотичность и антигосударственная деятельность. И он пишет по этому поводу письмо председателю суда чести Шабанову (был такой министр здравоохранения), в котором отмечает целый ряд позиций, и одна из них, наверное, является главенствующей: на ней я и остановлюсь. В конце письма он отмечает, что одно из прегрешений привлеченных к суду профессоров состоит в том, что они не верили в то, что государство может их защитить; поэтому они являются плохими гражданами. Но прежде чем отправить это письмо Шабанову, он, естественно, показывает его Иосифу Виссарионовичу. Сталин прочитал, ему все понравилось, он сделал только одно замечание: он зачеркнул слово «плохие» граждане и написал сверху «сомнительные» граждане. Вот это клеймо «сомнительных граждан», которое существовало в конце сороковых годов, являлось одним из самых сильных обвинений, которые

предъявлялись, чаще, всего космополитам, принадлежит Сталину. Вот это самое исправление синим карандашом, сделанное в письме Жданова, я видел.

Н.Ю.ЧЕРЕПЕНИНА

Здесь выступают в основном представители науки и управленческих организаций, а я представляю архивистов, я работаю в Центральном госархиве.

Что я могу сказать по тем темам, которые сегодня затронуты? Вы знаете, в Историко-архивном институте есть такой курс «Теория и практика архивного дела». Так вот существует также теория и практика доступа к документам. О теории мы сегодня много говорили. Что касается практики, то говорили в основном, естественно, пользователи, которые сталкиваются с теми или иными сложностями. Причем, как я понимаю, на практике с такими же проблемами сталкиваются не только наши пользователи в нашей стране, но и пользователи в других государствах. Здесь говорили о проблеме закрытых документов в Англии, во Франции, можно добавить и в Польше – везде такое есть.

Что сейчас происходит в архивах? Архивисты на практике применяют те несовершенные законы и нормативные акты, которые приняты государством. Сколько раз мы с вами говорили (я уже не первый раз здесь бываю), что необходима четкость в установке хронологических рамок. Мне объясняли: законы обратной силы не имеют. Но почему же мы тогда пользуемся Законом о конфиденциальной информации? А тот закон, который будет приниматься, - о персональной тайне?

Татьяна Федоровна совершенно правильно сказала, что для архивов необходимо, разумеется, свое законодательство и в рамках доступа к персональным данным. На данном этапе основные проблемы заключаются в сохранении государственной тайны, поскольку все-таки это круг более или менее ясен. Конечно, это в основном касается крупных центральных архивов, в меньшей степени – областных. А вот в соответствии с законами, касающимися тайны личности, – тут мы можем закрывать, действительно, каждое второе дело, особенно если будем говорить о том, что мы не должны предоставлять информацию о третьих лицах посторонним гражданам. Здесь нужно учитывать своеобразие (и мы об этом тоже неоднократно говорили) нашего делопроизводства, поскольку практически все архивы были государственными, и никогда не отделялась частная, приватная информация от информации управленческой. Это, во-первых. И поэтому те же рекомендации Совета Европы, которые много пишут о том, что такое государственные архивы (то есть эти рекомендации в первую очередь относятся к государственным архивам) ставят, прежде всего, под удар наши архивы. Потому что у нас государственные архивы обладают такой информацией о личности, которой, пожалуй, нигде в других странах и нет. Именно государственные архивы.

Можно говорить практически по всем проблемам, но особенно нас волнует проблема обеспечения сохранности документов. Здесь затрагивались вопросы о якобы имевшем место уничтожении документов в 30-40-е годы, о том, что не хватает тех или иных личных дел и прочих дел. Но вы учтите, – мы сталкиваемся с такими же проблемами и сейчас. При любом уголовном деле прокуратура приходит и изымает у нас подлинные документы. Причем все попытки убедить прокуратуру в том, чтобы они изымали не оригиналы, а ксерокопии документов (мы их заверим, любые печати поставим) обречены на провал. И в результате, если вы посмотрите многие ведущие фонды нашего архива, в частности Исполкома, позже Петросовета, вы обнаружите, что документы 90-х годов к нам попадают только в копиях, то есть мы заранее подкладываем определенную бомбу под будущую историю.

Ю.И.ВДОВИН

На копиях хотя бы указано, куда пошел документ?

Н.Ю.ЧЕРЕПЕНИНА

Да, мы отдаем это все туда. Нам говорят: «Вот закроем уголовное дело, тогда вы тре-

буйте

его от прокуратуры». А уголовное дело тянется, я уж не знаю, сколько лет. И, разумеется, нам потребовать потом будет не с кого. Эта история, напоминает то, что происходило в тридцатые годы. Ладно, ФСБ еще что-то сохранила, но, например, из Ленинградской ФСБ очень часто дела отправлялись в Москву – и без всяких концов; они просто ничего не могут дать.

То же происходит, в сущности, и на стадии комплектования, потому что отсутствие управленческой дисциплины приводит к тому, что нам, в рамках решений того или иного органа власти, например, администрации ликвидированных районов – Дзержинского, Куйбышевского, сдают копии постановлений, а то и просто не сдают весь комплекс решений того или другого органа власти. И управы на это не найти, потому что любые попытки чего-то добиться заканчиваются отговорками, вроде: «А у нас в архивах никто не работал. Мы все потеряли». И так далее. В дальнейшем это особенно будет касаться архива коммерческих организаций.

И последний момент, на котором я хотела бы остановиться. Разрабатываются проекты очень важных законов. В виде проектов они выглядят, замечательно, но ведь любой проект должен стать реальным законом. То есть он должен быть направлен на то, чтобы существовала реальная возможность получить ту или иную информацию, тот или иной документ.

Здесь уже упоминали, что проведена большая работа по рассекречиванию документов органов МВД-НКВД. Действительно, работа проведена огромная. Но вы попробуйте там, у них, поработать. Средств на перемещение этих документов в удобное хранилище и на доставку их в читальный зал нет. Поэтому вы вынуждены работать с документами в комнате площадью от силы 8-10 квадратных метров, а набиваются в нее десять-двенадцать человек. И мы там работаем. Вот в чем дело. Любой проект должен завершаться реальным введением этих документов в практику работы с ними. Вот что я хотела сказать.

Ю.И.ВДОВИН

Спасибо.

Вот у нас есть еще желающие выступить.

И.П.БАБУРИН

Коллега сказала, что все архивы раньше были государственные. Были еще и партийные архивы, но они тоже теперь стали государственными. Так вот я представитель бывшего партийного архива. И у нас, конечно, много проблем.

Участвуя сегодня в работе конференции, я понял, как велика заинтересованность всех исследователей в получении той информации, которой располагают архивы нашей страны. Видимо, каждый из присутствующих понимает, что архивисты с самых первых шагов своей работы, просто по долгу службы, а многие и по призванию, в течение многих лет, даже работая после выхода на пенсию, делают все, чтобы максимально помогать исследователю в получении той информации, которая его интересует.

Вместе с тем, ход обсуждения всех вопросов показывает, что мы стоим перед дилеммой, перед дилеммой правовой. Как бы архивист ни был заинтересован передать информацию, но он тоже ограничен рамками закона и, конечно, его надо понимать, – он тоже находится на работе. И когда говорят о том, что кто-то проявил смелость, – это не тот подход, который должен быть в данном случае. Многие из нас уже поседели, и поэтому четко и ясно отдают себе отчет в том, когда должна проявляться смелость. Здесь должны проявляться разум и ответственность.

Я об этом говорю, потому что партийные архивы (в данном случае имеется в виду и партийный архив, в котором я работаю), а их почти 300 в стране, перешли в состав государственных. В партийных архивах состав документов и принципы их формирования в дела

одинаковы, как это было принято в партии. Это то, что мы получили, и то, с чем мы сегодня с вами работаем.

Так вот у нас возникают коллизии, когда требования исследователя в силу правовых нестыковок не могут быть удовлетворены архивом. Исследователь по этому поводу встречается с работниками читального зала, при необходимости обращается и к директору. Мы, насколько позволяет наша обстановка, наши знания и наш опыт, стараемся объяснить, почему выдача того или иного документа невозможна. Не всегда эти объяснения принимаются. Это вполне естественно, потому что в данном случае сталкиваются интересы исследователя и требования законодательства или тех нормативных документов, которыми должны руководствоваться работники архивов.

В чем наша трудность? Наша трудность заключается в том, что тот принцип формирования дел, который принят в государственных архивах, для партийных архивов оказался совершенно неприемлемым. У них дела формировались, как вы знаете, так, как поступали документы. Поэтому когда мы берем любое дело, которым интересуется исследователь, то находим в нем все, начиная с информации, извините, об удалении чего-то из каких-то ферм, кончая штамповкой галоч, а следующий документ может содержать информацию по ФСБ. Но архивисты стараются помочь всем, чем могут. Мы соответственно закрываем эти документы, как принято говорить, «конвертуем». Такая практика не нова для нашей страны, и она не нова для всех зарубежных стран. Об этом можно судить по той информации, которую мы теперь получаем из средств массовой информации, о тех конференциях, на которых выступают и представители архивных служб других государств.

Ю.И.ВДОВИН

«Конвертуете» на основе закона?

И.П.БАБУРИН

Я имею в виду, что мы делаем это только на основе закона, конечно. Я должен либо это дело не выдавать, поскольку там имеются документы, которые я не могу дать как директор, либо меня должны обязать это сделать в нарушение закона.

Тогда в моей работе не будет смысла, тогда ее будет делать кто-то другой. Или как директор я должен буду отвечать перед законом: почему я выдал закрытый документ. Товарищи выступали и говорили о том, что и марки, и открытки пропадают. Да что там открытки или марки – фонды вывозят! Недавно только в печати промелькнуло сообщение о том, что целый фото-архив, фото-коллекция НПО "Энергия" передана в Соединенные Штаты с правом эксклюзивной публикации. Но не будем говорить об этом; может быть, это было сделано на основании опять же закона, но ведь это вопросы уже другого порядка.

Архивисты, наоборот, стараются помочь. Но если мы находимся в правовом поле, где имеются нерешенные вопросы, то у меня из практики работы, из обмена мнениями с коллегами (мы же общаемся тоже на конференциях – здесь, или в Европейском университете, где вы тоже бывали), возникает такое естественное предложение. Ведь сейчас с одной стороны – исследователь, с другой – архивист и вся архивная служба. Мы с вами можем говорить, убеждать друг друга еще пять, десять, – сколько угодно лет. И обсуждение этого вопроса может тянуться бесконечно.

Давайте на основании всех предложений, замечаний, соображений, идей, может быть воспринимаемых сегодня как фантастические, мы сделаем какое-то обобщение, посмотрим, в чем заключаются трудности. И выйдем с соответствующей законодательной инициативой, чтобы снять, по крайней мере, те препоны, которые сегодня существуют. Ведь если мы, к примеру, говорим о личных сведениях, то номер домашнего телефона (и у меня это написано в нормативном документе) – это личные сведения, а исследователь может с этим не согласиться. Кто же при этом прав? Тот, кто сумел убедить другого? Или прав тот, у кого нервы оказались крепче? Но это не принцип работы, мы же государственные люди. Все мы – вы как

ученые, а мы как граждане страны заинтересованы узнать нашу историю, узнать именно объективную историю, а не придуманную. А для этого архивист, который должен выдать документ, точно также должен быть защищен законом, как и все остальные.

Мы говорили о конфиденциальных сведениях. Одни считают, что вещи, которые обсуждали на партийных собраниях, относятся к сведениям личного характера. Да, многие из нас знают, что в последние годы проводились открытые партийные собрания, на них рассматривались вопросы неправильного поведения коммунистов. Было такое? Было. И неважно, о чем там шла речь: о построенной на нетрудовые доходы даче или любовных похождениях. Ведь сегодня, когда я выдаю протокол этого собрания, еще живы дети того, кого на этом партийном собрании обсуждали. А обсуждение могло касаться не только этих, в сущности, безобидных вопросов. Так правильно ли будет выдавать исследователю такие протоколы?

И даже если взять, к примеру, протокол собрания партийной организации в пять человек какой-то парикмахерской, то и там можно такое найти! Совсем иное дело, когда на партийных собраниях (в том числе и в парикмахерской) обсуждали Постановление очередного пленума ЦК о дальнейшем подъеме сельского хозяйства или принимали обязательства поехать на уборочные работы. Но речь-то и там шла о конкретных фамилиях. А это ведь партийные архивы. И мы с вами прекрасно понимаем, что туда тот же КГБ, та же милиция, тот же суд, та же прокуратура давали первичные сведения. Как же мы их можем выдавать, не задумываясь?

Значит, видимо, это будет правильно – и в этом архивистов должны поддержать и исследователи, и вся научная общественность, – если мы будем давать информацию, исходя из того, какими сведениями мы располагаем в одном и том же деле (я уже приводит примеры). Но давать на законных основаниях! Путем, может быть, обобщения всего накопленного опыта и с учетом тех трудностей, с которыми мы сталкиваемся, мы должны выработать единое мнение, и выйти в соответствующие органы с законодательной инициативой. Тогда нам всем будет легче, и тогда мы все будем радостно и дружно приветствовать друг друга.

И в заключение. Посмотрите, уважаемые товарищи, сколько прошло у нас разных конференций, и это очень приятно. Очень хорошо, что мы обсуждаем такие злободневные вопросы. Но я бы обратил внимание на следующую деталь. Вот в марте в Европейском университете проходила конференция. Выступал там Владимир Петрович. О чем он говорил? Он говорил о громадных трудностях, которые испытывают архивисты. Речь идет даже о тех случаях, когда пользователю предоставляется та информация, которую можно дать (и которую бы Росархив мог взять). Приводился, в качестве примера, архив Министерства обороны. Выступал Пономарев и говорил о том, что получается, когда мы имеем дело с документами из архива ФСБ. Это не придуманные, это реальные трудности, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, ежечасно.

Последний вопрос, на котором необходимо остановиться. Не только Росархиву, а, наверное, и всему ученому сообществу надо возвысить свой голос в защиту архивиста, и вот по какому поводу. Здесь правильно товарищи говорили, что если информация будет доступна, значит, ученые будут работать, будут расти, чтобы занять соответствующее положение в обществе. Мы целиком и полностью поддерживаем такую позицию. Это логично, это понятно, против этого никто не возразит. Но есть еще один вопрос. Если останется вот такой, как он есть сейчас, уровень заработной платы архивистов, то наступит время, когда все будет доступно, но на архиве будет либо висеть замок, либо там будет работать всего несколько человек. И тогда очередь в читальный зал растянется на десять, пятнадцать или неопределенное количество лет. Надо говорить обо всех вопросах, а не только о том больном, что нас сегодня интересует, потому что это больное связано с очень многими проблемами. И когда оклад машинистки составляет 240 рублей, о чем еще можно говорить?

Я благодарю всех за внимание. Хотелось бы сказать об очень многом. Я не останавливаюсь на тех вопросах, которые вчера поднимал Арлен Викторович. Я, в общем, сказал о

том, какие у нас трудности. Если, может быть, в государственном архиве кадровое дело можно, не глядя, выдать, то у нас кадровое дело нельзя, не глядя, выдать, в том числе и о приеме в партию. Вы понимаете, почему? Потому что там, кроме прекрасных характеристик и представлений к наградам, имеют место быть и другие материалы, которые на сегодня, я думаю, останутся надолго закрытыми.

Спасибо.

Ю.И.ВДОВИН

Вам спасибо тоже за такую, почти точку в нашей дискуссии.

Это тяжелая позиция, но я к вам и ко всем присутствующим сразу хочу обратиться вот с чем.

Уважаемые господа, я от имени нашей организации предоставляю вам возможность дать ваши предложения. Мы готовы на основе полученных предложений сформулировать какие-то общие предложения по изменению законодательной базы. Найдем тот самый субъект, который обладает правом законодательной инициативы, и через которого мы попытаемся лоббировать эти идеи.

Я бы еще хотел обратиться к тем, кто связан с архивами ведомств, скажем так, более богатых, начиная с Министерства обороны, предприятий знаменитой оборонной «девятки», министерства среднего машиностроения и прочих. Архивы у них есть. Их специализированные архивы рано или поздно, насколько я понимаю, должны как-то быть переданы в Росгосархив. А нельзя ли сегодня ставить вопрос о том, чтобы эти ведомства по мере передачи вам документов, перешли не к тому, что они вам грузят «апельсины бочками», а сегодня сказали, что они вам передают подлинники документов, и грузят их бочками и электронные копии делают вам на компакт-дисках? Вот это сейчас для «девятки» – пара пустяков. Их только надо заставить делать, для них это уже не проблема.

Т.Ф.ПАВЛОВА

В Министерстве обороны очень бедный архив.

Ю.И.ВДОВИН

Так надо обращаться это не в архив Минобороны, а Минобороны обязать выделить средства.

И.П.БАБУРИН

Юрий Иннокентьевич, можно дополнить?

Вы навели меня на мысль. Еще один очень существенный момент, который надо иметь в виду и, может быть, с ним выходить в порядке законодательной инициативы.

Мы сейчас все время говорим о рассекречивании, рассекречивании, рассекречивании, но ведь засекречивал не архив, засекречивал фондообразователь. Поэтому я прошу иметь в виду следующее. Партийные архивы, в отличие от государственных архивов, в этом отношении находятся в безвыходном положении. Почему? Потому что там фондообразователь сдавал материалы. Наши фондообразователи – шесть с половиной тысяч предприятий в Питере – на самом деле не фондообразователи. У меня фондообразователи – партийные комитеты. А служебные документы оказались среди партийных. Значит, надо принимать решение, как их рассекречивать. И если мы сегодня будем искать этих фондообразователей, на это уйдет сто, сто пятьдесят, а то и двести лет.

Чтобы снять эту проблему в будущем, – а с этой проблемой нам придется еще долго сталкиваться, – нужна законодательная основа. Может быть, я ошибаюсь. Есть фондообразователь – НПО "Энергия" или "Электросила", он сдает, или должен сдавать свои документы в архив. И у них есть секретные документы. В архив сдаются документы рассекреченные, не должно быть в архиве секретных документов. А вот дальше фондообразователь, в соответ-

ствии с законом, пусть сам заботится о рассекречивании архивов. Он ведет хозяйственную деятельность, у него есть деньги, он и должен привлекать экспертов. И вот тогда мы снимем эту проблему. А не решим этой задачи, она останется.

Ю.И.ВДОВИН

Я не возьмусь оценивать эти идеи.

Все устали. Нас ждет кофе, и кто-то хотел в Петербурге до автобуса побегать.

Давайте так. Я еще раз повторяю. Наша организация открыта для всех вас. Наш адрес известен. Присылайте нам – на мое имя или на имя Пустынцева Бориса Павловича предложения, идеи по архивному законодательству, включая записку о том, чтобы поднять зарплату архивным работникам до зарплат министров.

Мы беремся попытаться как-то это обобщить, попытаться что-то сделать. Сделать хоть какой-то первый шаг, потому что, похоже, больше никто не занимается этим делом. Мы готовы сделать первый шаг, и тогда, может быть, кто-то другой тоже будет этим заниматься.

Тогда я последние два слова даю нашему гостю с Урала, а после этого я сделаю еще одно объявление, и мы разойдемся.

Г.В.ГАССЕЛЬБЛАТ

У меня предложение.

Во-первых, большинство исследователей и ученых с исторических кафедр и факультетов не имеют представления о том, что такое путеводитель по архиву, потому что архивы издают их очень маленькими тиражами, и до историков эти путеводители не доходят. Вот надо подумать и об этом. Кстати, это одна из форм хорошего бизнеса.

Теперь дальше. В отношении номера личного телефона говорили, что это секретные данные. Извините, у меня дома лежит телефонный справочник Екатеринбурга за 1929 год. В нем указан домашний телефон начальника местного НКВД. Это не являлось военной тайной в то время.

В отношении законодательной инициативы. Законодательной инициативой обладает любой депутат. Что для начала надо сделать? Конечно, собрать те предложения, которые здесь прозвучали; я надеюсь, что они застенографированы. Но чтобы от чего-то отталкиваться, нужно иметь какой-нибудь сборник, справочник по действующему законодательству по архивному делу. Вот есть такой справочник? Оказывается, есть.

Необходимо внимательно с ним ознакомиться, посмотреть, что там так, что не так, и, может быть, нужно где-то что-то изменить или дополнить. Потому что, не зная, как закон определяет деятельность архивов, мы не можем правильно подойти к решению этого вопроса.

Надо точно знать, в каких случаях проявляется самостоятельность работника читального зала, самостоятельность директора отдельного архива, а где их действия определены нормативными актами. Росархив, например, ввел свои порядки, а закон, оказывается, запрещает это делать. Вот чтобы не было этих расхождений, надо использовать такую возможность.

Ю.И.ВДОВИН

Спасибо большое.

Н.А.БУРАВЧЕНКО

Два слова в ответ товарищу.

Я по поводу путеводителей. Я не знаю, как на Урале, но я хочу сказать про архивы, которые входят в Архивное управление Санкт-Петербурга. В последние годы мы издали справочники по фондам Ленинградского областного государственного архива, Архива науч-

но-технической документации. Все эти путеводители, эти справочники можно приобрести в читальных залах этих архивов. Я не знаю, почему какие-то у вас возникли трудности.

В читальном зале тех архивах, которые я назвала, вы сможете эти справочники приобрести.

И партийный архив недавно, как говорил Арлен Викторович, с помощью фонда Сороса издал свой путеводитель. Вы с ним можете ознакомиться, и насколько я понимаю, в читальном зале он есть.

Ю.И.ВДОВИН

Ну, мы кофе сегодня, наверное, не попадем пить.

В.Д.ЕСАКОВ

Поскольку неожиданно эта книжка стала предметом обсуждения, позвольте вам ее подарить.

Ю.И.ВДОВИН

Спасибо большое. Это очень ценный подарок. Я как раз думал, где бы нам ее взять.

(Организационные объявления)